

А
Ф
И

Академия Фундаментальных Исследований

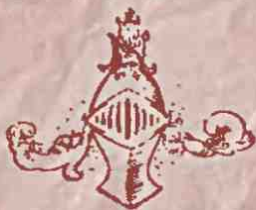
И
С
Т
О
Р
И
Я

О. А. Добиаш-Рождественская

Эпоха Крестовых Походов

ЗАПАД В КРЕСТОНОСНОМ ДВИЖЕНИИ

УРФС

Академия Фундаментальных Исследований

О. А. Добиаш-Рождественская

Эпоха крестовых походов

ЗАПАД В КРЕСТОНОСНОМ ДВИЖЕНИИ

Общий очерк

Издание второе, стереотипное

УРСС
Москва • 2003

Добиаш-Рождественская Ольга Антоновна

Эпоха крестовых походов (Запад в крестоносном движении). Общий очерк.
Изд. 2-е, стереотипное. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 120 с. (Академия фундаментальных исследований: история.)

ISBN 5-354-00112-9

Книга известного российского историка-медиевиста О. А. Добиаш-Рождественской (1874–1939) подробно и ярко, несмотря на небольшой объем, повествует о событиях XI–XIII веков, когда огромные массы населения средневековой Европы пришли в движение, чтобы найти путь в Землю Обетованную. По мнению автора, крестовые походы были не только этапом экономической борьбы за восточные рынки, средством удовлетворения все возрастающей нужды в земельных наделах или грандиозной рыцарской авантюрой — хотя все эти мотивы, так или иначе, присутствуют в крестоносном движении. Главным в крестовых походах было то, что они явились огромных размеров паломничеством, расширившим русла тех потоков, которые задолго до XI века катились на восток.

Рекомендуется специалистам-историкам, а также широкому кругу читателей, неравнодушных к проблемам исторической науки.

Издательство «Едиториал УРСС». 117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, 9.
Лицензия ИД № 05175 от 25.06.2001 г. Подписано к печати 14.03.2003 г.
Формат 60×90/16. Тираж 1000 экз. Печ. л. 7,5. Зак. № 66.

Отпечатано в ГУП «Облиздат». 248640, г. Калуга, пл. Старый Торг, 5.

	ИЗДАТЕЛЬСТВО	УРСС
	НАУЧНОЙ И УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	
	E-mail: URSS@URSS.ru	
	Каталог изданий	
	в Internet: http://URSS.ru	
	Тел./факс: 7 (095) 135-44-23	
	Тел./факс: 7 (095) 135-42-46	

ISBN 5-354-00112-9

Подготовка крестоноснаго движенія.

„Какъ случилось, — спрашиваетъ въ началѣ своего повѣствованія Фульхерій Шартрскій, участникъ и хроникеръ I Похода, — что презрѣвъ цвѣтъ міра, такіа массы вняли голосу Божію, покинули жець, родныхъ, имѣнья и, по евангельскому велѣнію, послѣдовали за Богомъ, зажженные любовью къ Нему и исполняясь Его вдохновенія? Великіа страданія претерпѣли наши воины. Они терзались невыносимыми муками голода и жажды. Ихъ распинали, избивали, съ нихъ сдирали кожу и отсѣкали члены. Тысячи мучениковъ, изъ любви къ Христу, погибли блаженною смертію, и ихъ дѣянія озарены чудесами. Кто можетъ не изумляться, видя, что мы, малый народъ, могли среди столь многочисленной державы враговъ нашихъ не только бороться, но даже жить. Кто слышалъ когда-либо подобное? Вотъ Египеть и Эѳіопія, вотъ Аравія и Халдея, а также Сирія, вотъ Ассирія и Мидія, вотъ Парѳія и Месопотамія, вотъ Скиѳія и Персида! Великое море отдѣлило насъ отъ христіанства и замкнуло въ рукахъ стужающихъ на насъ, по изволу Божію. Но самъ онъ сильною рукою хранилъ насъ. Блаженъ народъ, съ которымъ владыка Богъ его“.

Самъ Фульхерій зажженъ огнемъ того вдохновенія,

которое описываетъ, и въ его свѣтъ происходящее для него озарено чудесами. Но онъ старается сдержать волнующій его энтузіазмъ и честно исполнить свой долгъ историка. Онъ исполнилъ его,—это слѣдуетъ признать,—очень дѣльно и объективно для своего времени и имѣлъ право—которымъ гордился бы всякій изслѣдователь крестоноснаго движенія—закончить свое введеніе словами:

„Весь же ходъ великаго дѣла, его начало, и какъ къ его совершенію былъ подвигнуть западный міръ, и почему напрягъ онъ на него мышцы и волю,—разъяснить слѣдующее далѣе историческое повѣствованіе“...

Ища „составляющихъ“ крестоноснаго движенія, хотѣли видѣть въ немъ этапъ экономической эволюціи, длительный эпизодъ въ борьбѣ за восточные рынки; для извѣстныхъ элементовъ земледѣльческаго населенія Европы оно явилось продолженіемъ начавшагося въ немъ съ XI вѣка переселенческаго движенія; многодѣтныя семьи землевладѣльческой аристократіи стремились использовать походы за море, какъ средство удовлетворенія возраставшей нужды въ земельныхъ надѣлахъ,—„феодахъ“; въ нихъ можно усматривать грандіозную рыцарскую авантюру, дававшую исходъ жаждѣ приключеній и подвиговъ. Всѣ эти мотивы и двигатели вмѣщаются въ крестоносномъ движеніи. Но больше всего и прежде всего, въ томъ, что было въ нихъ своеобразнаго, что дѣлало ихъ явленіемъ всенароднымъ, Крестовые Походы являются огромныхъ размѣровъ паломничествомъ, расширившимъ русло тѣхъ потоковъ, которые задолго до XI вѣка катились на Востокъ.

Когда религіозное рвеніе Константина и Елены возвратило Іерусалиму его имя и честь святого города, вмѣсто языческаго имени Эліи Капитолины, открыло пещеру Гроба Господня и холмъ Голгоѡы, когда на горѣ Елеонской и на вершинѣ Сіона засіяли базилики, одѣ-

тыя торжественнымъ искусствомъ вѣка Флавіевъ, когда „отъ Дана до Вирсавіи съ Библіей въ рукахъ обошли Палестину и установили памятные мѣста священной исторіи Вѣтхаго и Новаго Завѣта“, —туда двинулись дружины путниковъ, охваченныя „любовной жаждой видѣть святыя мѣста“ (cupido visendi). Отъ IV до XI вѣка около святынь Іерусалима, среди массы посѣтителей отъ сосѣднихъ восточныхъ областей, прошелъ не одинъ гость далекаго Запада. Анонимный путешественникъ изъ Бордо, въ концѣ IV вѣка проѣхавшій вдоль Пиренеевъ, Средиземнаго приморья, затѣмъ поднявшійся по Ронѣ, чтобы у Mont-Genevre вступить въ Альпы, прошедшій Ломбардію, горы и равнины Балканскаго полуострова, и черезъ Константинополь, Малую Азію и Сирію достигшій Іерусалима, оставилъ подробный указатель своего пути, съ перечисленіемъ этаповъ, остановокъ, гдѣ онъ ночевалъ, мѣнялъ лошадей и сдѣлалъ отмѣтки о числѣ мильныхъ камней пройденнаго пути. Сухое перечисленіе станцій съ вступленіемъ въ Палестину превращается въ подробное описаніе святынь. Въ тѣ же десятилѣтія, зараженная увлеченіемъ блаженнаго Іеронима, въ Палестину совершила паломничество группа знатныхъ римлянъ. „Наступитъ ли день, — пишетъ подругѣ одна изъ участницъ странствія, — когда намъ дано будетъ войти въ пещеру Спасителя, у Гроба Господня плакать съ матерью, плакать съ сестрой? Цѣловать Крестное древо и на горѣ Елеонской съ вознесшимся Спасителемъ возноситься духомъ и стремленіемъ; видѣть исходящаго Лазаря, спутаннаго пеленами, чистыя волны Іордана, притекшія чистѣйшими къ купели Господней, проникнуть въ хлѣвъ пастырей, молиться у Давидова мавзолея?..“ и перечисливъ въ томъ же порывѣ восторга памятные мѣста Палестины, странница заканчиваетъ: „И тогда вернемся въ нашу пещеру и будемъ пѣть непрестанно, часто плакать, непрерывно молиться; и

уязвленные копьемъ Спасителя, воскликнемъ:— „Нашла я того, кого искала душа. Удержу его и не отдамъ“.

Женскіе дневники—самая благоуханная страница въ книгѣ паломничествъ. Въ вьерзонскомъ монастырѣ въ Испаніи наканунѣ арабскаго нашествія читали и комментировали загадочный дорожникъ, также конца IV вѣка, извѣстный подъ именемъ „Хожденія Сильвіи“. Вновь открытый въ концѣ прошлаго столѣтія (уже оборваннымъ, лишеннымъ начала и конца), онъ возбудилъ глубокой интересъ европейскихъ и русскихъ изслѣдователей. Его авторъ—женщина, несомнѣнно очень знатная, повидимому, настоятельница или монахиня какого-то испанскаго монастыря. „Востокъ позналъ ее,—говорить о ней вьерзонскій инокъ VII вѣка,—дѣву, вышедшую отъ крайняго Запада, съ береговъ, омываемыхъ волнами Океана. Она не знала отдыха на землѣ, чтобы съ побѣдной пальмой достигнуть вѣчнаго покоя, „царства эфирнаго свѣта“. Онъ характеризуетъ ее одновременно, какъ „хрупкую, нѣжную“ и вмѣстѣ „мужественную“. „Она посѣтила знаменитыя обители Фиваиды, она слѣдовала въ Египтѣ по путямъ народа избраннаго; она видѣла славные города и оставила изящное ихъ описаніе. Слѣдуя всюду по стопамъ Израиля, она достигаетъ, наконецъ, подошвы Синая“. Нѣжная и простодушная, наблюдательная и „любопытная“,—такъ выражается о себѣ она сама („я очень любопытна“), странница проникала всюду: въ пески Заіорданской Земли, въ глухія обители на малодоступныхъ горахъ, гдѣ „святые“ принимали ее съ благословеніями и евлогіями, къ „последнимъ предѣламъ Имперіи, за которыми уже нѣтъ доступа римлянамъ“. Одно изъ самыхъ прозрачно одухотворенныхъ впечатлѣній ея странствія видѣніе, открывающееся съ вершины Синая. „Труденъ подъемъ на эту гору. На нее восходишь не кругами... а прямо вверхъ, точно по стѣнѣ... Оттуда, гдѣ мы стояли подлѣ

стѣнь церкви, съ вершины центрального возвышенія подь нами разстились, точно холмы, тѣ высокія горы, по которымъ мы съ такимъ трудомъ только что взошли. При подъемѣ онѣ казались безконечными; я сказала бы, что не видѣла болѣе высокихъ, но эта средняя ихъ еще превосходила. И видѣли мы отсюда Египеть и всю Палестину и Красное море, а также безконечные предѣлы сарацынъ такъ глубоко и далеко, что вы этому и не повѣрите“... Но земная картина, разстилавшаяся у ногъ неутомимой странницы, начинаетъ закрываться волнами небеснаго свѣта, и взглядъ обращается въ высоту. „Созерцая въ душѣ своей грядущее пришествіе Бога и какъ бы сопереживая его въ настоящемъ, въ забвеніи женской своей слабости и грозной суровости крутого утеса, точно поднятая божіею десницею, она возносится на святую гору, вершина которой уходитъ въ тучи, и гдѣ въ облакахъ небесныхъ явится нѣкогда—мы этого чаемъ—неизреченная слава Божія величія“.

Ранній потокъ мирныхъ и радостныхъ паломничествъ обрывается въ событіяхъ, которыя навсегда оторвали христіанскій Востокъ отъ власти византійскихъ императоровъ. Съ наступательнымъ движеніемъ персовъ, достигшимъ въ 614 году Іерусалима, а въ 616 году Египта, справилась энергія императора Ираклія; но на развалинахъ персидскаго владычества поднялась новая сила арабскаго завоеванія. Въ 637 году Омаръ овладѣлъ Іерусалимомъ. Съ половины VII вѣка арабское господство утвѣрилось въ Персіи, Сиріи, Арменіи, Африкѣ, угрожало Карѳагену и самому Константинополю. „Неодолимая сила,—замѣчаетъ историкъ,—влекла арабовъ на Западъ, и эта сила сломилась только у Константинополя въ 718 году“ передъ ополченіями Льва III и у Пуатье въ 732 году передъ конницей Карла Мартелла.

Его побѣда спасла отъ нашествія сѣверную Европу, но Испанія стала арабской державой; сарацыны распо-

ряжались во многихъ портахъ и гаваняхъ южной Франціи и Италіи, главныя станціи морского пути на Востокъ,— Критъ и Сицилія,—оказались въ ихъ рукахъ; Средиземное море было покрыто арабскими судами. Въ такихъ условіяхъ не могло быть рѣчи о правильныхъ и многочисленныхъ паломничествахъ. Однако, даже въ VII вѣкѣ движеніе, уносившее на Востокъ западныхъ паломниковъ, внезапно и рѣзко замедлившись, не замерло вполнѣ. Поддерживая традицію Григорія Великаго, папы продолжали слать милостыни заморскимъ христіанамъ. Въ 670 году Аркульфъ „епископъ, по національности галлъ, довольно странствовалъ въ далекихъ странахъ, умный и правдивый наблюдатель... (такъ характеризуетъ его секретарь его Адамнанъ). Десять мѣсяцевъ провелъ онъ въ Іерусалимѣ-градѣ, ежедневно обходя святыя мѣста, и изложилъ видѣнное мнѣ, Адамнану, внимательно выслушивавшему рассказъ, сперва заносившему его на таблички, чтобы потомъ вкратцѣ изложить на пергаменѣ“. На восковой табличкѣ Аркульфъ, по просьбѣ своего сотрудника, чертилъ планъ Гроба Господня и церкви, воздвигнутой надъ нимъ. Онъ видѣлъ въ Іерусалимѣ ярмарку 15 сентября, куда, по его свидѣтельству, сходятся, наряду съ сирійцами, арабами и греками, „люди съ западныхъ береговъ“. Впечатлѣнія дорожниковъ галла Аркульфа, итальянца Антонина (VII вѣка), англосаксовъ Виллибальда и Беды (начало VIII вѣка) проходятъ на темномъ фонѣ атмосферы, созданной для путниковъ въ Святую Землю „сарацынскимъ ужасомъ“, господствовавшимъ на моряхъ, состояніемъ смуты и несчастья, въ какомъ въ ту пору находились сильнѣйшія изъ державъ христіанскаго Запада: Франкская Галлія и Лангобардская Италія; но и въ нихъ горитъ все тотъ же глубокой и сосредоточенный жаръ божія странничества, „любовная жажда видѣть святыя мѣста“.

Относительно долгимъ былъ просвѣтъ, который дало Европѣ господство Каролинговъ. Правда, ихъ усилій едва хватало, чтобы удерживать миръ на сѣверѣ; ихъ флотилии не безъ труда справлялись съ задачей держать сторожевую службу у береговъ Галліи. И все-же обаяніе имени Карла и паспортъ, скрѣпленный печатью государя изъ дома Каролинговъ, оказывали нѣкоторую защиту западнымъ странникамъ. Съ 800 года нововѣнчаный императоръ Запада сталъ официальнымъ патрономъ Палестины, получивъ, въ видѣ почетнаго дара, ключи св. Гроба и знамя города Іерусалима. Снова въ святомъ городѣ растутъ латинскія учрежденія: обитель на горѣ Елеонской, женскій монастырь подлѣ Св. Гроба, обширная франкская колонія на „полѣ крови“, гдѣ воздвиглись базилика, страннопріимный домъ, библиотека и рынокъ, поддерживаемые доходами съ виноградниковъ, полей, садовъ и мызъ въ Іосафатовой долинѣ. Возобновляется движеніе посольствъ, грамотъ, милостынь. Съ ними ширится и потокъ паломничества. Странническая тяга побѣждаетъ косность неподвижныхъ привычекъ жизни, снимаетъ съ насиженныхъ гнѣздъ епископовъ, какъ Конрадъ Констанцкій, аббатовъ, какъ Фулькъ, настоятель Флавиньи, Іоаннъ Монтекассинскій, „нѣжныхъ“ женщинъ, какъ Юдиѳъ, невѣстка императора Оттона, Гидда, графиня Швабская, простыхъ монаховъ, какъ „франкскій инокъ Берnardъ“, съ товарищами. Видѣтъ святыя мѣста, въ прозрачной іорданской струѣ утолить жаръ сердца, разгоряченнаго „любовной жаждой“, сломить пальмовую вѣтвь въ іерихонской долинѣ, унести подлинную реликвию отъ Гроба Господня: осколокъ камня его пещеры, кусочекъ Крестнаго Древа, свѣчу, загорѣвшуюся нездѣшнимъ свѣтомъ въ пасхальную ночь, видѣтъ съ высоты Синая „неизреченную славу Божія величія“,—таковы были стремленія, заставлявшія пренебрегать опасностями „бурныхъ

морей, высокихъ горъ, суровой яростью дикихъ народовъ“. Греза влекла за моря. На землѣ самой романской Европы, начавшей,—по выраженію бургундскаго монаха Глабера, — „покрываться бѣлымъ одѣяніемъ церквей“, эта греза вызывала изъ земли множество своихъ воплощеній, круглыхъ „храмовъ св. Гроба“. Вновь создаваемая церкви наполнялись реликвіями Святой Земли; въ нихъ вѣрные прикасались къ „злогамъ“ (pignora) нездѣшной святыни. Отовсюду „и изъ Иерусалима и изъ Британніи открывалось видѣніе небснаго чертога“...

Странническія толпы двигались со всѣхъ сторонъ. Самыми подвижными были норманны и англосаксы. Первые избирали одинъ изъ трехъ путей: восточный, черезъ Россію, западный—вокругъ береговъ Испаніи черезъ Гибралтаръ и южный—черезъ Римъ и восточныя гавани Италіи. Вторые двигались преимущественно этой третьей дорогой. Они пускались въ путь въ весеннее время, „вознося передъ его началомъ молитвы Всевышнему, да поможетъ онъ безопасно пройти снѣжныя цѣпи Альпъ“. Въ Альпахъ и Апенниннахъ ихъ ждали пріюты, выстроенныя государями изъ дома Каролинговъ или мѣстными итальянскими князьями: госпиціи Людовика Благочестиваго, Матильды Тосканской, королевы Ансы. Въ Римѣ многіе проводили зиму, и съ концомъ пасхальнаго времени, „свѣтло озарявшаго весь міръ, поднималось и двигалось дальше бодрое войско“. По словамъ Беды, въ его время совершать паломничество въ Римъ и,—какъ можно догадываться относительно многихъ изъ этихъ странниковъ,—слѣдовать далѣе въ Палестину—стало обычаемъ англовъ, „знатныхъ и простыхъ, клириковъ и мірянъ, мужчинъ и женщинъ“. Французскіе путники оставили нѣсколько меньше слѣдовъ въ лѣтописныхъ памятникахъ, зато на этапахъ ихъ дороги въ Испанію, Италію и на Востокъ распустился пышный цвѣтъ ска-

заній и пѣсенъ, собравшихся вполсѣдствіи въ вѣнокъ Chansons de geste, вокругъ имени Карла. Темпъ паломничества все учащается въ концѣ X и первые годы XI вѣка. Сарацынская гроза на моряхъ становится менѣе давящей. Пираты втягиваются въ круговоротъ хозяйственной и культурной жизни, правильнаго товарообмѣна. Въ самой Палестинѣ владычество арабовъ утратило свой враждебный христіанству обликъ. Раны, которыя нанесли ему 11 лѣтъ (1009—1020) террора, поднятаго полубезумнымъ халифомъ Хакемомъ (въ эти годы разрушенъ былъ храмъ Св. Гроба, скрыты до основанія базилики Флавіевъ и сооруженія Карла Великаго, христіане подверглись жестокимъ гоненіямъ и униженіямъ), эти раны были въ значительной мѣрѣ залѣчены съ новымъ поворотомъ политики халифа, столь же необъяснимымъ, какъ и первый. Однако, эти годы положили конецъ латинскому протекторату надъ Святой Землей. Наслѣдство Каролинговъ, потерявшихъ престижъ на Западѣ, уже ранѣе подбирала окрѣпшая съ побѣдами Никифора II и Цимисхія, Восточная Имперія. Латинскій авторитетъ отступалъ въ Сириі и на моряхъ. Греческіе императоры возвращаютъ христіанству Кипръ и Антиохію, Эдессу, Кесарію и Назаретъ. Казалось, близокъ былъ часъ освобожденія самого Іерусалима. Во всякомъ случаѣ, событія, наносившія уронъ самолюбію западнаго священства, какъ и царства, не отразились прямо на западныхъ паломничествахъ. Людовикъ или Никифоръ, христіанскій государь-патронъ Св. Гроба, казалось, обезпечивалъ всѣмъ единовѣрцамъ спокойное пребываніе въ Іерусалимѣ. Соперничество греческой и латинской Церквей стало ощущаться неблагоприятно пилигримами только въ годы, послѣдовавшіе за ихъ официальнымъ разрывомъ (1054 г.). Уже въ 1055 г. его слѣдствія испыталъ на себѣ св. Льетбертъ, епископъ Камбре. Затрудненія, какія чинилъ ему на Кипрѣ визан-

тійській катапанъ, заставили его отказаться отъ мысли посѣтить Іерусалимъ.

И несмотря на все, любовная жажда видѣть свята мѣста, наряду съ иного рода причинами, бросавшими населеніе на большую дорогу и усиливавшими размахъ странничества, разрасталась въ настоящее пламя, которымъ въ XI вѣкѣ все сильнѣе горѣлъ Западъ. Нелегкой задачей является въ этомъ случаѣ участь дѣйствіе вышеупомянутыхъ „иныхъ причинъ“. Многимъ изъ прежнихъ историковъ рисовался тутъ нѣсколько упрощенный образъ все сгущающейся атмосферы несчастья на землѣ Европы, и въ особенности, Франціи: грозныя, притомъ учащающіяся въ XI вѣкѣ, голодовки; ихъ спутники—моровыя язвы; особенно многочисленныя наканунѣ I Крестоваго Похода, „небесныя знаменья“; отсюда — чувство отчаянія, остраго ужаса, сознанія грѣховности и, какъ выходъ, — „путь за море“ (*iter transmarinus*) съ его надеждой на перемѣну, съ его покаяннымъ, спасительнымъ смысломъ. Эти наблюденія какъ будто подтверждаются замѣчаніемъ Эккегарта изъ Ауры, сдѣланнымъ въ годъ перваго крестоноснаго подъема: „западныхъ франковъ легко убѣдить покинуть свои деревни, ибо Галлія вотъ уже нѣсколько лѣтъ терзается то междуусобными войнами, то голодомъ и смертностью, а послѣднее время—моровой язвой“. На нихъ могутъ навести, при извѣстномъ подборѣ, показанія анналистовъ. Сплошь да рядомъ въ этихъ послѣднихъ наталкиваешься на явленіе, незнакомое уже культурнымъ, хозяйственнымъ странамъ Запада, но еще памятное намъ, когда въ одной и той же мѣстности, въ два другъ за другомъ слѣдующіе года населеніе сперва не знаетъ, куда дѣться съ избыткомъ урожая, а потомъ голодаетъ. За 1085 г. въ анналахъ св. Никазія Реймскаго находимъ слѣдующую отмѣтку: „въ этомъ году было такое изобиліе вина, что у людей не хватало вмѣстилищъ для его сбе-

реженія. Виноградники часто не обирались, а были предоставлены скотинѣ“. Годъ спустя тотъ же анналистъ сообщаетъ: „былъ полный неурожай винограда; безпредѣльные виноградники стояли безъ плода“. Населеніе встрѣчало одинаково неприготовленнымъ урожай и недородъ, не умѣло сберегать излишковъ, обезпечивать себя подсобными промыслами. Оно не умѣло орошать поля при засухѣ и спасать ихъ отъ наводненій. Такъ получаютъ длинные анналы голодовокъ, описанія которыхъ сперва пугаютъ насъ, а потомъ приучаютъ къ себѣ; и мы читаемъ ихъ съ такимъ же фатальнымъ спокойствіемъ, съ какимъ отмѣчаетъ ихъ хроникеръ. Не поднимая и не опуская психическаго своего камертона, онъ сообщаетъ подъ 1086 г. о томъ, что „наступилъ сильнѣйшій голодъ... бѣдняки ѣли трупы овецъ, коней, быковъ въ самое Св. Четырдесятницу, пожирая, вмѣсто хлѣба, виноградные листья“. Неурожай наступалъ отъ самыхъ разнообразныхъ причинъ. „Въ 1093 г. была великая засуха отъ 8 апрѣльскихъ календъ до 17 календъ сентября. Она вызвала безплодіе земной утробы, скудость урожая на хлѣбъ и иные плоды“. Въ 1094 г. наоборотъ, пшеницы покрылись туманами и не вызрѣли. Еще два года спустя урожай погубило наводненіе. Иногда поля стояли достаточно согрѣтыя солнцемъ и увлажненные дождемъ, но „утроба земная, готовая родить, покоилась мертвая и печальная, потому что нечѣмъ было ее засѣять“. Въ 1096 г. „была великая гибель сѣмянъ въ погребяхъ, отчасти изъ-за червей, отчасти изъ-за дождей“. Нѣтъ страницы, на которой не возвращалось бы: „и былъ голодъ въ области Реймской... Суассонской... Турской“... Особенно потрясающее впечатлѣніе производитъ описаніе голода въ Бургундіи въ 1031—33 гг., когда „стали выносить на рынокъ чловѣческое мясо и заманивали въ лѣсъ дѣтей, чтобы ихъ съѣсть“, когда „лица людей блѣднѣли и худѣли, кожа

натягивалась и пухла, голосъ слабѣлъ и напоминалъ жалобный крикъ издыхающей птицы“. Краски неизбежно сгущаются, когда собираешь въ одно всѣ цитаты. Однако, ихъ гипнозъ въ значительной степени разсѣивается передъ спокойной оцѣнкой показаній. Отдѣльныя бѣдствія, отмѣченныя хроникерами, слѣдуетъ локализовать: часто они захватывали только небольшую, опредѣленную область. Знаменитую цифру въ „49 голодныхъ лѣтъ на XI вѣкъ“ надо разнести въ разныя области Франціи. Надо учесть и то, что хроникеры XI вѣка, всѣ почти монахи, склонны къ пессимистическимъ тонамъ въ изображеніи, къ преимущественно страшнымъ и печальнымъ рассказамъ. Труднѣе ослабить размѣры и значеніе другого зла; о которомъ много говорятъ ихъ мемуары: повальныхъ болѣзней, слѣдовавшихъ обычно за голодовками. Въ этихъ случаяхъ паломничества къ Святымъ мѣстамъ и массовыя раздачи милостыни оказывали плохую услугу, часто только усиливая зло.

Голодь и засуха, страданія отъ грозныхъ эпидемій и суровыхъ зимъ могли повышать, конечно, возбудимость измученныхъ и потрясенныхъ нервовъ. Охваченный огнемъ нездороваго возбужденія, разгоряченный мозгъ открывался бреду: кошмару или сладкому, блаженному видѣнію. Душа, напуганная стихійными ужасами окружающаго, утрачивала довѣріе къ собственной силѣ; бѣдная опытомъ мысль уже не улавливала развертывающейся въ природѣ цѣпи неизбежныхъ причинъ и слѣдствій. Она раскрывалась для воспріятія чуда, и чудо являлось. Такую связь страданій и чудесъ совершенно безсознательно выразилъ хроникеръ св. Максенція подъ 1093 г. „Въ ночь, когда умеръ король Филиппъ, видно было, какъ падали звѣзды съ неба, подобно тухнувшимъ факеламъ. Въ этомъ году была великая засуха отъ апрѣля до сентября, что вызвало не-

урожай... Въ нѣдрахъ земли слышенъ былъ на большой глубинѣ звонъ воды. Въ этомъ году обитель св. Маріи у Целлы процвѣла чудесами“.

Но если трудно развести руками средневѣковую бѣду болѣзней и голодовокъ, то трудно повѣрить, чтобы она была болѣе интенсивной въ XI в., нежели въ предшествующемъ вѣкѣ ужасныхъ норманнскихъ опустошеній. По всей вѣроятности, слѣдуетъ отнести еще болѣе скептически къ представленію, будто годы, предшествовавшіе Крестовому Походу, были особенно урожайными на такъ называемыя „небесныя знаменья“. Такому гипнозу можно поддаться, читая годъ за годомъ монастырскіе анналы. Вотъ, напримѣръ, показанія хроникъ св. Ромуальда и св. Діонисія Парижскаго.

„1066 г. Погибло много людей отъ голода, о чемъ возвѣстила комета“. „1089 г. Луна при восхожденіи своемъ прошла черезъ затменіе“. „1093 г. Въ 9 октябрск. календы было солнечное затменіе до 3-го часа дня“. „1094 г. Въ апрѣлѣ явилось грозное знаменіе въ звѣздахъ. Отъ полуночи до утра безчисленныя звѣзды кучами и въ одиночку, переплетаясь и догоняя другъ друга, срывались съ разныхъ угловъ небеснаго свода и сбѣгали на землю“. „1095 г. Появилась комета въ октябр. ноны и стояла 7 ночей. Затѣмъ наступило землетрясеніе и наводненіе“.

Въ цитируемыхъ анналахъ почти ничего не отмѣчено, кромѣ этихъ зловѣщихъ знаменій. Они идутъ, какъ будто сгущаясь; грозный хоръ растетъ, точно морской приливъ. Кровавыя небеса, зловѣщія солнца, затменія луны составляютъ все усиливающійся аккомпаниментъ наводненій и засухъ, и симфонія завершается аккордомъ: „1096 г. Въ первый день апрѣльскихъ нонъ видно было, какъ почти всѣ звѣзды бѣгутъ, точно пыль, когда ее несетъ вѣтеръ. И это продолжалось отъ пѣнія пѣтуха до зари, и христіане всѣхъ странъ дви-

нулись съ оружіемъ въ рукахъ въ Іерусалимъ". Этотъ аккордъ, конечно, не подготовленъ сознательно. Но въ общемъ впечатлѣніи есть нѣчто искусственное. Ничего необычнаго по силѣ или по темпу не происходило въ описываемые годы. На протяженіи 10 лѣтъ дважды явились кометы, и однажды было солнечное затменіе. Остальныя знаменія: звѣздные дожди, затменія лунныя, кровавыя небеса,—все это явленія, на которыя въ настоящее время мы не обращаемъ вниманія, а чаще всего просто не знаемъ о нихъ. Мы лучше понимаемъ явленія природы, но мало ихъ наблюдаемъ. Хроникеръ XI в. совсѣмъ не понималъ ихъ, но постоянно наблюдалъ. Онъ мало спалъ ночью. Часто до пѣнія пѣтуха совершалъ онъ свои бдѣнія и ночныя процессіи. Онъ зналъ, что творилось на небѣ. Даже и въ монашескомъ облаченіи, онъ былъ еще хозяиномъ-земледѣльцемъ, и небо съ кровавыми отсвѣтами, росами и засухой было господиномъ его быта. Мы не должны удивляться, что въ полѣ его зрѣнія, что на страницахъ его анналовъ занимаютъ такое мѣсто падающія звѣзды и лунныя затменія, но мы и не должны обманываться его показаніями: нужно думать, что на небѣ и на землѣ во вторую половину XI вѣка все обстояло приблизительно такъ же, какъ до или послѣ. Иначе обстояло оно въ человѣческой душѣ.

Во всякомъ случаѣ, не изъ душевнаго угнетенія, но скорѣе изъ ея творческаго возбужденія должны мы вести странническую тягу XI вѣка; не отчаяніе снимало съ мѣста большинство путниковъ, но вѣра и радость. Трудно повѣрить, чтобы матеріальныя условія жизни были хуже въ XI, нежели въ X вѣкѣ. Наоборотъ, послѣ полутора вѣка норманнскихъ опустошеній, когда осѣвъ на землѣ, превратившись въ герцоговъ и графовъ новой Европы, прежніе разбойники стали „по веревкѣ размѣрять землю“ и льготами звать на нее насельни-

ковъ, — началась интенсивная работа надъ одичавшею землею. Возстанавливаются пути сообщенія, возникаютъ и обстраиваются города, топоръ земледѣльца врубается въ чащи, и въ лѣсахъ возникаютъ новыя, свободныя деревни. Кипѣніе жизни чувствуется въ XI в. въ Европѣ, и если монастырская хроника, въ частности клюнійская хроника, подчиняясь основной задачѣ призыва къ повышенному идеалу „духовной жизни“, одѣваетъ дѣйствительность въ темные цвѣта, то они часто принадлежатъ изображенію, но не оригиналу. Подъемъ, а не умирание характеризуетъ бодрый, проснувшійся къ новому бытію XI вѣкъ. Этотъ подъемъ, „какъ и всякій ростъ, не осуществляется безъ страданій“, но то муки рожденія, не агонія смерти. Прощлое своими тѣсными рамками давить на распускающіеся ростки жизни, косность старины задерживаетъ тягу къ свѣту и, здоровое въ своей основѣ, стремленіе вдаль. Оно ложится могильнымъ камнемъ на новые порывы.—

„Но не сдержитъ воскресшаго темный гробъ“.

Съ этимъ общимъ расцвѣтомъ и стоитъ въ связи указанное выше явленіе усилившихся странническихъ движеній, учащающагося темпа паломничества. Новыя, отмѣченныя выше препятствія, какія ставились на ихъ дорогѣ, не остановили паломниковъ. Они измѣнили форму паломничества. Рядомъ съ одиночками и небольшими компаніями товарищей все чаще появляются настоящія вооруженныя дружины или тысячныя массы, сопровождаемая вооруженными отрядами. Онѣ стали направляться дунайской долиной, гдѣ легенда сдѣлала ихъ предшественникомъ самого великаго Карла. 700 странниковъ отправились въ 1026 году, подъ главенствомъ Ричарда, аббата Ванскаго и подъ прикрытіемъ отряда всадниковъ. Въ слѣдующемъ году той же дорогой прошло паломничество графа Анжуйскаго, епископовъ Ли-

можскаго и Пуатье. Въ 1035 году, во главѣ „множества своихъ подданныхъ“, ко Гробу Господню явился Робертъ Дьяволь. Черезъ 30 лѣтъ Альтаихская лѣтопись рисуеть движеніе огромной дружины нѣмецкихъ пидигримовъ. Болѣе 12 тысячъ челоуѣкъ, которыми руководили епископы Гюнтеръ Бамбергскій, Зигфридъ Майнцкій, Оттонъ Регенсбургскій, Вильгельмъ Утрехтскій, вступили въ Венгрію, вызывая въ городской и деревенской черни блескомъ своего убранства и богатствомъ обоза удивленіе, зависть и жажду грабежа. Въ Сири имъ пришлось выдержать нѣсколько стычекъ съ бедуинами, въ которыхъ обнаруживается, что большая часть дружины по обѣту шла безъ оружія и оказалась вынужденной защищаться камнями. Только меньшинство могло мѣряться съ нападавшими равнымъ оружіемъ. Венгрія привыкала видѣть на своей землѣ огромныя массы людей, которые, спустя полвѣка, получаютъ имя крестоносцевъ. Недавно крещеные ея короли возводили госпиціи, заключали договоры по доставленію припасовъ арміямъ божьихъ странниковъ. Въ Константинополѣ начинали присматриваться къ фізіономіи „франковъ“, учитывая пользу или вредъ, какіе они могли принести Византіи. Такъ опредѣлялись путь, этапы и средства многолюдныхъ странствій на Востокъ. Уже частично одѣтыя бронею, это все еще мирныя паломничества. Они обвѣяны свѣтлымъ воздухомъ и, какъ думаютъ нѣкоторые изслѣдователи, нашли идеальное отраженіе въ поэмѣ о странствіи Карла Великаго. Въ поэмѣ императоръ ведетъ за собою огромную свиту рыцарей, множество подданныхъ, слугъ, выючныхъ животныхъ. Но эта армія не ставитъ задачей завоевать Іерусалимъ. Ни въ Св. Землѣ, ни по пути въ нее герои не предвидятъ возможности сраженія. Самъ Карлъ не одѣтъ и не вооруженъ для битвы. Патріархъ является единственнымъ хозяиномъ города, куда странники сво-

бодно входятъ, строятъ церкви, возлагаютъ дары на алтари. Изображеніе рисуеъ идеальный міръ, не соотвѣтствуетъ никакой исторической датѣ и никакому субъективному воспріятію реальныхъ событій. Со времени арабскаго нашествія христіане не могли помириться съ тѣмъ положеніемъ, какое создалось въ Палестинѣ. „Ничто не могло заставить забыть, что Іерусалимъ—въ плѣну и въ рукахъ невѣрныхъ“. Но если, какъ думаетъ цитируемый изслѣдователь поэмы, вся картина свободного и независимаго Іерусалима построена на контрастѣ съ печальной дѣйствительностью, мы имѣемъ право предположить, что изъ жизни могли быть заимствованы детали грандіознаго странствія-исхода, когда какъ будто весь Западъ со своимъ императоромъ въ ширящемся движеніи, подобно многоводной рѣкѣ, плыветъ къ подножію Ливанскихъ горъ.

Нашествіе турокъ насильственно остановило эту стихію.

За нею къ концу XI в. на европейскомъ Западѣ накопились и окристаллизовались иныя организованныя силы, которымъ дано было въ отвѣтственный моментъ принять на себя руководство движеніемъ. Одною изъ нихъ была сила общекатолической организаціи, возглавляемая папствомъ и поддержанная вдохновеніемъ и аппаратомъ Ключійской конгрегаціи. Другою — поставившая себя ей на службу сила норманнскихъ клановъ.

Одною изъ самыхъ дѣятельныхъ фигуръ движенія явится воинственный и благочестивый сынъ далеко разбросавшейся по западному міру норманнской семьи. Бароны французской Нормандіи или южной Италіи XI в., боевые товарищи Завоевателя Англіи или вожди шаекъ, отправившихся въ началѣ того же вѣка за Пиренеи, — всѣ они шли съ французскаго нормандскаго сѣвера, имѣли далекими предками скандинавскихъ викинговъ, „и сохранили въ крови воздухъ моря и страсть къ

бездомнымъ странствіямъ“. Естественно въ правнукѣ „морскихъ королей“, восьмомъ или девятомъ сынѣ многолѣтней семьи (вошла въ пословицу плодовитость могучей расы), не имѣющемъ доли въ отцовскомъ наслѣдствѣ,— стремленіе искать счастья на чужбинѣ. Онъ отправляется за нимъ съ мечомъ въ рукахъ, съ призываніемъ имени св. Михаила. Нѣкогда язычникъ, поклонникъ Одина, нынѣ ревностный прозелитъ христіанства, онъ молился воинственному Архангелу около утесовъ Mont-Saint-Michel, прежде чѣмъ странствія и побѣды не привели его къ другому, апулійскому святилищу того же патрона на Монте-Гаргано. Въ борьбѣ съ сарацынами итальянскаго юга, въ торговомъ соперничествѣ ставшихъ подъ его покровительство приморскихъ городовъ съ Венеціей и Византіей, въ защитѣ латинской церковной культуры отъ насильственнаго огреченія и подъ вліяніемъ союза съ папствомъ, въ головѣ Гвискардовъ и Богемундовъ, норманнскихъ князей южной Италіи, родится смѣлая церковно-политическая программа. Въ ея кругъ входитъ завоеваніе схизматической Византіи и безбожной Сирии. Уже крестоносные лозунги звучатъ въ битвахъ съ сарацынами Сициліи. Они слышатся и въ движеніи рыцарей французской Нормандіи за Пиренеи, гдѣ ожили воспоминанія о борьбѣ съ сарацынами Карла Великаго, о Ронсевальскомъ ущельѣ, и гдѣ запѣты первыя *chansons de geste*.

Робертъ Гвискардъ, какъ и Вильгельмъ Завоеватель, признаютъ себя вассалами римскаго первосвященника. Въ путяхъ и цѣляхъ могучаго разлива французскаго феодализма нельзя не замѣтить направляющей руки Церкви.

Въ ея судьбахъ XI вѣкъ даетъ картину очень замѣчательныхъ усилій къ организациіи и широкому объединенію силъ, построенному на моральномъ базисѣ. Определенно намѣчается потокъ общественнаго мнѣнія, кото-

рый ведетъ Церковь къ очищенію и реформѣ. Очаги реформы сперва представляются блуждающими огнями, вспыхивающими здѣсь и тамъ: въ Римѣ, въ отдаленныхъ монастыряхъ Италіи и Франціи: то ея юго-запада — въ Дижонскомъ монастырѣ, то центра — въ аббатствѣ Флери на Луарѣ, въ монастыряхъ нижней Лотарингіи, въ церковныхъ кругахъ и школахъ Реймса и Шартра. Пока самъ римскій престолъ не освобожденъ отъ разлагающихъ, феодализирующихъ теченій, зарождающіяся стремленія не имѣютъ точки приложенія. Въ личности и энергіи Льва IX разсѣянная энергія реформаторскихъ порывовъ получила средоточіе. И если часто въ епископатѣ эта энергія встрѣчаетъ сопротивленіе, то монашескій міръ въ большинствѣ становится ея органомъ. Аббатства, изъятыя изъ подъ власти мѣстныхъ епископовъ, поставленныя прямо подъ начало намѣстника Петрова, составляютъ огромную свободную силу въ распоряженіи папства. Вскорѣ она концентрируется около одного руководящаго ядра, когда аскетовъ, идеалистовъ и реформаторовъ всего латинскаго міра начнетъ притягивать Ключійская организація.

Если она такъ быстро завоевала свою исключительную популярность, если въ нѣсколько десятилѣтій, точно колосья въ урожайную пору, всюду выросли десятки ключійскихъ монастырей, и въ нихъ тѣснились густые ряды прозелитовъ, это значитъ, что она удовлетворяла какой-то глубокой и настойчивой потребности современнаго ей міра. То была потребность, въ вѣкъ неорганизованнаго, суроваго быта, притягивавшаго вниманіе къ грубому и внѣшнему, открыть тихій и интимный источникъ, питающій внутреннюю жизнь души. То была и другая потребность: въ вѣкъ раздѣленія и изолированности, примкнуть къ широкому социальному объединенію, чувствовать себя членомъ братства, которое переступало бы границы сеньерій и противопоставляло

свое единство ихъ раздробленію. Вожди Клюни уловили и сумѣли дать выраженіе этимъ жизненнымъ насущнымъ потребностямъ. „Они создали корпорацію, раскинувшуюся по всему тогдашнему католическому міру и вмѣстѣ прочно спаянную, способную дѣйствовать съ быстротою, подѣ импульсомъ одной повелительной воли отца-аббата“.

Эта единая повелительная воля Клюни находилась въ гармоніи съ центральной волей католическаго міра. Задолго до момента, когда клюнійскіе монахи будутъ избираться на верховную кафедру Церкви и, такимъ образомъ, сольютъ душу Клюни съ душою римской Куріи,— они непрерывно и согласно общаются. Нѣтъ ни одного прелата въ Церкви, который былъ бы такимъ усерднымъ гостемъ Куріи, какъ клюнійскій отецъ-аббатъ. Множество средствъ находилось въ рукахъ Клюни, чтобы вліять на міръ за предѣлами своей организаціи. Правда, клюнійцы не были такъ подвижны, какъ ихъ будущіе преемники въ воздѣйствіи на католическую душу — странствующие Ордена XIII в. Они не изберутъ городскихъ площадей и большихъ дорогъ главной ареной своей дѣятельности. Они живутъ и дѣйствуютъ въ косныхъ условіяхъ своего вѣка; относительно мало выходятъ изъ монастырей и относительно мало проповѣдываютъ. Но міръ, въ который они не рѣшаются еще пуститься толпами,— идетъ къ нимъ. Они оживили и широко развернули обязанность гостепріимства. Странствующій Западъ скоро узналъ и привыкъ къ дорогамъ, которыя вели изъ одной клюнійской осѣдлости въ другую, гдѣ какъ маяки, свѣтили окна обителѣй. По этимъ путямъ новые очаги обмѣнивались паломниками, посольствами, вѣстями, указами, хрониками. По нимъ впослѣдствіи прошелъ, горячо поддержанный Клюни, призывъ къ Крестовому Походу. Флерійское аббатство стало перманентнымъ религіознымъ собраніемъ, а также политиче-

скимъ клубомъ Луары. Аббатство Гиршау держало въ своихъ рукахъ нити общественнаго мнѣнія, зачастую и народныхъ движеній Рейна. Ключійскіе монахи стали духовниками французскихъ королей и германскихъ императоровъ.

Вліяніе Ключи проявилось не только въ неопредѣленномъ разсѣяніи религіозной энергіи, но и въ созданіи опредѣленныхъ учреждений. „Его воздѣйствіемъ Церкви удается извлекать цѣлые общественные слои отъ дѣйствія изолирующихъ вліяній, предупреждать или исправлять зло, которое фатально вытекало изъ строя мірскаго общества. Замѣняя государство, котораго не существовало, она непрерывно работала надъ обузданіемъ насильническихъ инстинктовъ благороднаго класса, для котораго война была развлеченіемъ и бичомъ. Выполняя эту великую соціальную миссію, духовенство забыло свои собственные раздоры. Объединенное передъ міромъ свѣтскихъ людей, готовое къ энергичной, почти самоотверженной борьбѣ съ разложеніемъ и безпорядкомъ, оно создало учрежденія мира“.

Смыслъ этихъ учреждений, — союзовъ, къ которымъ примыкали духовные и мірскіе люди, былъ: оградить отъ зла частныхъ войнъ опредѣленные категоріи лицъ и опредѣленные періоды времени. Церковные праздники, постные дни, періоды сельскихъ работъ, духовныя лица и люди, поставленные подъ покровительство Церкви, крестьяне въ мирномъ трудѣ защищались „божьимъ миромъ“, и его нарушеніе каралось церковнымъ отлученіемъ, а впослѣдствіи — мірскими законами. Прочность обѣта, даннаго въ этомъ смыслѣ членомъ мирной ассоціаціи, утверждалась клятвой, собственноручной записью, выдачей заложниковъ. Во имя закона божія мира, — неприкосновенны родные и имущество паломника, идущаго ко святымъ мѣстамъ; война, если онъ воюетъ за божье дѣло.

Общее руководство учрежденіями мира, надъ созданіемъ которыхъ много поработало Ключи, взяли на себя папы. Рядомъ съ ними выросли широкія народныя движенія съ лозунгами мира, мечта о мирѣ вселенскомъ или, по крайней мѣрѣ, всехристіанскомъ, особенно настоятельномъ, когда съ оживленіемъ угрозы Ислама, организуемая христіанская Европа почувствовала въ немъ общаго врага.

Только призывъ къ общему миру на Западѣ сдѣлалъ возможнымъ Первый Крестовый Походъ. Уходившіе должны были быть спокойными за судьбу остающихся. Положенія божія мира были подтверждены съ большей, чѣмъ когда бы то ни было, торжественностью на соборахъ, созывавшихся въ послѣднія десятилѣтія XI вѣка, когда на Западъ стали приходить вѣсти о томъ, что турки - сельджуки овладѣли Сиріей и сосѣдними морями, вступили въ Іерусалимъ; когда изъ Византіи стали слѣдовать посольства и просьбы о помощи самой угрожаемой Имперіи. Уже Григорій VII думалъ о заморскомъ пути, рѣшилъ покончить ради него свой споръ съ Имперіей и, поручая императору Западъ, готовился вести ополченія на Востокъ. Мысль эта потонула въ новыхъ конфликтахъ съ Генрихомъ IV.

II

Первый Крестовый Походъ.

Ближайшимъ толчкомъ къ первому Крестовому Походу явилась агитація, которую планомѣрно развивала въ 90-хъ годахъ XI вѣка Римская Курія. На соборѣ въ Пьяченцѣ, въ началѣ марта 1095 года, папа Урбанъ II обратился съ первымъ призывомъ о помощи восточнымъ христіанамъ. Все лѣто того же года папа, самъ французъ по происхожденію и клюнійскій монахъ, странствовалъ по южной и, особенно, „клюнійской“ Франціи, прежде чѣмъ послѣ восьмидневнаго засѣданія собора въ Клермонѣ появился (18 ноября) на открытой равнинѣ около этого города и здѣсь, обращаясь къ огромному множеству уже подготовленныхъ и наэлектризованныхъ слушателей, произнесъ свою знаменитую рѣчь, прерванную крикомъ: „Такъ хочетъ Богъ“. Какіе изъ мотивовъ, высказанныхъ папою, оказались рѣшающими? Четыре хроникера пересказали намъ его рѣчь, и у каждого она звучитъ нѣсколько иначе. Скорбью объ униженіи Святой Земли, поруганіи Іерусалима, святого мѣста паломничества, больше всего горитъ при передачѣ этой рѣчи сердце смиреннаго Бодри, епископа Дольскаго. Именно это чувство было преобладающимъ у рядового чловека крестоносной среды. Гибертъ Новигенскій дорожитъ въ папской рѣчи мыслью объ избранничествѣ

народовъ Запада, и особенно французовъ, которымъ дано совершить дѣло, выпавшее изъ рукъ восточныхъ людей и преданное Израилемъ. Онъ подчеркиваетъ въ своихъ комментаріяхъ, что само папство всегда было сильно поддержкой Франціи, что Урбанъ II—французъ и клюнійскій монахъ. У Фульхерія Шартрскаго основаніе ширится. Только у него нашли отраженіе глубокія и великодушныя соображенія папы о долгѣ вселенскаго братства, о подвигѣ, который заставилъ бы весь христіанскій міръ забыть свои раздоры „Вы, притѣснители сиротъ, вы, грабители вдовъ, убійцы и клятвопреступники, похитители чужого права! Какъ вороны, чующіе трупы издали, вы чуете и подстерегаете битвы... Послушайте нашего совѣта, бросьте этотъ мечъ, спѣшите на защиту восточной Церкви, удержите руку отъ братоубійства и встаньте вмѣстѣ противъ чужихъ“. За цѣлью возвращенія паломникамъ ихъ драгоцѣннѣйшей реликвіи выдвигается цѣль спасенія отъ гибели сестеръ,—Восточныхъ Церквей, свободнаго единенія съ ними въ актъ братской помощи, возрожденія и сплоченія въ великодушномъ подвигѣ самого западнаго христіанства. Такъ „дряхлѣющему міру являлась надежда обновленія, и открывался путь необычайнаго покаянія“. Въ духъ такого идеальнаго представленія о смыслѣ крестоноснаго дѣйства чертитъ хроникеръ Сигебертъ изъ Гемблуце картину движенія западнаго міра, которому „прозвучала Божья труба“: „Народы запада... поднялись безчисленными массами. Движимые однимъ чувствомъ, побуждаемые многими явленными имъ знаменіями, они пошли всѣ: герцоги и графы, сильные, благородные и незнатные, богатые и бѣдные, свободные и рабы, епископы, клирики, монахи, старики и юноши, даже мальчики и дѣвочки,—единой думой и единой душой, не чиня ни препятствій, ни непріятностей одинъ другому, сходятся со всѣхъ сторонъ: изъ Испаніи, Про-

винціи, Аквитаніи, изъ Британніи, Скоттіи, Англіи, изъ Нормандіи, Франціи, Лотарингіи, изъ Бургундіи, Германіи, Лангобардіи и Апуліи и другихъ царствъ. Опоясанные доблестью и знакомъ св. Креста, они готовятся отмстить обиды Господа его врагамъ“...

За этимъ хоромъ осанны, правда, звучать скептическіе голоса; эти голоса „высмѣивали проходящіе черезъ ихъ землю отряды конницы, пѣхоты, толпы поселянъ, группы женщинъ и дѣтей, считая ихъ находящимися въ бреду, пораженными неслыханною глупостью. Зачѣмъ ищутъ они невѣрнаго на мѣсто вѣрнаго? Зачѣмъ покидаютъ землю рожденія вѣрную, надежную, ища земли обѣтованія ненадежной?“ Оно не повторилось больше никогда, свѣтлое весеннее вдохновеніе первыхъ дней. „Содѣянное Богомъ дивно явилось нашимъ очамъ. Чудесной благодатью Божіей столь многочисленные члены тѣла Христова, разныя по языку и народности, сливались въ одно тѣло, одно царство, съ единымъ царемъ—Христомъ“. Радостны были сны живыхъ. Эккегартъ изъ Ауры видѣлъ челоуѣка, „который, услышавъ во снѣ кантику „Радуюсь“ и пѣніе аллилуйи, самъ сталъ подпѣвать голосамъ поющихъ и проснулся, одушевленный такимъ жаромъ паломничества, что не нашель въ себѣ покоя, пока не двинулся въ путь къ мѣстамъ, гдѣ ходили ноги Спасителя“. Больные, умиравшіе въ эти дни, ложились крестомъ на смертномъ своемъ ложѣ съ головой, обращенной къ востоку. Этьенъ Бурбонскій свидѣтельствуесть, что лица умершихъ крестоносцевъ улыбались. Движеніе было поистинѣ стихійнымъ. Люди „заражали другъ друга“. Мы знаемъ имена нѣкоторыхъ особенно активныхъ агитаторовъ. Но каждая деревня, очевидно, имѣла своего оратора, каждая группа своихъ вождей. Изъ нихъ чаще всего въ летучихъ замѣткахъ современниковъ появляется имя эремита Петра изъ Амьена. Въ большихъ

исторіяхъ, сильно отодвинутыхъ отъ I Крестоваго Похода, оно заполняетъ всю сцену, закрывая безымянные толпы, которыя шли за „Пустынникомъ“, бросая тѣнь на самого папу Урбана. У легенды о Петрѣ есть своя длинная исторія. Эта легенда представляетъ равнодѣйствующую стихійнаго одушевленія глубокихъ слоевъ народной массы, образъ народной темноты, все, что было упорнаго, наивнаго, безумнаго и святаго въ ея чувствахъ, и, все что было въ нихъ неустойчиваго и жестокаго. Позднее Средневѣковье сдѣлало изъ него главнаго героя I Похода, историческая критика XIX вѣка, оцѣнившая роль Куріи, совсѣмъ аннулировала легенду Петра Пустынника и констатировала полную безрезультатность того страннаго подвига, который онъ совершилъ со своими спутниками. Теперь мы можемъ поставить на свое мѣсто эту фигуру. Благочестивымъ миѳомъ является, несомнѣнно, рассказъ о паломничествѣ его въ Іерусалимъ за годъ до созыва Клермонскаго собора, вѣщій сонъ у Гроба Господня, гдѣ явилось ему „Величіе Божіе“, посылая его на проповѣдь похода. Миѳъ представляетъ и странствіе въ Римъ, рѣчь передъ папой, вызвавшая, будто бы, поѣздку послѣдняго въ Клермонъ. Мы знаемъ, что одно время Петръ находился на пути въ Іерусалимъ, но не дошелъ туда, вслѣдствіе турецкихъ преслѣдованій. Во Франціи его дѣятельность начинается только послѣ Клермонскаго собора. Это очень типичный эремитъ, котораго нѣкоторые анналы, говорящіе о немъ безъ особенной симпатіи, рисуютъ человѣкомъ небольшого роста, худымъ и суровымъ, съ лицомъ, потемнѣвшимъ отъ строгаго выполненія заповѣдей аскетизма, босымъ, съ длинной сѣдой бородой, верхомъ на ослѣ, съ котораго, изъ уваженія къ его всаднику, сдирали клочья шерсти, сохраняя ихъ въ качествѣ реликвій, такъ что, въ концѣ концовъ, осель былъ ошипанъ догола. Дальнѣйшія дѣйствія Пу-

стынника рисуютъ въ немъ характерныя для людей его склада упрямство, жестокость, узость мысли, огромную неопытность въ житейскихъ дѣлахъ и политическихъ вопросахъ и крайнюю импульсивность. То, какъ онъ въ послѣдствіи покинетъ своихъ несчастныхъ спутниковъ въ кошмарной обстановкѣ обреченными на гибель на малоазійскомъ берегу, и сбѣжитъ въ Константинополь, мирится въ его характерѣ съ отчаянною смѣлостью, съ какою онъ долго велъ ихъ по неизвѣстнымъ ему дорогамъ Европы, Балканъ и Азіи. Его дѣятельность во Франціи охватила преимущественно графство Берри, Орлеаннэ, область къ сѣверу отъ Парижа. Здѣсь онъ набралъ свои 15 тысячъ (какъ исчисляють хроникеры), среди которыхъ преобладали невооруженные пѣшіе люди, но было и извѣстное число мелкихъ рыцарей, съ пресловутымъ Готье Нищимъ. На Рейнѣ аналогичную дѣятельность развилъ священникъ Готшалкъ, съ именемъ котораго тоже связываютъ войско въ 15 тысячъ человѣкъ. Отмѣчаютъ еще дружину графа Эмихо въ 12 тысячъ человѣкъ. Всѣ эти толпы составились большею частью изъ темной бѣдности въ мартѣ и апрѣлѣ 1096 года, время, совпавшее съ праздниками Пасхи. Ярость нафанатизированной толпы, горѣвшей нетерпѣніемъ сразиться съ врагами Христа, и жадность голоднаго сброда, глаза котораго разгорались на легкую добычу, обращается противъ евреевъ.

Это—первыя темныя страницы крестоноснаго движенія и первые грандіозные погромы, какіе знаютъ средніе вѣка. Каролингская эпоха была относительно мирной и свѣтлой порой въ жизни еврейскаго народа. Со второй половины XI вѣка начинаются мученическіе анналы еврейскихъ гетто.

Въ концѣ апрѣля погромы разразились въ цѣломъ рядѣ городовъ: Трирѣ, Прагѣ, Виссельбургѣ, Шпейерѣ. Въ маѣ громы свирѣпствуютъ въ Вормсѣ. Въ концѣ

этого мѣсяца Эмихо со своими 12 тысячами является къ Майнцу. Епископъ и бургграфъ заперли ворота города, однако, имъ пришлось открыть ихъ, подь угрозами осаждавшихъ. Цѣлыя группы евреевъ скрылись въ епископскомъ дворцѣ, но и онъ былъ осажденъ, и епископъ и бургграфъ вынуждены бѣжать. Евреевъ принуждали креститься. Главный представитель общины, Мееръ-Исаакъ-Бенъ-Давидъ сжегъ себя въ синагогѣ со своей семьей. Не менѣе грозныя событія разыгрались въ Кельнѣ. Синагога здѣсь была разрушена, свитки Торы разорваны и брошены на улицу. Епископу удалось скрыть многія семьи въ своихъ деревняхъ. Въ Трирѣ евреи убивали единовѣрцевъ, во избѣжаніе оскверненія, и кидались въ Мозель. Здѣсь, какъ и въ иныхъ случаяхъ, высшая церковная власть, а также свѣтское начальство борется всячески съ погромами; самое населеніе городовъ обычно не принимаетъ въ нихъ участія. Особенно многочисленны о нихъ извѣстія въ нѣмецкихъ областяхъ. Еврейскіе кварталы, разгромленные и опустошенные, долго не заселялись, и только прибытіе изъ Италіи императора Генриха IV вернуло спокойствіе въ потревоженные гетто прирейнскихъ городовъ.

Прежде чѣмъ въ Европу дошли вѣсти о судьбѣ похода Петра Амьенскаго, съ осени 96 года до весны 97-го года стали двигаться регулярныя арміи крестоносцевъ. Церковь выработала особое, съ теченіемъ времени все развивавшееся право для защиты покидаемаго ими имущества и близкихъ. Крестоносцамъ давалась отсрочка въ долговыхъ обязательствахъ; проценты не нарастали на сдѣланный заемъ на срокъ „пути за море“; семьи и имущество защищались канонами божія мира; сами крестоносцы получали нѣкоторыя правовыя привилегіи клира. Впрочемъ, многіе, собираясь въ путь, ликвидировали всѣ отношенія на родинѣ и распродала-

вали имущество. Арміи двинулись разными путями на Константинополь — условное мѣсто свиданія. Съверо-французы, лотарингцы и отчасти нѣмцы, подъ предводительствомъ герцоговъ Нижней Лотарингіи, Годфрида Бульонскаго и Балдуина, шли классической дорогой паломничествъ—дунайской долиной. Въ Константинополь они явились въ декабрѣ. Отдѣльныя группы воиновъ французской Нормандіи и Шампани имѣли во главѣ Робертовъ Нормандскаго и Фландрскаго, Этьена Шартрскаго и Гюга Великаго, брата короля Филиппа I. Въ разное время они достигли Апулійскихъ портовъ и высадились въ Дураццо, чтобы весною 97 гда добраться до Константинополя и нагнать первую армію уже въ Малой Азіи. Провансальцы, съ Раймундомъ Тулузскимъ во главѣ, имѣли въ своемъ составѣ многочисленныхъ представителей клира и вели съ собой духовнаго вождя похода, папскаго легата, Адемара, епископа Пюи. Они прошли сѣверной Италіей, вступили въ Восточные Альпы и, испытавъ крутую зиму всю тяжесть суроваго климата „Славоніи“, послѣ нѣсколькихъ стычекъ съ печенѣгами, въ апрѣлѣ явились въ Константинополь. Каждое изъ ополченій имѣло своего лѣтописца. Вдумчивый, спокойный Фульхерій, каноникъ Шартрскій, связалъ свою судьбу съ герцогами Лотарингіи. Съ ними въ концѣ концовъ онъ очутился въ Іерусалимѣ. Раймундъ Агильскій былъ хроникеромъ южно-французскаго ополченія, слѣдуя всюду за своимъ любимцемъ и княземъ, Раймундомъ. Родину анонимнаго автора лучшихъ мемуаровъ I Крестоваго Похода: „Дѣянія французовъ и другихъ борцовъ за Іерусалимъ“, искали долго въ разныхъ углахъ крестоносной Европы. Однако, уже нѣсколько внимательное чтеніе его, полной жизни, хроники ведетъ къ безошибочному заключенію, что онъ былъ итальянецъ (притомъ, единственный изъ всѣхъ хроникеровъ,—свѣтскій рыцарь, живое вопло-

щеніе чувствъ и думъ средняго хорошаго крестоносца). Онъ вышелъ съ тѣмъ четвертымъ потокомъ крестоноснаго войска, которое двинулось изъ южной Италіи за Богемундомъ, княземъ Тарентскимъ (съ его племянникомъ Танкредомъ), — сыгравшимъ впослѣдствіи важную роль въ направленіи и лозунгахъ всего движенія. Замѣчательная фигура Тарентскаго князя—предметъ непрерывнаго восхищенія для его наивнаго и прелестнаго хроникера. „Мудрымъ“, „храбрымъ“, „атлетомъ Христовымъ“, даже „ученѣйшимъ“ называетъ онъ его. „Ты—честь и краса земли, рѣшитель войны и судья битвъ“. Похвалы эти незаказныя. Онъ смолкли послѣ неприглядныхъ впечатлѣній княжескихъ раздоровъ около Антиохіи. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что въ лицѣ Богемунда крестоносное войско получало не только первокласснаго стратега и дипломата, хорошо знакомаго съ ухищреніями византійской политики, быстро ставшаго, если не душой, то головой всего предпріятія, но и носителя очень опредѣленной „италонормандской“ идеи, которая наложила печать на все движеніе и современемъ привела къ плану оккупации Константинополя. Въ противность безкорыстной мечтѣ Урбана, то была идея религіозно-политическаго подчиненія Востока. Иерусалимъ и интересы Восточныхъ Церквей играли въ ней второстепенную роль. Зато выдвигался планъ созданія сильной восточно-латинской державы, которая организовалась бы подъ главенствомъ нормандской династіи съ благословенія намѣстника Петра и имѣла отправной точкой Антиохію съ ея—такъ утверждала популярная въ эту эпоху легенда—„древнѣйшей кафедрой св. Петра“.

Всѣ эти войска со своими вождями и лѣтописцами прошли весною 97 года черезъ Константинополь. Передъ всѣми возникалъ вопросъ, въ какое отношеніе къ Византіи станутъ они и ихъ будущія завоеванія, имѣющія

совершиться на прежней территории Восточной Империи. Многие изменилось с тех пор, как император Алексий слал Западу просьбы о помощи. В Константинополь были осведомлены о составе и настроении войска. Здесь знали о воинственности западных рыцарей и повторяли с ужасом, что даже священники и церковные прелаты ищут кровопролитий и потасовок. Армия Петра Амьенскаго показала, чего можно ждать от западнаго сброда, натворившаго немало бедъ въ царскомъ городѣ, вплоть до срыванья крышъ съ домовъ. Отсюда выросталъ для византийскаго правительства планъ: изолировавъ отдѣльныя ополченія и завязавъ съ ними возможно дружескія отношенія, накинуть узду на ихъ дѣйствія и какъ можно скорѣе отправить на азіатскій берегъ, связавъ опредѣленнымъ договоромъ. Предъ лицомъ войскъ латинскаго Запада, вступавшихъ на территорию Имперіи, базилевсъ мыслилъ себя такъ, какъ мыслили себя его предшественники много вѣковъ назадъ предъ лицомъ германскаго и славянскаго варварства, которое они звали спасать Имперію и служить ей. Эту точку зрѣнія отразила въ своемъ повѣствованіи византийская царица Анна Комнена. Она не чувствуетъ, замѣчаетъ одинъ изъ ея биографовъ, что живетъ въ полномъ средневѣковъѣ, что римскій міръ рушился. Для нея античная цивилизація, центръ которой перенесенъ въ Константинополь, жива, и Восточная Имперія — единственная законная, организованная сила. Поставленная въ центрѣ жизни „второго Рима“, вскормленная самыми гордыми традиціями его, она вѣритъ, что варвары существуютъ лишь, какъ низшая стихія, подлежащая использованію и обузданію. Въ итогъ длиннаго ряда переговоровъ, интригъ и проволочекъ, во время которыхъ Гюгъ одно время попалъ въ плѣнъ, а Годфридъ оказался какъ бы въ осажденномъ лагерѣ за стѣнами Константинополя—всѣ бароны

принесли императору вассальную присягу, въ силу которой обязывались, по словамъ Анны, „всѣ замки и города, которые они завоюютъ на пути, подчинить власти императора“, а по выраженію (значительно болѣе благоприятному для крестоносцевъ) — Раймунда Агильскаго: „безъ воли императора не удерживать ни города, ни замка, составляющихъ достояніе Имперіи“. Такъ вольно или невольно заключенъ былъ греко-латинскій союзъ и, сопровождаемые греческими проводниками и небольшими отрядами греческаго ополченія, крестоносцы двинулись на малоазійскій берегъ. Первая одержанная ими (въ началѣ іюня) побѣда подъ Никеей кончилась выводомъ изъ данной присяги. Еще до вступленія ихъ въ городъ на немъ взвилось знамя императора.

Во всякомъ случаѣ, эта побѣда такъ же, какъ и слѣдующій успѣхъ подъ Дорилеей, были важными моментами, послѣ которыхъ болѣе свободно совершалось движеніе крестоносцевъ по Малой Азіи. Они страдали не столько отъ военныхъ столкновеній, сколько отъ трудныхъ условій перехода по выжженной степи, недостатка воды и провіанта. Съ печальнымъ юморомъ описываетъ Фульхерій, какъ, потерявъ множество людей и лошадей, крестоносцы вынуждены были осѣдлать быковъ и переложить обозъ на свиней и барановъ. У Гераклеи (Эрегли) разбилось единство крестоноснаго войска. Балдвинъ съ Танкредомъ, отдѣлившись отъ него, углубляются въ Киликію и овладѣваютъ ея укрѣпленіями. Въ концѣ концовъ, послѣ споровъ съ Танкредомъ, Балдвинъ проникъ въ Великую Арменію, занялъ ее, съ поддержкой армянскаго населенія, вплоть до Эдессы, гдѣ сталъ соправителемъ мѣстнаго князя Тороса, а послѣ его предательскаго убійства, единственнымъ государемъ — „графомъ“. Трудно сказать, сознавали ли крестоносцы все значеніе, какое получило въ общемъ ходѣ завоева-

ній это підприєміє. Путь по долині Евфрата былъ единственный широкій путь, по которому Багдадская держава могла входить въ соприкосновеніе и питать свою военную силу въ Сиріи. Выдвинувъ здѣсь, на самыхъ истокахъ Евфрата, прочный бастионъ, эдесскіе графы изолировали Сирію отъ багдадской ея базы и сдѣлали въ ней болѣе прочными насажденія крестоносцевъ. Во всякомъ случаѣ, тѣ полвѣка, которые продержалось Эдесское графство, были періодомъ поступательнаго движенія латинской стихіи на Востокъ. Оно замедлилось и остановилось, даже пошло назадъ съ паденіемъ Эдессы въ 1147 году. Нужно замѣтить, что устойчивость латинскаго владычества обуславливалась степенью такта въ устройствѣ отношеній съ дружелюбно принявшимъ его армянскимъ населеніемъ. Это качество мало характерно было для политики крестоносцевъ, въ чемъ и была одна изъ причинъ ея непрочности.

Остальное войско послѣ болѣе или менѣе длительныхъ испытаній выбралось въ Киликію, и здѣсь также вздохнуло свободно, встрѣтивъ помощь со стороны мѣстныхъ христіанъ. Передъ нимъ стоялъ теперь прямой путь на югъ, въ Сирію, и ближайшей цѣлью была Антіохія. Въ дальнѣйшемъ движеніи къ Іерусалиму расчеты крестоносцевъ строились на дружественномъ отношеніи арабской египетской державы Фатимидовъ. Тѣсняемая и угрожаемая турками, она при извѣстныхъ условіяхъ могла быть союзницей христіанъ.

Антіохійскій эпизодъ принадлежитъ къ самымъ величественнымъ въ крестоносной эпопее. Ему посвящено множество сказаній, мемуаровъ, писемъ, пѣсенъ. У Антіохіи подверглись очень серьезному испытанію — и часто не выдержали его — энтузіазмъ крестоносцевъ, искренность вождей, вѣра въ нихъ массы. Навсегда остались памятными долгая осада могущественной крѣпости, защищенной съ сѣвера рѣкою Оронтомъ, — а съ юга

горою, огражденной стѣною, съ ея 450 башнями; помощь армянъ въ минуту, когда безпорядочная система фуража, опустошившаго окрестности, обрекла войска на голодъ; неожиданная поддержка генуэзскаго флота, привезшаго инженеровъ и матеріалы для осадныхъ машинъ; хитрость Богемунда, сумѣвшаго найти предателя и овладѣть городскою башнею; торжественное вступленіе въ Антиохію, гдѣ крестоносцамъ, въ свою очередь, пришлось подвергнуться осадѣ со стороны подоспѣвшаго Моссульскаго эмира, Кербоги. Въ этой осадѣ много тысячъ погибло отъ голода и отъ чумы. Живые завидовали умершимъ, жили въ атмосферѣ бреда, грозныхъ или утѣшительныхъ видѣній, которыми такъ богаты дни антиохійской осады. Ихъ усердно заноситъ въ свою хронику Раймундъ Агильскій. Для него, импульсивнаго, вѣчно возбужденнаго, адъ и рай отдѣлены, точно въ средневѣковой мистеріи, тонкой настилкой отъ земной сцены, и сквозь продѣланныя въ ней дыры постоянно пролѣзаютъ черти и святые. Они гуляютъ по улицамъ Антиохіи, смѣшиваются съ крестоносцами и направляютъ ихъ дѣйствія. Святой Андрей открываетъ въ видѣніи копье, которымъ прободенъ былъ бокъ Спасителя. Съ этимъ копьемъ войско, руководимое Богемундомъ, наконецъ, пробило себѣ дорогу изъ зачумленнаго города и разсѣяло турокъ. Путь въ Іерусалимъ былъ свободенъ.

Но здѣсь принимаютъ все возрастающіе размѣры тѣявленія, которыя и ранѣе расхолаживали энтузіазмъ самыхъ искреннихъ. Завоевательные планы, съ которыми начинаютъ носиться бароны, вызываютъ раздоры, грозятъ расколоть еще разъ единство войска. Богемундъ претендуетъ на Антиохію и остается здѣсь, чтобы укрѣпить свое княжество. Раймундъ Тулузскій рѣшаетъ вознаграждать себя за счетъ Триполиса. Взятіе Марры вызвало новыя недоразумѣнія. И только пробудившаяся воля войска опрокинула всѣ расчеты и

увлекла вождей по главному пути похода. Въ началѣ юня 1099 года, черезъ три года послѣ начала крестоноснаго движенія, уменьшившееся вшестеро ополченіе находилось въ виду Іерусалима. Воспоминанія о горькихъ и разочаровывающихъ впечатлѣніяхъ пути тонули въ томъ чувствѣ восторга, съ какимъ путники привѣтствовали открывшіяся имъ въ золотое іюньское утро стѣны священнаго города. Отказавшись отъ мысли взять его приступомъ, крестоносцы облагаютъ его осадой, громятъ его укрѣпленія таранами, матеріаль для чего доставилъ тотъ же генуэзскій флотъ. Рядомъ съ человѣческими средствами съ обѣихъ сторонъ прибѣгаютъ къ священной магіи. Вѣщія женщины пѣньемъ заклинаній отвращаютъ стрѣлы осаждающихъ. Христіане совершаютъ процессіи, въ тайной надеждѣ, не падутъ ли отъ трубнаго звука стѣны Іерусалима. 15 іюля Годфридъ и Евстахій проникли въ городъ съ сѣвера, Танкредъ и Робертъ Нормандскій съ запада, черезъ ворота св. Стефана, а Раймундъ овладѣлъ Давидовой Башней. Крестоносцы вступили въ Іерусалимъ.

Картина овладѣнія городомъ ужасна. Торжествующее христіанское воинство топило мусульманское населеніе въ его собственной крови. Весь гнѣвъ, копившійся въ долгіе годы страданій, и вся жадность къ богатой доставшейся добычѣ развернулись съ отталкивающей силою. Отвращенія, которое вызываетъ въ насъ описаніе вступленія въ Іерусалимъ, не испыталь ни одинъ изъ хроникеровъ похода. Совершившееся рисуется имъ справедливымъ удовлетвореніемъ поруганному въ своей святынѣ Божію величію и оскорбленному чувству христіанъ. Только въ Фульхеріевомъ „они не щадили ни женщинъ, ни малютокъ“ слышатся жалостныя ноты. Но всѣ зловѣщія тѣни разбѣгаются передъ солнцемъ освобожденнаго Іерусалима; все тонетъ въ торжественной осаннѣ. „И послѣ долгихъ страданій

стали они расходиться по городу, разселяясь по опустѣвшимъ домамъ... Но прежде всего двинулись они къ Гробу Господню... Торжественно шли всѣ, — клирики и міряне, съ громкимъ ликованіемъ воспѣвая Господу пѣснь новую. Ибо предстали наконецъ передъ ними воочію святые, давно желанныя мѣста. О день благодатный, о время, памятное навѣки среди иныхъ временъ! Развѣ не было стремленіемъ многихъ вѣковъ, чтобы святое мѣсто, оскорбленное невѣрными, вернулось къ первоначальному своему достоинству, въ руки вѣрныхъ? Земля, гдѣ ходилъ, училъ, страдалъ, умеръ, воскресъ и вознесся Христось, гдѣ все полно его сіяющей славы, обновилась къ лучшей славѣ и отдана православнымъ. И то, что Господь нашъ, черезъ этотъ народъ свой, имъ любимый, имъ для этой цѣли взрощенный, предызбранный для этого подвига, восхотѣлъ совершить, то до конца вѣковъ памятнымъ въ языкахъ всѣхъ племень останется и прозвучитъ“.

На другой же, однако, день должны были выступить сложные и трудные вопросы момента: вопросъ объ устройствѣ управленія Святого Города, объ укрѣпленіи и расширеніи власти въ Сиріи. Самый блестящій изъ вождей ополченія, Богемундъ, не предъявлялъ притязаній на Іерусалимъ: онъ представлялся малодоходною, хотя и почетною добычею. Но антиохійскій князь не могъ допустить, чтобы ею завладѣлъ его соперникъ, Раймундъ Тулузскій. Этому противилась и Византія. Богемунду, повидимому, принадлежит ненадолго осуществившійся планъ сдѣлать изъ Іерусалима нѣчто вродѣ духовной сенъеріи съ патріархомъ (имъ избранъ нормандскій капелланъ, Арнульфъ) во главѣ и съ свѣтскимъ фойгтомъ, „барономъ Гроба Господня“ при немъ. Это званіе предоставили честному и непритязательному герцогу Нижней Лотарингіи, Годфриду.

То, что отпечатлѣлось въ ближайшихъ къ событіямъ

мемуарахъ I Крестоваго Похода, то, что „прозвучало“ въ болѣе позднихъ пѣсняхъ и вошло въ хроники второго и третьяго поколѣнія (таковы хроники Альберта Аахенскаго и Гильома Тирскаго), сильно расходится въ изображеніи происшедшаго. Богемундъ для итальянскаго анонима, Балдвинъ для Фульхерія, Раймундъ для Агильскаго хроникера стоятъ на первомъ планѣ исторической сцены. Пройдетъ одно поколѣніе,—и рядомъ, и выше ихъ, уже въ событіяхъ, предшествовавшихъ взятію Іерусалима, выдвигается фигура Годфрида Бульонскаго. Хроника Альберта сосредоточиваетъ вокругъ него всю іерусалимскую эпопею: „Начинается книга экспедиціи въ Іерусалимъ-городъ, гдѣ разсказаны славныя дѣянія герцога Годфрида, чьимъ рвеніемъ и трудами Святой Городъ возвращенъ христіанамъ“. Нетрудно найти объясненіе этой новой ориентаціи. Между Альбертомъ и его предшественниками легъ одинъ фактъ огромнаго значенія: фактъ образованія Іерусалимскаго королевства. Царствовавшая уже нѣсколько поколѣній династія поощряла сказанія, озарявшія славою ея начало. Еще шагъ — и мы въ волшебномъ кругу поэтической работы около саги о „рыцарѣ съ лебедемъ“, которая стала фамильной сагой Бульонскаго дома.

Передвиженіе крестоносныхъ сказаній на Годфрида опредѣлилось не только официальными, но и болѣе задушевными мотивами. „Въ теченіе болѣе чѣмъ ста лѣтъ, говоритъ Гастонъ Парисъ, площади французскихъ городовъ и двory французскихъ замковъ звенѣли пѣснями“ о герояхъ каролингскаго цикла, „когда пришелъ день крестоваго похода. Передъ лицомъ западнаго рыцарства, которое поднялось, нашивая крестъ на свои одежды, увлекаая за собою населеніе юга и сѣвера, которое увидѣло Константинополь, прошло Малую Азію и водрузило христіанское знамя у воротъ Гроба Господня, можно ли думать, что вдохновеніе труверовъ осталось

безмолвнымъ?..“ Много сказаній и пѣсенъ могло слагаться о князьяхъ, доблестно бившихся въ Сириі, павшихъ тамъ или вернувшихся на родину. Но благодарное чувство „французовъ, бившихся за Іерусалимъ“, принесло обратно на Западъ особенно глубокую и чистую память о баронѣ, который на пути въ Святой Городъ ни разу не запятналъ себя личными исканіями и послѣ ухода большинства крестоносцевъ всталъ на стражѣ Гроба Господня. Въ одинъ изъ послѣднихъ дней августа 1100 года, когда въ гавани Каифы корабли уѣзжавшихъ крестоносцевъ опять поставили паруса на Западъ, и происходило прощанье съ остающимися (въ этотъ день было положено оружіе; отъѣзжавшіе и оставляемые держали пальмы въ рукахъ), тогда Годфридъ произнесъ свое прощальное напутствіе: „Храните память обо мнѣ; напоминайте братьямъ - христіанамъ, чтобы они не колебались идти къ Гробу Господню; думайте о помощи намъ, остающимся въ изгнаніи“. Съ этого дня начинается легенда о немъ. Если для пизанцевъ, генуэзцевъ, венеціанцевъ, которые скоро начнутъ совершать правильные рейсы въ Палестину, она скоро станетъ прозаическою реальностью, то для заальпійскаго человѣчества страна, гдѣ было такъ много пережито и много достигнуто, остается какъ прежде, и болѣе чѣмъ прежде, страной чудесъ. Скоро опять моря, Балканы и дунайскія степи легли между нимъ и Палестиной, но въ этой далекой святой странѣ остался князь, который одинъ оказался достоинъ іерусалимской короны, но отвергъ ее; былъ бездѣтенъ и дѣвственъ, но далъ начало династіи, какъ Банко въ видѣніи Макбета, „царей родоначальникъ, но не царь“. Изъ тумана этой таинственной дали начинаютъ опять возникать видѣнія. „Вдали отъ васъ, въ странѣ вамъ неизвѣстной“ распускается нѣжная сага, и ея цвѣты заплетаются около Годфрида.

III.

Движеніе на Средиземномъ морѣ.

„Не подлежитъ сомнѣнію,—говоритъ экономическій историкъ изучаемой эпохи (А. Шаубе),—что среди разнообразныхъ побужденій, вызвавшихъ къ жизни великое крестоносное движеніе, коммерческіе интересы не играли никакой роли“... Но если, дѣйствительно, не они создали Крестовые Походы, то обратно, Крестовые Походы оказали могущественное вліяніе на торговое развитіе средиземноморскихъ народовъ. Можно сказать больше: торгово-промышленное движеніе стало составляющей частью крестоноснаго. Безъ него было бы невозможнымъ долгое утвѣржденіе латинскихъ завоеваній на мусульманскомъ Востокѣ. Для новаго населенія Палестины не могли стать постоянной связью съ родиной тѣ сухопутныя большія дороги, по которымъ шель I Крестовый Походъ, какъ бы ни были онѣ освящены въ мысли народовъ именами Годфрида Бульонскаго и Карла Великаго. Путемъ повседневныхъ и частыхъ сношеній могло сдѣлаться только море. Дѣятельнымъ ихъ посредникомъ на морскомъ пути стали итальянскіе и позднѣе южно-французскіе города. Когда въ послѣдствіи, въ годы разочарованія и усталости, великій исходъ Запада начиналъ представляться фантастическимъ и безцѣльнымъ порывомъ,—въ торговыхъ

отношеніяхъ и созданныхъ ими пунктахъ все предпріятіе могло нащупать нѣкоторыя прочныя цѣли и результаты.

Большіе морскіе города Италіи вступали въ движеніе очень осторожно. Ихъ офиціальныя, пущенныя въ ходъ съ затратой большихъ средствъ, военныя экспедиціи на Востокъ начались сравнительно поздно и достигаютъ цѣли только много позднѣе завоеванія Іерусалима.

Но этимъ большимъ офиціальнымъ предпріятіямъ предшествовали малыя, въ которыхъ проявили себя, главнымъ образомъ, генуэзцы ¹⁾.

Ихъ корабли явились къ гавани св. Симеона въ дни осады Антиохіи, доставляя осаждавшимъ припасы съ моря. Еще важнѣе была ихъ помощь, когда сами крестоносцы очутились въ Антиохіи, осажденной Кербогой, и дальше, когда, застрявъ у Ирки, войско гибло въ безводной равнинѣ. Было уже отмѣчено значеніе ихъ участія во время взятія Іерусалима.

Только послѣ этого событія, наконецъ, двинутся сюда одинъ за другимъ большіе, офиціально снаряженные флоты славныхъ республикъ Италіи. Эта грандіозная морская демонстрація Запада должна была произвести свое впечатлѣніе на сарацынъ. Первымъ явился пизанскій флотъ, въ числѣ 120 кораблей, привезшій своего епископа, Даимберта, и мотивировавшій свое появленіе повелѣніемъ папы Урбана. Въ маѣ 1100 года показался венеціанскій флотъ въ 200 кораблей. Его вели епископъ Кастелло и сынъ дожа, Джованни Микаэль. Съ ихъ помощью завоевана гавань Акра. Послѣдними пріѣхали генуэзцы на 26 галерахъ и нѣсколькихъ десяткахъ транспортныхъ судовъ. Ихъ от-

¹⁾ Здѣсь, какъ и вообще въ данной главѣ, мы много пользуемся книгой Schaubе, *Handelsgeschichte der romanischen Volker des Mittelmeergebiets bis zum Ende der Kreuzzüge.*

правка мотивировалась въ городскомъ совѣтѣ опасеніемъ, что Генуя можетъ пропустить важный моментъ для обезпеченія торговыхъ преимуществъ на Востокъ, въ то время, какъ Пиза и Венеція основываютъ тамъ свое благополучіе. Въ концѣ апрѣля 1101 года они помогли взять маленькій Арсуфъ и цвѣтущій торговый городъ Кесарію. Главная роль морскихъ экспедицій, однако, заключалась не столько въ завоеваніи, сколько въ укрѣпленіи захваченнаго. Выше указано на то положеніе, въ какомъ очутился послѣ завоеванія Св. Земли баронъ Гроба Господня. Мы видѣли, что изъ князей, спорившихъ за Антиохію и Триполисъ, собственно не нашлось охотника на Іерусалимъ. Тотъ расчетъ нарѣзать себѣ блестящихъ сеньерій на завоеванномъ Востокѣ, который руководилъ частью вождей, реализовался для нѣкоторыхъ и обманулъ надежды другихъ. Что касается той массы народной, которую увлекать наивный и искренній энтузіазмъ, онъ былъ еще менѣе прочной почвой, на которой можно было строить что бы то ни было. Эта масса, если она не разбѣжалась отъ голода подъ Ирккой, не вымерла отъ антиохійской чумы, если она донесла свой энтузіазмъ до Іерусалима, скоро его здѣсь насытила. Послѣ того, какъ она добралась до Гроба Господня, искупалась въ Іорданѣ и наломала пальмовыхъ вѣтвей въ Іерихонѣ, она считала свою задачу исполненной и возвращалась домой. Въ 1100 году представляется нѣсколько загадочнымъ то пассивно-выжидательное положеніе, какое занялъ мусульманскій Востокъ. Еще недавно выдвинувшій противъ огромной крестоносной арміи сотню тысячъ войскъ Кербоги, онъ остается въ бездѣйствіи передъ лицомъ какихъ-нибудь десятковъ тысячъ Годфрида. Явленіе это становится менѣе загадочнымъ, если вспомнить, что кромѣ общаго факта реакціи послѣ ряда понесенныхъ пораженій, существовалъ еще импозантный фактъ ита-

льянскихъ эскадръ, которыя бросили якорь въ главныхъ гаваняхъ Сирійскаго побережья.

Вооруженныя дружины купцовъ и ихъ колоніи станутъ тѣмъ цементомъ, который спаяетъ молодой латинскій Востокъ съ старымъ латинскимъ Западомъ. Въ ихъ интересахъ была энергичная поддержка усилій христіанскихъ властителей страны захватить власть надъ всѣмъ побережьемъ. Свободнѣ всего дѣйствуютъ здѣсь въ первое время ближайшіе союзники норманнскихъ князей, генуэзцы. Впрочемъ, своеобразной чертой ихъ политики является беззаботность по вопросу о томъ, для какого князя добывается тотъ или иной городъ. Арсуфъ завоеванъ ими для іерусалимскаго короля, Триполисъ, Тортоза, Большой и Малый Джебеле—для Раймунда. Въ 1110 году они участвовали въ завоеваніи Лаодикеи для норманнскихъ князей. Для всякаго латинскаго князя, который обезпечивалъ имъ коммерческія привилегіи въ завоевываемыхъ пунктахъ, они бросали въ бой свои галеры. Значительно блѣднѣе роль пизанцевъ, сливавшихся обыкновенно съ генуэзскими эскадрами и ограничившихъ свои притязанія сѣверной Сиріей.

Труднѣе другихъ было опредѣлить здѣсь свою роль венеціанцамъ. Со времени взятія Антиохіи войско крестоносцевъ, въ лицѣ большинства вождей, встало въ очень холодныя отношенія къ Константинополю; и Венеціи, давней его союзницѣ, нелегко было поставить свою ставку въ игрѣ. Она начала съ закулисныхъ интригъ противъ крестоносцевъ. Когда латинскіе христіане осаждали Триполисъ, она подвозила ему съ моря провіантъ. Но ею управляли слишкомъ прозорливые политики, чтобы не понять своихъ выгодъ. Они могли получить свою долю въ добычѣ, не разрывая прямо съ Византіей. Эти соображенія привели къ тому, что наконецъ въ 1110 году самъ дожъ Ордефало Фальери лично повелъ большую морскую экспедицію, которая,

въ союзѣ съ королемъ Балдвиномъ, захватила Сидонъ. Еще болѣе важный успѣхъ былъ достигнуть взятіемъ Тира, для чего въ 1122 году Венеція двинула 120 судовъ и дала займы королю и патриарху 100 тысячъ золотыхъ.

Такъ проявилось запоздалое, расчетливое, почти свободное отъ тѣхъ мотивовъ, какіе двигали первыя крестоносныя ополченія, участіе итальянскихъ флотовъ. Итальянскія республики не претендуютъ здѣсь на политической суверенитетъ. На равнинахъ Сиріи ни генуэзцы, ни венеціанцы не создали ни одного княжества. Но они не остались отъ этого въ накладѣ, предпочитая болѣе реальныя преимущества. Предоставивъ другимъ звучные титулы антиохійскихъ князей, графовъ эдесскихъ и триполисскихъ и королей іерусалимскихъ, сваливъ на нихъ всю тяжесть той отвѣтственности, какую, между равно почти враждебными мірами мусульманъ и грековъ, „между Персидой и Византіей“, несли на своихъ плечахъ латинскіе бароны, не опредѣляя слишкомъ отчетливо своихъ отношеній, если не къ „Персидѣ“, то къ „Византіи“, они хотѣли только имѣть опорный пунктъ въ каждомъ изъ важныхъ торговыхъ городовъ, кварталъ для комфортабельной и пріятной жизни своихъ агентовъ, чаще всего „ругу (улицу), идущую къ морю“, на ней свою церковь и, какъ настойчиво подчеркиваетъ большинство договоровъ, „фондакъ, фонтанъ, и баню“. За этими вещественными уступками слѣдуетъ рядъ коммерческихъ и юридическихъ привилегій. Таковъ смыслъ договора, заключеннаго въ 1098 г. генуэзцами съ Богемундомъ, какъ государемъ Антиохіи. За первую четверть вѣка генуэзцы получили по $\frac{1}{3}$ городовъ Арсуфа, Кесаріи, Акры, Триполиса, Бейрута, Лаодикеи и Джебеле, площадь въ Іерусалимѣ, улицу въ Яффѣ. Колоніи пизанцевъ сосредоточились преимущественно на сѣверѣ, въ сферѣ вліянія нор-

манскихъ князей. Тѣ и другіе получили свободу отъ поборовъ и, въ случаѣ неожиданной смерти на Востокѣ, право охраны ихъ имущества до передачи его законному наслѣднику.

Всѣ эти колоніи блѣднѣютъ передъ колоніями венеціанцевъ. Хотя и явившись сюда позднѣе другихъ, царица Адриатики получила здѣсь львиную долю. Мы укажемъ только на содержаніе знаменитой привилегіи 1123 года, которая, по имени іерусалимскаго патріарха, подписавшаго ее (король Балдуинъ II былъ въ то время въ плѣну), называется „привилегіей Варамунда“. Въ Аскалонѣ и, что еще важнѣе, въ Тирѣ, венеціанцамъ отводится по одной трети этихъ городовъ. На іерусалимскомъ рынкѣ они получаютъ столько же домовъ, лавокъ и участковъ, сколько имѣлъ іерусалимскій король; въ Акрѣ имъ достается кварталъ. Въ границахъ этой венеціанской территоріи они могутъ имѣть свои мѣры и монеты, и только за ея предѣлами, при сдѣлкахъ съ невенеціанцами обязаны пользоваться монетой короля. Привилегія организуетъ венеціанцевъ въ общину, которая имѣетъ офиціальнаго представителя, трибуналъ, судящій всѣхъ, кто живетъ на венеціанской территоріи. Надъ ними правительству общины принадлежатъ тѣ же права, что королю надъ своими подданными. Столицей венеціанскихъ поселеній въ Сиріи сталъ Тиръ, гдѣ создана была дочь венеціанской славной базилики,—церковь св. Марка.

Къ кварталамъ, захваченнымъ колонистами, тянули болѣе или менѣе обширныя сельскія территоріи, крѣпостное населеніе которыхъ послѣ власти греческихъ, сирійскихъ, потомъ арабскихъ и, наконецъ, турецкихъ помѣщиковъ, должно было принять еще болѣе тяжкое иго западныхъ господъ. Имъ приходилось отдавать до $\frac{1}{3}$ урожая и произведеній индустріи. Значительную часть товаровъ, вывозимыхъ европейской торговлей съ

Востока, она извлекаетъ изъ земли Сири, какъ натуральную повинность съ ея огородовъ, хлопковыхъ и сахарныхъ плантацій, виноградниковъ, оливковыхъ и фиговыхъ садовъ, миндальныхъ, абрикосовыхъ, вишневыхъ и апельсиновыхъ рощъ, съ ея шелковой и бумажной индустріи.

Рейсы на Востокъ совершались съ особенной правильностью изъ италіянскихъ городовъ. Въ Пизѣ силенъ былъ обычай индивидуальныхъ экспедицій. Изъ Генуи и Венеціи корабли отправлялись обычно большими караванами. Здѣсь, гдѣ правительство принимало самое непосредственное участіе въ торговой жизни республики и властно ею руководило, одиночные выѣзды запрещались закономъ. Въ зависимости отъ нужды, имъ давалось прикрытіе изъ извѣстнаго числа военныхъ кораблей. Изъ Генуи ежегодно выходили такіе флоты въ августъ—сентябрѣ. Венеція высылала ихъ дважды: весною и въ концѣ августа. Венеціанскія флотиліи слѣдовали черезъ Іоническіе острова и Архипелагъ, затѣмъ черезъ Родосъ и Кипръ, все равно, направлялись ли онѣ къ сирійскому или египетскому берегу, съ которымъ также оживились давнія торговыя отношенія республикъ. Генуэзскіе и пизанскіе корабли слѣдовали тою же дорогою послѣ того, какъ миновали Мессинскій проливъ. Впрочемъ, въ одно время, въ эпоху враждебныхъ отношеній съ Сициліей, они дѣлали большой кругъ, огибая Корсику и Сардинію, и держали путь на африканскій берегъ, пока не видѣли александрійскихъ маяковъ. Марсельскіе моряки тоже обычно такъ далеко обходили эти острова, что не бывали съ нихъ видны. Путь этотъ былъ очень легкимъ и быстрымъ, особенно если сравнить его съ сухопутнымъ. При благопріятной погодѣ купеческіе корабли проходили его въ 2 недѣли. Военныя галеры требовали почти вдвое больше времени. Фридрихъ II въ 1228 году ѣхалъ 24 дня.

Время, которое караваны проводили на Востокъ, отмѣрялось широко. Генуэзскіе караваны проводили тамъ всю зиму; венеціанскій весенній караванъ возвращался въ сентябрѣ, осенній въ маѣ. Этого времени было достаточно, чтобы посѣтить всѣ прибрежныя гавани и побывать въ глубинѣ страны: Дамаскѣ и Багдадѣ. Обѣ республики, державшія подъ строгимъ надзоромъ караваны во время пути, разрѣшали отдѣльнымъ членамъ употреблять на берегу свое время, какъ имъ вздумается. Нѣкоторые контракты требовали возврата съ тѣмъ же караваномъ, другіе разрѣшали остаться еще на одинъ или на два коммерческихъ періода и вернуться съ другимъ караваномъ.

Строгая государственная регламентація предпріятій объясняется тѣмъ, что въ нихъ были заинтересованы широкіе и вліятельные круги. Видныя семьи городской аристократіи, носители государственныхъ должностей, вкладываютъ въ нихъ большіе капиталы. Мы присутствуемъ въ нихъ при развитіи кредита, акціонерныхъ товариществъ и системы дивиденда. Тѣ отважные купцы, которые сами пускаются въ море и рыщутъ по восточнымъ гаванямъ, далеко не всегда, и во всякомъ случаѣ въ меньшей долѣ, ведутъ предпріятіе на свое личное имущество. Караванъ везетъ обыкновенно довѣренныя ему капиталы многихъ семей. Изъ генуэзскихъ архивовъ видно, что почти вся мѣстная аристократія помѣщала свои капиталы въ Левантскую торговлю, причемъ только въ лицѣ младшихъ членовъ являлась активной ея участницей, играя, въ лицѣ старшихъ роль акціонеровъ, пайщиковъ или банкировъ. Перекладывая непосредственный трудъ на стоящихъ ниже въ социальномъ отношеніи „купцовъ“, патрици, спокойно сидя дома, получали барыши на довѣренныя капиталы. Впрочемъ, не вполне спокойно. Ихъ дѣломъ было, засѣдая въ городскомъ правительствѣ, слѣдить за поворотами внѣшней поли-

тики, регулировать отношенія съ сарацынами, Византіей, іерусалимскими князьями, а также сосѣдными республиками, въ нужныхъ случаяхъ отправляя посольства, предписывая городское вооруженіе и снаряжая военныя галеры. Здѣсь трудно даже говорить о частной торговлѣ. Для всякаго торговаго предпріятія, чтобы не быть безрезультатнымъ, вытекала необходимость не только пользоваться покровительствомъ флага своей страны, но прямо заинтересовать побольше членовъ правительства долею въ предпріятіи. Тогда купецъ-странникъ могъ быть увѣренъ, что съ своего сенатскаго кресла, изъ дворца надъ зеленой лагуной Венеціи или надъ синими волнами Лигурійскаго залива чей-то благопріятный глазъ слѣдитъ за его кораблемъ и направляетъ въ желательномъ для него духѣ высшую политику республики.

Въ этихъ предпріятіяхъ, какъ они рисуются черезъ генуэзскіе архивы, насъ поражаютъ ихъ малые размѣры, лично конкретный характеръ и неспособность къ ариѳметическому обобщенію. Размѣры, языкъ, типъ экономической мысли зачастую находятъ аналогію развѣ въ документахъ какого-нибудь нынѣшняго сельскаго кооператива. Когда нѣкій Солиманъ отправляется въ 1156 г. на Востокъ съ генуэзскимъ кораблемъ, онъ получаетъ самыя разнообразныя порученія. Ожеріо Венто даетъ ему для передачи сыну, поселившемуся въ Александріи, серебряную уздечку, 10 ф. и 2 унц. шафрану и 15 генуэзскихъ лиръ, которыя Солиманъ превратитъ въ товаръ, и все это, въ концѣ концовъ, возмѣститъ сыну Ожеріо египетскими бизантами, по расчету $2\frac{3}{4}$ биз. на лиру. За счетъ одного малолѣтняго знатнаго генуэзца Эліо, консулы города даютъ Солиману 96 лиръ, а нѣкій Рибальдо Факсоліо—5 лиръ. Два другихъ генуэзца, Мальфуастеро и Гвидо, поручаютъ товары для продажи. Передъ первымъ Солиманъ обязуется, продавъ его то-

вары въ Александріи не менѣе, какъ за 110 бизантовъ, на чистую прибыль добратъся до Каира, купить тамъ гуммилаку и бразильскаго дерева и отдать все по возвращеніи въ Геную. Товары Гвидо онъ обѣщаетъ продать за 280 лиръ въ Александріи, чтобы отдать деньги ѣдущему вмѣстѣ съ нимъ сыну Гвидо, буде тотъ рѣшится изъ Александріи предпринять дальнѣйшее странствіе на свой страхъ. Если же молодой чело-вѣкъ останется въ обществѣ Солимана, послѣдній пускаетъ дальше капиталъ въ оборотъ и обязуется привезти отцу перцу и чернаго дерева. Вернувшись, Солиманъ расплачивается съ довѣрителями. Эліо онъ привезъ деньгами 105^{1/2} лиръ, ^{1/2} центнера перцу и пакетъ бразильскаго дерева. Соотвѣтственно нажились другіе. Что Солиманъ хорошо заработалъ на этомъ предпріятіи, видно изъ того, что черезъ четыре года онъ покупаетъ съ двумя коллегами корабль, причемъ оплачиваетъ половину его стоимости. И долго еще въ архивахъ встрѣчаютъ насъ слѣды его торговыхъ сдѣлокъ. Ихъ малые размѣры компенсируются ихъ живою непрерывностью. Сплошь да рядомъ въ сдѣлкахъ прибѣгаютъ къ кредиту—лично-семейному въ первое время: товары, полученные въ одномъ пунктѣ отъ отца, выплачиваются деньгами сыну, который живетъ гдѣ нибудь на восточномъ рынкѣ. Отсюда недалеко до торговыхъ банкирскихъ домовъ, которыхъ филиальныя отдѣленія разбросаны по Средиземному морю. Членъ или кліентъ кредитнаго товарищества можетъ двинуться въ путь, не неся мѣшка съ золотомъ. Сдѣлки начинаютъ регулироваться векселями, изъ которыхъ постепенно вырастаетъ система ассигнацій.

Въ товарномъ обмѣнѣ Европа, сперва очень мало активная, становится все болѣе дѣятельной. Кромѣ товаровъ, которые она извлекаетъ, въ качествѣ оброка, изъ сирійскихъ колоній, она многое вынуждена поку-

пать за деньги: драгоценные камни и пряности Дальнего Востока, появляющиеся на сирийских рынках и в Багдадѣ; персидскія ткани и бирюзу; хлѣбъ, соль и рыбу съ береговъ Чернаго моря: наконецъ, всѣ египетскіе товары: батисты и кисеи, стекло, бразильское дерево, перецъ, квасцы, которые получаютъ все большій ходъ на Западѣ. Сперва за нихъ платятъ преимущественно золотомъ, но съ теченіемъ времени Европа усиливаетъ свой собственный экспортъ. Если въ X в. она везла на Востокъ преимущественно рабовъ, дерево и оружіе, изъ коихъ только послѣдній товаръ былъ произведеніемъ индустріи, для второго приходилось обезлѣсивать хребты Италіи, а третій былъ позорнымъ пятномъ „христіанской“ коммерціи, то уже въ XII вѣкѣ этотъ классическій списокъ сильно расширяется настоящими фабрикатами. Испанскій шелкъ, французское и фландрское сукно, полотна Реймса, Камбре и Валансьена начинаютъ не только въ Европѣ конкурировать съ восточными, но появляются и въ Сириі. Орденскіе госпитали, іерусалимскія больницы тысячами локтей и сотнями штукъ выписывали изъ Европы красныя и зеленыя сукна и толстыя шерстяныя одѣяла.

Кругъ европейской восточной торговли захватываетъ Византію и отводитъ ей все болѣе пассивную роль. Въ архивахъ сохранилось не одно доказательство того, что самые восточные товары нерѣдко доставлялись на византійскіе рынки венеціанцами, что корабли послѣднихъ стали посредниками торговли между Византіей, Сирией, Египтомъ и Западной Европой. Венеціанцы и отчасти генуэзцы получаютъ все больше привилегій на рынкахъ Византіи, колоній въ городахъ, успѣшно конкурируютъ съ греческими купцами на моряхъ и островахъ Средиземнаго бассейна. Не наша задача входить въ анализъ византійской политики XII вѣка, но мы не можемъ не отмѣтить, что особенно замѣчательные

изъ императоровъ Комненовъ, бывшіе соперниками латинскихъ бароновъ по вопросу о политическомъ суверенитетѣ въ Малой Азіи и Сиріи—въ цѣломъ рядѣ культурныхъ проблемъ были сильными западниками. Захваченные вновь, подѣ влияніемъ побѣдъ христіанскаго „вассальнаго“ оружія, великодержавными мечтами о возстановленіи Юстиніановой Имперіи въ ея старыхъ предѣлахъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ желали вдохнуть въ свой дряхлый міръ ту живую струю, которая,—они, бывшіе головой выше окружающаго общества, чуяли это—била ключомъ въ народахъ Запада. Они стѣсняли западное завоеваніе, но широко открыли двери западной колонизаціи и торговлѣ.

Эта тенденція не встрѣтила сочувствія въ мѣстномъ населеніи. Глухой ропотъ слышится все время противъ западнической политики Комненовъ. При Алексѣѣ II (1183 г.) онъ прорвался въ мятежѣ, приведшемъ къ избіенію западныхъ купцовъ. Ихъ изгнали не надолго. Пройдетъ нѣсколько времени, и они снова вернутся въ свои кварталы. Но чувства страха и озлобленія, которыя пережили они и связанные съ ними вліятельные круги итальянскихъ городовъ, не улягутся. Они станутъ однимъ изъ стимуловъ IV Крестоваго Похода.

IV.

Латинская Сирія.

Уже въ первое десятилѣтіе христіанской власти надъ Сиріей въ ея правящихъ семьяхъ произошли передвиженія. Баронъ Гроба Господня скончался черезъ годъ послѣ взятія Іерусалима. Въ Палестинѣ осуществилась феодальная церемонія избранія ему преемника. Но этотъ преемникъ, братъ умершаго барона, эдесскій графъ Балдвинъ (онъ передалъ свой эдесскій престолъ сыну, Балдвину), не пожелалъ остаться въ скромной роли патріаршаго фойгта и вѣнчался іерусалимскимъ королемъ. Богемундъ, освободившись изъ турецкаго плѣна, въ какой онъ попалъ въ одной случайной стычкѣ, предпринимаетъ открытую войну съ Византіей, стремится подвигнуть къ ней весь Западъ. Онъ потерпѣлъ въ этой войнѣ полное пораженіе, крушеніе своихъ плановъ, вынужденъ былъ принять греческій вассалитетъ и греческаго патріарха въ Антиохію. Его наслѣдникъ съ 1111 г., Танкредъ, отказался выполнять этотъ договоръ и утверждалъ свою независимость. Раймундъ только въ 1104 г. добился своей завѣтной цѣли — обладанія Триполисомъ, но самъ палъ въ триполисской осадѣ, задушенный дымомъ ея пожара. Такъ, въ относительно молодые еще годы сходило со сцены первое поколѣніе крестоносныхъ вождей, истощенное напряженіемъ эпи-

ческаго своего подвига, растративъ силы въ приспособленіи къ непривычнымъ условіямъ быта. Болѣе устойчивыми и долготѣтными будутъ правленія ихъ сыновей и племянниковъ: іерусалимскихъ Балдвиновъ (отъ I до V) и Амори, антиохійскихъ Богемундовъ (отъ I до VIII), триполиссскихъ Раймундовъ и Бертрановъ и т. д. Сомкнувъ цѣпь феодальныхъ связей около верховной іерусалимской короны, они начинаютъ работу возведенія новаго „готическаго“ сооруженія на восточной землѣ.

Это моментъ совершенно исключительнаго интереса для историка и соціолога. Европейскій феодализмъ, выросшій безшумно и незамѣтно на старой родинѣ, никогда не сознавшій себя, не отлившійся въ писанный кодексъ, — теперь, въ новыхъ условіяхъ невольна вынужденъ оглянуться на себя, опредѣлить свои принципы и произвести въ нихъ какой-то выборъ.

„Когда взятъ былъ Святой Городъ... герцогъ Годфруа избралъ, по совѣту князей и бароновъ, мудрыхъ людей, которые разслѣдовали бы обычаи людей разныхъ странъ, оказавшихся тамъ. Все, что они узнали, было изложено письменно и доложено герцогу. А онъ, собравъ патріарха и другихъ, съ ихъ совѣта, велѣлъ выбрать все, что было хорошаго и полезнаго. Такъ установились обычаи и положенія — (ассизы), которыя положено было хранить и соблюдать въ Іерусалимскомъ королевствѣ“...

Нельзя думать, — какъ замѣчено историкомъ феодальной Палестины, — будто передъ лицомъ сложной задачи новые законодатели обладали необходимой свободой мысли и дѣйствія. Тревожимые духомъ безпорядка и анархіи, который царствовалъ въ ихъ арміяхъ, они спѣшили укрѣплять учрежденія, которыя, едва будучи основаны, уже подверглись со всѣхъ сторонъ нападеніямъ извнѣ, а внутри раздирались борьбою честолобій. „Преслѣдуемые повелительною нуждою, воины, еще

покрытые потомъ и кровью, подъ неутихающій шумъ битвы, создали кодексъ, который воспроизводитъ кутюму ихъ родины и больше всего—феодалной Франціи“.

Худо или хорошо, новое зданіе должно было быть выстроено сразу, чтобы дать помѣщеніе эмигрировавшему сюда побѣдоносному обществу на чужой землѣ. Впослѣдствіи оно неизбѣжно должно было подвергнуться перестройкамъ, вызываемымъ, съ одной стороны, воздѣйствіемъ на пришельцевъ мѣстнаго обычая, съ другой,—измѣненіями, которыя совершались въ самой Европѣ и съ большей или меньшей быстротою отражались за моремъ. За исключеніемъ небольшого числа акклиматизовавшихся семей, населеніе Палестины было колеблющимся и измѣнчивымъ. До самаго конца XII вѣка и отчасти еще въ XIII сюда приливали новые насельники, увлекаемые религіознымъ одушевленіемъ, желаніемъ устроить свою судьбу или жаждой приключеній. Обратная волна уносила въ Европу удовлетворенныхъ или разочаровавшихся. Съ обновлявшимся непрерывно населеніемъ обновлялись нравы, понятія и привычки; въ восточную почву просасывались тѣ измѣненія, которыя совершались на почвѣ Европы. Поскольку свободное и сознательное творчество проявлялось въ этой работѣ, двѣ повелительныя потребности указывали ей пути. Во-первыхъ, необходимо было создать—подъ напоромъ непрерывныхъ опасностей, среди которыхъ устраивалось новое общество,—сильное, централизованное государство. Во-вторыхъ, необходимо было удовлетворить, въ смыслѣ земельныхъ надѣловъ и личныхъ и государственныхъ прерогативъ, всѣхъ, кто мечомъ и подвигомъ проложилъ дорогу въ Іерусалимъ. Сочетаніе этихъ принциповъ было чревато противорѣчіями, которыя въ концѣ концовъ взорвали латинскую Сирію.

Первыми шагами новаго правительства было надѣленіе воиновъ всѣхъ ранговъ. Намъ неизвѣстны по-

дробности и основанія происходившаго дѣла. Но есть данныя думать, что въ небольшомъ относительно кругу завоевателей онъ совершился безболѣзненно. Фульхерій представляетъ въ самомъ Іерусалимѣ картину раздѣла почти въ идиллическомъ видѣ: „Послѣ долгихъ страданій они стали расходиться по городу, расселяясь по опустѣвшимъ домамъ. Такъ что, кто первымъ вошелъ въ домъ, богатъ онъ или бѣденъ, уже не изгонялся изъ него, но самый домъ или дворецъ и все, что онъ нашелъ въ немъ, онъ присвоивалъ себѣ... Такъ установили они новое право, обязуясь взаимно хранить его, и многіе бѣдняки стали богаты“... Во всякомъ случаѣ, при замѣчательной детальности изображенія событій I Крестоваго Похода, какое даютъ хроники (мы зачастую можемъ прослѣдить ихъ по днямъ)—въ нихъ не сохранилось сообщеній о какихъ-либо рѣзкихъ конфликтахъ въ періодъ освоенія земли завоевателями, и можно склониться къ признанію его относительно „мирнаго“ характера. Повидимому, всѣ, кто хотѣлъ и могъ остаться въ Палестинѣ, получили надѣлы. Въ Іерусалимскомъ королевствѣ намъ называютъ, въ качествѣ главныхъ вассальныхъ феодаловъ—изъ нихъ одни были свѣтскими, другіе церковными—Назаретъ, Наплузу, Ибеленъ, Раму, Лидду, Хевронъ и др. Іерархія феодаловъ, вѣроятно, отразила іерархію претендовавшихъ на нихъ лицъ, съ тенденціей къ относительному повышенію значенія и обезпеченія cadaго. Многіе люди „низкаго званія“, участвовавшіе своимъ мечомъ въ завоеваніи, поднялись до званія рыцарей. Въ этомъ смыслѣ движеніе въ Палестину пробило широкую брешь въ оградѣ феодальнаго закона.

Политическій порядокъ представляетъ оригинальную прививку западнаго, главнымъ образомъ, французскаго. Приведенное нами выше (оно хранилось на Кипрѣ) преданіе о „герцогѣ Годфруа“ дѣлаетъ созванную имъ

комиссію „мудрецовъ“ творцомъ Сирійской конституціи, которая была будто бы записана на хартіи „большими круглыми буквами, съ золотыми инициалами и красными заголовками“ и положена во храмъ Св. Гроба, откуда ея имя *Lettres de Saint Sepulcre*. „Письма св. Гроба“ могли вскрываться только въ случаяхъ важныхъ разногласій и не иначе, какъ въ присутствіи комиссіи девяти, въ томъ числѣ патриарха и короля. Реальность преданія вызываетъ сомнѣнія: возможна ли столь ранняя кодификація феодальнаго права, которое на Западѣ еще болѣе вѣка будетъ ждать своей записи? Возможно, что въ „Письмахъ св. Гроба“, погибшихъ, согласно преданію, при вступленіи Саладина въ Іерусалимъ, слѣдуетъ видѣть архивъ владѣльческихъ актовъ на полученные феодалы и перечисленіе принятыхъ за нихъ вассальныхъ обязательствъ. Вѣроятно, первыя попытки систематической записи „ассизъ“ слѣдуетъ отнести къ концу XII вѣка. Они обнаруживаютъ, во всякомъ случаѣ, что феодальное право на латинскомъ Востокѣ достигло неизвѣстной Западной Европѣ отчетливости и законченности. Въ Сиріи подъ понятіе феодала подходитъ только земля. Здѣсь всѣ феодалы являются военными. Требованіе военной службы въ странѣ, постоянно угрожаемой неутомимымъ врагомъ, не могло ограничиться, какъ то было въ Европѣ, 40 днями: оно могло быть предъявлено всегда и на любой срокъ. Вассальная связь здѣсь всегда проявляется въ своей высшей, требовательной формѣ (*homage lige*), и вассаль отвѣчаетъ всѣмъ имуществомъ за сюзерена (*plegerie féodale*). Зато въ Палестинѣ король-сюзерень, дѣйствительно, только первый между равными, и феодальный совѣтъ — *Haute Cour* — является учрежденіемъ съ большой инициативой, съ правомъ возстанія, — въ случаѣ нарушенія королемъ его долга по отношенію къ вассаламъ, — коллегіей зачастую очень властной и непокорной. „Пере-

плавая моря, отправляясь на поиски подъ новыми небесами болѣе свободнаго и яркаго существованія, феодальный міръ естественно стремился оживить свои исконные догматы, омолодить свои институты, вернуть аристократическому принципу его былую силу“. Въ очевидномъ противорѣчїи съ интересами крѣпкой и централизованной власти, но въ семейныхъ интересахъ завоевавшихъ Палестину династій, стоитъ проявляемая ассизами забота о правѣ вдовы и дочери. Съ болѣе послѣдовательностью, чѣмъ на Западѣ, за нею, — при отсутствїи прямого мужского наслѣдника, — признано право на корону и на избраніе по сердцу дѣйствительнаго носителя—мужа. Но отсюда вытекаетъ для феодальной Курїи очень серьезная забота: не насилуя правъ сердца, подобрать въ супружество осиротѣвшей дамѣ такого барона, который былъ бы годенъ для замѣщенія отвѣтственнаго поста. Вопросы о романахъ сирійскихъ принцессъ, личности и интриги ихъ жениховъ занимаютъ видное мѣсто въ высшей политикѣ христіанскаго Востока.

Изучая значеніе Haute Cour въ жизни того класса, котораго она была органомъ и представителемъ, наблюдатель наталкивается на рядъ любопытныхъ впечатлѣній. Властный и исключительный, феодализмъ Палестины былъ вмѣстѣ съ тѣмъ очень энергичнымъ и живымъ. Haute Cour не являлась пассивнымъ учрежденіемъ, которое въ старой Европѣ существовало больше по имени, страдая постояннымъ абсентеизмомъ его членовъ, пока король не наполнилъ ее своими людьми и не измѣнилъ тѣмъ ея характеръ. Члены палестинской Haute Cour ревностно посѣщали ея засѣданія, принимали участіе въ разборѣ казусовъ, вдумывались въ ихъ детали, регистрировали прецеденты. Судебная процедура на востокѣ развернулась въ драматическое дѣйствіе, борьбу, гдѣ побѣждалъ тотъ, у кого лучше выковано

оружіе аргумента. Заморскіе бароны, проникнутые сознаниємъ особенности своего положенія, вырабатывали въ себѣ чуткость, постоянную настороженность, въ какихъ не нуждалось болѣе спокойное, лучше защищенное общество Европы. Въ результатѣ они являются живыми носителями правосознанія въ его утонченныхъ деталяхъ. Въ Іерусалимѣ, въ Антиохіи, впослѣдствіи въ Акрѣ и на Кипрѣ, гдѣ съ паденіемъ Іерусалима собрались остатки заморской аристократіи, мы встрѣчаемъ типы, какихъ вовсе не знала старая Европа. Мы видимъ бароновъ, славныхъ рожденіемъ, подвигами, богатствами, цвѣтъ и ограду восточнаго христіанства, которые всю жизнь, подобно легистамъ по профессіи, предаются изученію и примѣненію „ассизъ“ и своей юридической опытностью и ученостью, побѣдами въ словесныхъ турнирахъ, ухищреннымъ своимъ крюкотворствомъ добываютъ не меньше славы, чѣмъ военными триумфами и аристократическими титулами. Въ воспоминаніяхъ остроумнѣйшаго изъ этихъ бароновъ-сутягъ, Филиппа Наваррскаго, проходитъ блестящая плеяда его учителей и товарищей: Жанъ и Жакъ Ибленскіе, Жоффруа, баронъ Сидона, Рауль, сеньеръ Тиверіады. Онъ живо изображаетъ юридическую манію, „наклонность, родъ недуга“, которою одержимы были *seigneurs d'Oultre Mer*, и которая не оставляла ихъ въ безсонныя ночи и среди опасностей битвы. „Мессиръ Рауль Тиверіадскій спалъ плохо и тревожно“, по ночамъ онъ заставлялъ Филиппа читать себѣ вслухъ и самъ много рассказывалъ „объ обычаяхъ и ассизахъ іерусалимскихъ, настаивая на томъ, чтобы я удержалъ все въ памяти“. Сиръ Бейрута славился своимъ мужествомъ и безстрашіемъ. „Римская древность не знала болѣе безупречнаго бойца“. Узнавъ во время осады Серина, въ 1232 году, что три его сына, цвѣтъ семьи и надежда всего заморскаго христіанства, ранены, „испустилъ изъ груди своей возгласъ печали“,

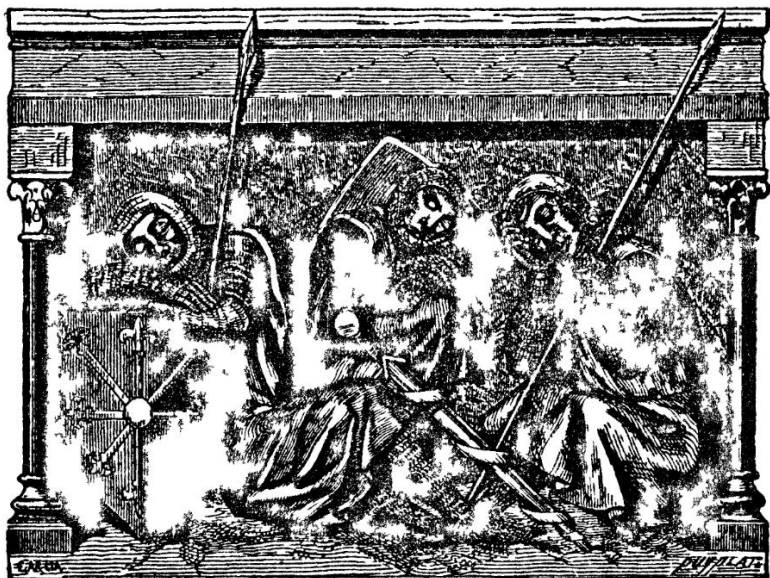
столь характерный для стараго законника: „О зачѣмъ я не вспомнилъ ассизу, которую установилъ король Амори!“ Забытая огорченнымъ отцомъ ассиза устанавливала, что дѣти вассала не слѣдуютъ за сюзереномъ отца дальше, чѣмъ на день конской ѣзды. Изошренная память заморскихъ бароновъ хранила огромное количество прецедентовъ и ассизъ, фактъ тѣмъ болѣе удивительный, что за все время существованія Іерусалимскаго королевства, они не подверглись систематической кодификаціи, не оформились въ текстъ, доступный всѣмъ. Haute Cour хотѣла остаться священной коллегіей, въ своемъ сознаниі хранящей законъ, кастой „сказителей права“. Рауль Тиверіадскій на предложеніе короля Амори помочь ему въ систематизаціи текста ассизъ, отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ: „Въ томъ, что я знаю, я не хочу сравнять съ собою какого-нибудь Ремона Ансіомъ, или иного смышленаго буржуа, да и вообще грамотнаго человѣка худого рода“. Только послѣ паденія Іерусалима, въ Акрѣ и на Кипрѣ рѣшатся славные юрисконсульты закрѣпить свой заморскій кодексъ, обнаруживая устои общества, которое уже было смертельно ранено, обречено на гибель, и дни котораго были сочтены.

Сохраненіе, процвѣтаніе и расширеніе христіанской Палестины охватывало задачи, для которыхъ эта организація, не лишенная энергіи и напряженія, оказывалась недостаточной. Нельзя было забывать, сверхъ всего, что новое поле приложенія воинственной инициативы, феодалная восточная „Франція“, была попрежнему святой землей, драгоцѣнной христіанской реликвией, куда тянулись не только сила и мужество, но и слабость и страданіе. Уязвленные ранами жизни, „хрупкіе и нѣжные“, въ еще большей массѣ стремились въ Палестину. И великій гуманный порывъ освободившаго Іерусалимъ латинскаго міра отозвался въ суровыхъ сердцахъ его

воинства движеніемъ великодушной жалости ко всѣмъ, — „во имя любовной жажды видѣть“ — плавающимъ, путешествующимъ, недугующимъ, страждущимъ и плѣненнымъ. Для ихъ защиты на трудныхъ и опасныхъ дорогахъ, для ихъ устройства въ чужой странѣ, въ послѣднемъ счетѣ — для помощи свѣтскому рыцарству въ охранѣ границъ Палестины, создались первыя организациі духовно-рыцарскихъ орденовъ. Первый орденъ — госпитальеровъ — возникъ, какъ благотворительное братство. Скромно было его начало. Между 1070—1080 гг., когда Палестина подверглась нашествіямъ сельджуковъ, купецъ изъ Амальфи, Панталеоне Мауро создалъ въ Антіохіи и Іерусалимѣ пріюты для соотечественниковъ. Они утратили свой узко-національный характеръ, когда крестоносцы овладѣли Палестиной. Рядомъ съ госпиталемъ Мауро выросъ вскорѣ поглотившій его госпиталь Іоанна Милостиваго. Имя основателя новаго братства — Герардъ, и это все, что о немъ извѣстно. Булла Пасхалія II изображаетъ братство въ дѣйствиі. Она даетъ ему право выбирать главу, описываетъ уже существующую сътъ его пріутовъ: Сенъ - Жиль во Франціи; Компостелло въ Испаніи; въ Италіи — Асти, Пиза, Отранто, Мессина и Тарентъ. Идея Герарда была проста и смѣла до грандіозности въ тогдашнихъ условіяхъ связей европейскихъ центровъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ скопляются путники въ Св. Землю, гдѣ они садятся на корабли, союзъ создаетъ пріюты и братства руководителей, переводчиковъ, приходя на помощь ихъ слабости, бѣдности и невѣжеству. Центральный госпиталь, созданный въ Іерусалимѣ, скоро сталъ обслуживать 2.000 больныхъ. Организаторы этой всекатолической филантропической сѣти — „іоанниты“, „госпитальеры“ приносятъ обѣтъ бѣдности, цѣломудрія и послушанія. Это, въ первой фазѣ, свободное братство „слугъ бѣдняковъ“, которыхъ они именуютъ своими „господами“. Только

булла Иннокентія II въ 1137 г., идя, повидимому, навстрѣчу желаніямъ главъ братства, устанавливаетъ правило, что безъ согласія братьевъ и магистра ордена вступившій въ него не можетъ изъ него выйти. Такъ въ братство внесенъ былъ моментъ строгой дисциплины. Но наряду съ тѣсной орденской организаціей, создается институтъ донатовъ и собратьевъ: всѣ міряне, заявившіе себя помощью ордену, становятся участниками нѣкоторыхъ привилегій ордена и возносимыхъ имъ въ Іерусалимѣ молитвъ. Въ 50-хъ годахъ XII в., при магистрѣ Раймундѣ дю Пюи, братство получаетъ множество привилегій и пожертвованій. Въ это время мы видимъ его въ неизвѣстной дотолѣ роли военнаго ордена, принятой имъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ ордена тамплиеровъ. Этотъ послѣдній съ первыхъ же шаговъ, по мысли основателя Гюга де-Пэнъ съ семью товарищами, возникъ (1119 г.), какъ военно-монашеская дружина для защиты оружіемъ пилигримовъ и мѣстныхъ христіанъ отъ мусульманъ. Тамплиеры съ самага начала своего существованія надѣли латы и сдѣлали своимъ сѣдалищемъ не больницу — какъ госпитальеры, но замокъ, возникшій, согласно легендѣ, на мѣстѣ храма Соломонова (Temple). Подъ ихъ вліяніемъ начинается все больше опредѣляться воинственный характеръ также въ орденѣ іоаннитовъ. На зарѣ своей жизни оба ордена являются въ обликѣ идеальнаго рыцарства, объединеннаго около высшихъ его заповѣдей: вѣрить во все, чему учитъ Церковь, и защищать ее отъ враговъ, охранять слабыхъ и вести безъ устали и безъ пощады войну съ невѣрными.

„Новый родъ воинства, какъ слышно, родился нынѣ на землѣ,—такими словами привѣтствуетъ св. Бернардъ свѣтлыхъ защитниковъ Палестины,—новый и невѣдомый прежнимъ временамъ. Неутомимо борется онъ двойнымъ оружіемъ: противъ плоти и крови — мечомъ, противъ

Рыцари на ночной стражъ (рис. съ евангелія Sainte-Chapelle).

внутренней неправды — духомъ... Онъ мягче агнца и яростнѣе льва... совершенный и безстрашный воинъ, который одѣваетъ тѣло желѣзомъ, а душу броней вѣры. Не боится онъ никого: ни человѣка, ни бѣса. Чего могъ бы онъ страшиться, онъ, кому Христосъ — жизнь, а смерть — счастье?.. Славными возвращаются бойцы изъ битвы, блаженными умираютъ они въ ней“...

„Я расскажу вамъ, продолжаетъ Бернардь, объ ихъ жизни, въ смущеніе и укоръ нашимъ воинамъ, которые служатъ не Богу, но дьяволу. Среди божьихъ воиновъ не отсутствуетъ дисциплина и не презирается послушаніе. Здѣсь уходятъ и приходятъ по волѣ того, кто стоитъ во главѣ, одѣваются въ то, что онъ дастъ, и не просятъ и не принимаютъ пищи и одежды изъ другого мѣста. Въ жизни и одеждѣ они избѣгаютъ лишняго;

живуть вмѣстѣ въ общеніи и цѣломудріи, безъ женъ и дѣтей... безъ личной собственности, пребываютъ въ одномъ домѣ, храня единство духа въ союзѣ мира. Ты сказалъ бы: у этого множества — одно сердце и одна душа... Они никогда не сидятъ бездѣльниками, не шагаются въ праздномъ любопытствѣ. Когда они не на походѣ, чтобы не ѣсть даромъ хлѣбъ, они чинятъ оружіе и платье и вообще дѣлаютъ то, что повелѣваютъ имъ воля старшаго и нужда общины. Они не считаются съ лицами: чтится лучшей, не знатнѣйшей... Наглыя слова, бесполезная суета, неумѣренный смѣхъ, ропоть, перешептыванье не остаются безнаказанными. Они не терпятъ шашекъ и костей, ненавидятъ охоту, не развлекаются птичьей ловлей, они плюютъ на мимовъ, маговъ, сказочниковъ, не терпятъ пѣсенъ, зрѣлищъ и дурачествъ, не отращиваютъ волосъ. Никогда не нарядные, рѣдко мытые, часто косматые и нечесаные, грязные отъ пыли, въ темномъ щитѣ и панцырѣ... Когда близится бой, они одѣваются въ желѣзо, но не украшаются золотомъ и серебромъ и потому внушаютъ страхъ врагамъ, но не вызываютъ ихъ жадности. Они хотятъ имѣть коней быстрыхъ и сильныхъ, но не разукрашенныхъ... Они ищутъ битвъ, но не триумфовъ, побѣдъ, но не славы, стремятся возбуждать ужасъ, но не любованье“...

„Такихъ избралъ себѣ Господь и собралъ отъ предѣловъ земли, вѣрныхъ слугъ и сильныхъ во Израили, которые съ мечомъ въ рукѣ, опытные и рьяные въ битвѣ, бдительно хранятъ ложе Соломоново, Святой Гробъ“. И если современемъ грубый законъ непрерывной войны, сумятица политическихъ страстей и честолюбій, разлагающіе соблазны Сиріи замутили и исказили цѣльный и чистый образъ, прославленный клервальскимъ святымъ, если недолго соотвѣтствовалъ онъ дѣйствительности, то все же онъ навсегда врѣзался въ память романской Европы. Строгое лицо божья борца, быть мо-

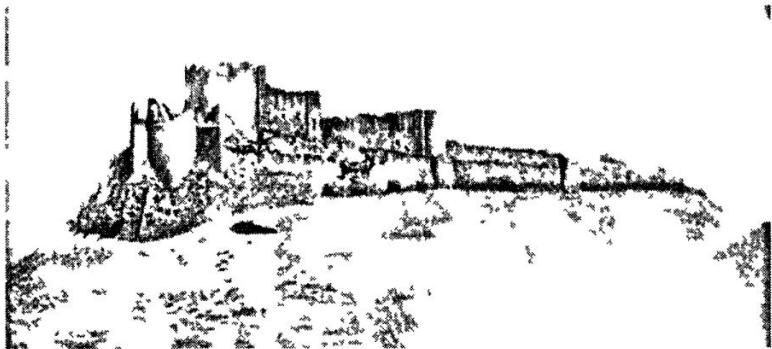
жетъ, доннынѣ еще свѣтитъ ея воинственнымъ вдохновеніямъ въ эпохи борьбы за утраченную землю обѣтованія.

Въ первыя десятилѣтія XII вѣка христіанская Сирія непрерывно растетъ и ширится. Не всегда согласныя, но сами по себѣ дѣятельныя и живыя силы: вооруженные экипажи итальянскихъ флотовъ, мѣстный военный феодализмъ, духовно-рыцарскіе ордена, время отъ времени прибывающая подмога съ Запада (съ теченіемъ времени еще наемные отряды турецкой конницы-туркополовъ), таковы были дѣятели защиты и расширенія христіанскихъ завоеваній.

Въ пору наибольшаго могущества—до потери Эдессы—христіанская Сирія очерчивается на географической картѣ нѣчто вродѣ рисунка глоксиніи съ длиннымъ цвѣточнымъ стеблемъ—Іерусалимскимъ королевствомъ, утолщеніемъ у корня—Заіорданской Землей, вытянутымъ цвѣтоложемъ—Триполискимъ графствомъ, и двумя широкими, неровными, сильно развернувшимися лепестками—Антиохійскимъ княжествомъ и графствомъ Роэцкимъ (Эдесскимъ).

Второй лепестокъ, ложась на истоки Евфрата, вдвигался въ пустыню, изъ знойнаго воздуха которой возникали угрожающія марева турецкихъ ополченій. Завоеваніе самой Сиріи было неполнымъ, пока суданы Алеппо, Хамаха и Дамасска сохраняли свои владѣнія. Границу христіанскихъ владѣній на Востокъ составляла цѣпь Ансарскихъ горъ, далѣе—горы Ливанскія и, наконецъ, искусственная граница—за Іорданомъ и Мертвымъ Моремъ. Французскія колоніи современемъ протянулись далѣе на юго-востокъ. Здѣсь, группа крѣпостей: Каракъ, Агамантъ, Монреаль, Иль-де-Грэ, сковавшій своими твердынями островъ у сѣвернаго края Эланитскаго залива на Красномъ морѣ,—командовала территоріей, которая носила имя Заіорданской Земли.

Другое гнѣздо сильныхъ замковъ оберегало долины,

Развалины замка Маргатъ.

которыя, протягиваясь между южной оконечностью Ливанскихъ горъ и озеромъ Тиверіадскимъ, могли дать доступъ арміи, вступавшей съ Востока. То были Бофоръ, Шато-Нефъ. Сафадъ, Кастелле. Въ Ансарскихъ горахъ Krak des Chevaliers командовалъ ущельемъ, въ которомъ пробиваетъ путь долина Оронта. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ пунктовъ ордена госпитальеровъ. Въ Ансарской цѣпи всѣ важные стратегическіе пункты были сильно укрѣплены. Все приморье представляло непрерывную линію торговыхъ гаваней, за которыми разстилалась сельская территорія. Въ Палестинѣ разсѣялись поселенія латинскихъ христіанъ, „и зазвучали сладкія имена Франціи“. Инициатива пришельцевъ проявляла себя дѣятельно и ярко.

Но изъ глубины страны воздѣйствовала въ обратномъ направленіи давно накопленная сила внутреннихъ вліяній. Завоеватели бросали сѣмя въ землю, пропитанную многовѣковой культурой. Она вліяла на произрастаніе. Въ внѣшнемъ обликѣ производной культуры, въ чертахъ быта это чувствовалось особенно наглядно. Онъ измѣнялся иногда поверхностно, иногда на глубинѣ. Французскій замокъ принималъ многія черты ви-

зантійско - арабской конструкціи, приспособляя свои формы къ горнымъ хребтамъ и скалистымъ островамъ, къ знойному, бездождному климату. Сирійскіе и греческіе художники убрали его привычною имъ декорациею, устлали полы и одѣвали стѣны мраморной мозаикой яркихъ цвѣтовъ, бросали изъ пастей каменныхъ драконовъ струи прозрачной воды — радость Востока. Крестonosцы зачастую замѣняли въ битвахъ стальную броню и шлемъ легкой арабской одеждою и высокимъ головнымъ уборомъ. При дворахъ іерусалимскихъ королей, какъ и триполисскихъ графовъ, царствовало смѣшеніе восточныхъ и западныхъ обычаевъ, какъ то имѣло мѣсто и въ Сициліи, и въ Испаніи. Сеньеры Палестины чеканили монеты съ арабскими надписями.

„Стоитъ поразмыслить надъ тѣмъ, какъ въ наши дни Господь обратилъ Западъ въ Востокъ, — говоритъ Фульхерій Шартрскій... Кто былъ римляниномъ или франкомъ, сталъ здѣсь галилеяниномъ... кто жилъ въ Реймсѣ или Шартрѣ, сталъ гражданиномъ Тира и Антиохіи. Мы уже забыли мѣста нашего рожденія... Многіе изъ насъ приобрѣли здѣсь на наслѣдственномъ правѣ дома и слугъ, многіе женились на сиріянкахъ, армянкахъ и даже сарацынкахъ, получившихъ благодать крещенія. Кто держитъ въ своемъ домѣ зятя, невѣстку, шурина; другой живетъ, окруженный племянниками и внуками. Кто воздѣлываетъ виноградники, кто поля. Они говорятъ на разныхъ языкахъ, но понимаютъ другъ друга. Самыя различныя нарѣчія знакомы живущимъ здѣсь народамъ, и ихъ сближаетъ взаимное довѣріе... Левъ и быкъ ѣдятъ изъ одного вмѣстилища. Чужой сталъ туземцемъ, пилигримъ—осѣдлымъ. Родные и близкіе постоянно пріѣзжаютъ къ намъ. Кто былъ бѣденъ у себя на родинѣ, сталъ здѣсь богатъ. Кто имѣлъ мызу, приобрѣлъ здѣсь виллу. Зачѣмъ вернулся бы на Западъ тотъ, кому такъ хорошо на Востокѣ?“

„Такъ сложилась, — замѣчаетъ одинъ французскій историкъ, — единственная въ исторіи картина культуры, которая пересажена была разомъ и цѣликомъ въ такой непохожій на нее міръ, со своимъ социальнымъ и административнымъ механизмомъ, обычаями, языкомъ и искусствами, — а потомъ исчезла такъ же внезапно, какъ и явилась, оставляя, однако, на покинутой ею почвѣ такую глубокую борозду, что она не стерлась и послѣ семи вѣковъ. Донинѣ еще на азіатскомъ побережьѣ сохранилось больше французскихъ замковъ, чѣмъ въ самой Франціи. Французскій путникъ не пройдетъ и дня по этимъ мѣстамъ, безъ того чтобы не наткнуться на каждомъ шагу на нѣмые памятники творческой работы, могучаго разлива его предковъ“.

Оцѣнивая положеніе латинской Сиріи, которое Фульхерій Шартрскій характеризовалъ, какъ затерянность среди враждебнаго міра, „между Византіей и Персидой“, удивляешься не тому, что черезъ два вѣка своего существованія она исчезнетъ съ лица Азіи, но тому, что она продержалась такъ долго. У этого факта была между прочимъ, отрицательная причина: слабость турецкой государственной организаціи. Сила, столь яркая и неодолимая при наступленіи, оказывалась неспособной охранять свои пріобрѣтенія. Отъ первыхъ султановъ-побѣдителей: Тогруль-Бека, Альпъ-Арслана, Мелекъ-Шаха, пошла огромная семья, раздробившая ихъ наслѣдство и враждовавшая въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ членовъ. Кромѣ дробленія власти внутри династій, способность турецкой государственности къ самозащитѣ разлагала система эмиратовъ. Пограничныя области были раздѣлены между множествомъ мелкихъ начальниковъ-эмировъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ слишкомъ мало силы, чтобы бороться съ врагами, и слишкомъ много стремленій къ самостоятельности, создававшихъ анархію. Въ такихъ условіяхъ отъ латинскаго

господства требовалось небольшое искусство, чтобы устоять и шириться. Однако, главная вѣтвь турецкой правящей семьи, сидѣвшая на востокѣ и въ центрѣ (Багдадѣ), выдвинувшая великихъ султановъ, уже съ конца первой трети XII вѣка теряетъ вліяніе на дѣла, уступая его тѣмъ, кого на мѣстномъ языкѣ называли атабеками. Атабеки постепенно захватываютъ въ свои руки главное вліяніе на замѣщеніе престола. Изъ ихъ рядовъ опять выходятъ смѣлые воители, какимъ былъ, на примѣръ, Имадъ-Эддинъ-Ценки, получившій положеніе атабека въ Моссулѣ и сумѣвшій подчинить своей волѣ пограничныхъ эмировъ. Съ обновленнымъ штабомъ и приведенной въ порядокъ арміей онъ начинаетъ съ 1127 года систематическую блокаду Эдесскаго графства. Одинъ за другимъ отходили въ руки турокъ армянскіе города, и въ началѣ сороковыхъ годовъ они вырвали Эдессу изъ рукъ христіанъ. Если вновь грозной и агрессивной становится „Персида“, то немногимъ лучше стали складываться въ эти тяжелые годы отношенія съ Византіей. Въ лицѣ базилевсовъ Іоанна и Мануила, Имперія проявляетъ активность, претендуетъ на гегемонію христіанскаго дѣла на Востокѣ. Она желаетъ осуществить полностью свои права въ Малой Азіи и вмѣшивается самымъ настойчивымъ образомъ въ дѣла Антиохіи, Эдессы, Кесаріи, намѣреваясь организовать подъ своимъ водительствомъ ихъ силы для борьбы съ Исламомъ, требуя вассальной присяги отъ ихъ бароновъ, навязывая греческаго патріарха „древнему городу св. Петра“. Въ такихъ условіяхъ у защитниковъ Палестины начинаетъ наростать сознаніе, что ихъ собственныхъ силъ и нормальнаго прилива, который шелъ изъ Европы, недостаточно, что Палестина нуждается въ чрезвычайной помощи. Такъ созданъ призывъ къ II Крестовому Походу.

На него прежде другихъ отвѣтилъ французскій король Людовикъ VII. Паденіе Эдессы, компрометиру-

вовще дѣло французскихъ крестоносцевъ, скрывавшее новую угрозу Антиохіи и, въ конечномъ счетѣ, Іерусалиму, задѣло его религіозную душу и его самолюбіе естественнаго покровителя прежнихъ своихъ перовъ, властвовавшихъ нынѣ въ Палестинѣ. Онъ обращается съ призывомъ къ феодальному міру. Однако, въ его устахъ призывъ оказался бездѣйственнымъ. Предложеніе короля встрѣтило такъ мало энтузіазма, что онъ долженъ былъ выждать годъ и вторично звать вассаловъ въ Везеле. Политическій опекунъ короля, аббатъ Сугерій, относился къ предпріятію отрицательно; папа Евгенийъ III — холодно. Но источникъ воинственно-мистическаго одушевленія въ Европѣ далеко не изсякъ, и его вновь вызвала къ жизни проповѣдь св. Бернарда. Намъ передаютъ текстъ его замѣчательнаго обращенія „къ восточнымъ франкамъ и баварамъ“. Намъ рассказываютъ ту сцену въ Везеле, которая до извѣстной степени была отраженіемъ сцены въ Клермонѣ, когда послѣ его словъ раздались крики: „Крестовъ, крестовъ“, и онъ рвалъ свою одежду, чтобы удовлетворить желающихъ. Ему, воплощенію религіознаго духа его эпохи, удалось одержать еще одну важную побѣду — надъ скептицизмомъ и уклончивостью нѣмецкаго императора. Если во II походѣ мы увидимъ большую нѣмецкую армію, это было дѣломъ св. Бернарда. Во всякомъ случаѣ уже не сотни тысячъ слѣдовали въ этомъ походѣ за своими вождями, и въ лицѣ этихъ вождей не было ни того увлеченія, ни той дѣятельной инициативы, какая характеризовала бароновъ, ведшихъ I походъ. Несчастливая мысль Людовика VII осадить Дамаскъ, который до этого, изъ вражды къ атабекамъ, готовъ былъ поддерживать христіанъ; несчастливая мысль взять съ собою на Востокъ жену, красавицу Элеонору, съ ея шумливой и бездѣльной свитой, съ ея склонностями къ романамъ, терзавшими ревностью сердце

короля-супруга, обрекли французскій походъ на неудачу. Жестоко разбитая при Дорилеъ армія Конрада оказала ему плохую поддержку, и крестоносцы вернулись на родину, не сдѣлавъ ничего для Палестины, испортивъ очень основательно отношенія съ дружественными сосѣдями и еще больше углубивъ конфликтъ съ Византіей.

Свидѣтель удручающаго впечатлѣнія, которое походъ произвелъ на Европу — хроника Фрейзингенскаго епископа, Оттона. Этотъ хроникеръ отошелъ въ исторію съ репутаціей пессимиста. Все, что пришлось ему пережить въ Германіи, не настраивало его на радостный тонъ. Онъ былъ горячимъ патріотомъ, идеалистомъ Имперіи. Въ жалкой фигурѣ Конрада III его имперская мечта находила слабую опору. Долгій споръ за инвестиру, кончившійся, правда, миромъ въ 1122 году, начиналъ приносить горькіе плоды. Своеволіе князей, церковныхъ и свѣтскихъ, общій тонъ разложенія, анархїи, полное отсутствіе единства, таково было наслѣдство, оставленное Германіи этимъ споромъ. Оно бременитъ плечи Оттона. „Насъ гнететъ воспоминаніе о прошломъ, тяжесть настоящаго, страхъ грядущихъ бѣдъ и, чуя въ себѣ голосъ смерти, мы испытываемъ отвращеніе къ жизни. И думаемъ, что уже недолго простоить міръ, отягченный множествомъ нашихъ грѣховъ, гнусной неправдой нашей смутной поры“. И однако, онъ былъ изъ тѣхъ, чье сердце загорѣлось при крестоносномъ призывѣ. Несмотря на нѣкоторые тревожные симптомы, предшествовавшіе II Походу, Оттонъ радуется ему, чего-то ждетъ отъ него: „Воры и разбойники берутъ крестъ. Земля освящается десницей Вышняго. Происходитъ измѣненіе“... Оттонъ охваченъ надеждою на какое-то новое будущее и, только-что кончивъ свою хронику, беретъ за перо, готовый писать исторію II Похода. Объ этомъ намѣреніи онъ вспоминаетъ много

лѣтъ спустя въ тонѣ глубокаго разочарованія. „Долженъ сознаться, что когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ я кончилъ первую свою исторію, и духъ божія странничества... повѣялъ надъ западными народами, я подумывалъ было снова взяться за перо. Уже началъ я писать, но не знаю, въ силу какого инстинктивнаго чувства, какъ если бы душа предчувствовала будущее и предвидѣла конецъ, я бросилъ начатый трудъ“. Такимъ образомъ, и въ этотъ моментъ надежда посѣтила его душу на минуту, и радость согрѣвала ее недолго. Онъ не сталъ писать исторіи II похода. Вѣсть о томъ, что происходило у Дорилеи и Дамасска, быстро пришла на Западъ, вызывая отчаяніе близкихъ ушедшимъ крестоносцамъ людей и, въ качествѣ реакціи, сильное раздраженіе противъ св. Бернарда. Возвратившіеся на родину государи, а также англійскій король Генрихъ II Плантагенетъ немедленно приняли на себя обѣтъ новаго пути, котораго, однако, никто изъ нихъ не выполнилъ, сойдя въ могилу съ тяжестью смертнаго грѣха. Искупить его надлежало ихъ дѣтямъ.

V.

Поворотъ въ судьбѣ Палестины. Латинская Имперія.

Тотчасъ послѣ отъѣзда крестоносцевъ турки врываются со всѣхъ сторонъ въ христіанскую Сирію. Нуръ-Эддинъ осадилъ триполискій замокъ, гдѣ находился сынъ триполискаго графа, и увелъ его съ собою. Муинъ-Эддинъ-Анаръ опустошилъ іерусалимскую область и вынудилъ у короля невыгодный мирный договоръ. Эмиръ Алеппо разгромилъ замки антиохійскаго княжества и овладѣлъ Апамеей. Рядъ кровавыхъ поражений христіанъ отмѣчаютъ 50-е годы XII вѣка. При этомъ іерусалимскій король показалъ себя далеко не на высотѣ, отказываясь идти своевременно на помощь находившимся въ опасности вассаламъ и занятый дома борьбою съ матерью своею, Мелиссандой.

Во второй половинѣ XII вѣка уже не могло быть рѣчи о ростѣ христіанскаго владычества въ сѣверной Сиріи. Сѣверная граница Іерусалимскаго королевства была беззащитна и открыта нападеніямъ турокъ.

Скоро та же судьба постигла и восточную границу. Населеніе Дамаска мало сочувствовало политикѣ своихъ владыкъ, изъ за вражды съ атабеками вступавшихъ въ союзъ съ христіанами. Со времени коварнаго нападенія христіанъ на Дамаскъ, въ средѣ мусульманскаго населенія зрѣетъ мысль, не ища невѣрной дружбы чужихъ,

опереться на могущественнаго Нурь-Эддина. Вскорѣ новыя интриги со стороны христіанъ дали ему поводъ возмутиться противъ эмира. Оно сдало городъ Нурь-Эддину и перешло на его сторону.

Теперь Іерусалимъ былъ окруженъ враждебной силой атабековъ. Можетъ быть, солидарность всего христіанскаго Востока отдалила бы его гибель. Но латинская Сирія, кровь отъ крови и плоть отъ плоти феодализма, осталась вѣрна себѣ. Она оказалась неспособной къ объединеннымъ усилямъ. Сжимаемое съ сѣвера и востока, Іерусалимское королевство не укрѣпляетъ своихъ связей съ Антиохіей и Триполисомъ, но вытягивается на югъ, стремится взять реваншъ за счетъ владѣній египетскаго халифа и вступаетъ съ нимъ въ борьбу.

Вторая половина XII вѣка наполнена походами іерусалимскихъ королей въ Африку. Въ этой борьбѣ есть свои блестящія страницы. Въ ней есть и извѣстная внутренняя необходимость. Уже на зарѣ созданія христіанской Сиріи ея коммерческое значеніе блѣднѣетъ передъ значеніемъ Египта. Сами египтяне, цѣня связи съ христіанскими колоніями Сиріи, стремились придвинуть ближе къ нимъ свои владѣнія, подвести подъ свою власть хотя бы одну или двѣ изъ блестящей группы южныхъ гаваней. Вопросъ идетъ обычно о Рамѣ и Аскалонѣ, и борьба за нихъ есть длительный эпизодъ исторіи Іерусалимскаго королевства послѣ 1150 года. Вся жизнь Амори II вращалась около тѣхъ четырехъ экспедицій, которыя онъ водилъ до Дельты и Каира. Въ первой (1163 г.) онъ самъ пытался овладѣть Египтомъ. Во второй и третьей (1164 и 1167 гг.) онъ соединился съ египетскими мусульманами противъ сирійскихъ, нападавшихъ на Египетъ. Въ четвертой (1168 г.) онъ долженъ былъ сражаться съ египтянами и сирійцами, соединившимися противъ него.

Но растяженіе боевой линіи на такое большое про-

странство, тотъ фактъ, что іерусалимскіе короли начинаютъ цѣлыми мѣсяцами пропадать по ту сторону Суэцкаго перешейка, теряя изъ виду судьбы остальной Сиріи, не можетъ не отозваться на нихъ самымъ печальнымъ образомъ, особенно, если принять во вниманіе напряженность всей атмосферы на Средиземномъ морѣ. Въ 50-е годы XII вѣка какъ будто выявляются всѣ тѣ противорѣчія, которыя дремали уже въ I Крестовомъ Походѣ, но обнаруживались относительно слабо, притушенные волною общаго энтузіазма. Рожеръ II, правившій въ Сициліи въ 1130—1154 гг., былъ наслѣдникомъ всѣхъ восточныхъ грезъ и всей „греческой“ ненависти Гвискарда и Богемунда. Съ другой стороны, его современникъ Мануиль Комненъ представляетъ полное его восточное соотвѣтствіе. Натура талантливая и сильная, онъ выросъ среди неумолкавшаго движенія въ его Имперіи и вокругъ нея. Крестonosцы проходили по ея территоріи; торговое движеніе оживало на Средиземномъ морѣ. Имперія вернула при помощи латинскихъ воиновъ значительную часть Малой Азіи, но на этомъ остановилась ея реставрація. Византійскій императоръ, какъ и іерусалимскій король, не дооцѣнивалъ подъема турецкой силы. Ему представлялось своевременнымъ осуществленіе цезарской мечты: отмстить норманнамъ ихъ обиды, вернуть Византіи ея южно-итальянскія темы, отнять у антioxійскаго князя, потомка Богемунда, знаменитый городъ Имперіи. Вскорѣ Корфу былъ отбитъ отъ норманновъ, и надъ нимъ поднятъ греческій флагъ. Въ 1149 г. Мануиль лично руководилъ боями въ Адриатическомъ морѣ. По мѣрѣ того, однако, какъ отчетливѣе проявляются его намѣренія, онъ возстанавливаетъ противъ себя не только норманновъ и папу, но и германскаго императора. Сирія фактически подчинилась гегемоніи базилевса, но Западъ обнаруживалъ все меньше готовности бороться объ руку съ нимъ за Сирію. Между

47 и 87 годами XII вѣка Палестина получила очень мало подкрѣпленій изъ Европы. А между тѣмъ надъ нею собиралась опасность болѣе грозная, чѣмъ сила Нуръ-Эддина. Уже при Амори въ Египтѣ боролись вліянія христіанъ и агентовъ Нуръ-Эддина. Эти послѣднія побѣдили въ лицѣ курда Ширку, который забралъ въ свои руки халифа. Единство политики въ Египтѣ и Сиріи становилось очень опаснымъ для христіанъ. Сложившаяся обстановка, которой не могъ или не хотѣлъ использовать старый Нуръ-Эддинъ, оказалась матеріаломъ въ рукахъ замѣчательнаго племянника Ширку, визиря Египта, Сала-Эддина (Саладина).

Систематически и осторожно дѣйствовалъ Саладинъ, когда смерть Нуръ-Эддина, оставившаго огромную и несогласную семью, открыла ему перспективы Сирійскаго наслѣдства. Втеченіе 12 лѣтъ онъ не касался христіанской полосы Сиріи, подчиняя одну за другой турецкія ея части, окружая со всѣхъ сторонъ латинскую державу. Борьба съ нею, несомнѣнно, входила въ планы Саладина, фанатическаго сына Ислама, энтузіаста идеи его вселенской власти. Но мирныя отношенія съ христіанами, закрѣпленныя договоромъ въ 1180 г., протянулись бы, можетъ быть, дольше, если бы вызовъ не послѣдовалъ отъ нихъ. Одинъ изъ бароновъ-авантюристовъ, которыхъ немало было въ Сиріи, Рено Шатильонскій, князь Заіорданской Земли, ограбилъ караванъ, отправлявшійся на богомолье съ царевной сестрой Саладина. Послѣдній потребовалъ удовлетворенія у іерусалимскаго короля. Безсиліе его или нежеланіе наказать вассала обусловили призывъ къ „священной войнѣ“. Она застала восточныхъ христіанъ врасплохъ, лишенными помощи недавно скончавшагося Мануила и забывшаго о Святой Землѣ Запада.

Движеніе Саладина было быстрымъ и увѣреннымъ. Въ іюнѣ 1187 г. онъ взялъ Тиверіаду, нанесъ пораже-

ніе главному войску на высотахъ Гиттина, гдѣ взяты были въ плѣнъ король, магистръ тамплиеровъ и много бароновъ и рыцарей. Затѣмъ Саладинъ овладѣлъ Акрой, Бейрутомъ, Кесаріей, Аскалономъ. Іерусалимъ даже не пробовалъ защищаться. При первой бреші, пробитой въ стѣнѣ, городъ капитулировалъ на милость побѣдителя. 2-го октября 1187 г. Саладинъ вошелъ въ городъ, и турецкія знамена взвились надъ его стѣнами.

Совершенно иной, сравнительно съ поколѣніемъ перваго Крестоваго Похода, была та среда, въ которой раздалась проповѣдь третьяго. Руководство христіанской Европой ускользало изъ рукъ папы,—пусть этотъ папа былъ предшественникомъ Иннокентія III. Масса народная представляется въ концѣ XII вѣка менѣе расплавленной, менѣе кочующей, опредѣленнѣе кристаллизованной. Ея сердце отзовется менѣе согласнымъ и глубокимъ ударомъ въ отвѣтъ на крестоносный призывъ. Зато западный феодализмъ, сильный, многочисленный и блестящій, мѣрившійся равнымъ оружіемъ съ королями и императоромъ, хорошо понималъ, что онъ имѣетъ въ Палестинѣ, и отчетливѣе взвѣшивалъ всѣ выгоды обладанія ею и тяжесть ея утраты. Онъ прекрасно зналъ теперь пути на Востокъ, ресурсы странствій, опасности византійской дипломатіи; къ сожалѣнію, не лучше, чѣмъ прежде, учитывалъ онъ свои собственные опасныя анархическія свойства. Столѣтіе подвиговъ и славы еще не утомило его, не исчерпало его силъ. Острѣе, чѣмъ прежде, стоялъ вопросъ объ испомѣщеніи многолѣтнихъ семей, и попрежнему манила, менѣе безвѣстная теперь, даль. Заморскія династіи были его роднею, ихъ сеньеріи—его сеньеріями. Рѣшеніе принять крестъ для большинства складывалось, какъ отчетливое, быстрое и вмѣстѣ—зрѣлое рѣшеніе. Многимъ еще кружили голову звуки пѣсенъ,—какъ кружили они ее англійскому королю Ричарду Львиное

Сердце,—и уязвляли душу насмѣшки трубадура Бертрана де Борнъ надъ „медленностью бароновъ“. Императоръ Фридрихъ I Гогенштауфень, проигравъ дѣло Священной Имперіи въ Италиі, тѣмъ пламеннѣе желалъ возстановить блескъ теократіи успѣшной борьбой съ врагами Христа, бросить на вѣсы на Востокъ свой латинскій авторитетъ противъ авторитета византійскаго императора, котораго папа готовъ былъ противопоставить ему на Западѣ. Неподдѣльно храбрый воинъ, сильный энтузіастъ, въ которомъ много было неостывшаго увлеченія и душевной молодости, онъ „плакалъ отъ радости“, принимая крестъ. Скандинавскіе „іорсалафары“, вышедшіе въ концѣ 1188 года на полусотнѣ судовъ, фламандцы съ Яковомъ Авеннскимъ, англичане, шампанцы со своимъ графомъ Генрихомъ, португальцы, ополченія Гильома Сицилійскаго быстро и увѣренно двигались въ путь. Папство звало къ походу, и проповѣдники распространяли призывъ, но III Походъ наврядъ ли нуждался въ энергіи папы и вдохновеніи проповѣдниковъ. Онъ состоялся бы и безъ нихъ. Поэтому онъ не имѣетъ легендъ, подобныхъ легендѣ Петра Пустынника или Бернарда Клервосскаго. Участіе широкой массы уже исключалось тѣмъ, что большая часть экспедицій, сознательно избѣгая Византіи, двинулась моремъ; одинъ Императоръ пошелъ „дунайской долиной“.

Только французскій король Филиппъ II Августъ медлилъ, неохотно подчиняясь данному изъ приличія обѣту и задерживая своего вассала-соперника, Ричарда, связаннаго съ нимъ, какъ плѣнникъ цѣпью, борьбой за французскія территоріи. Только въ іюль 1190 г. рѣшились они вдвоемъ, контролируя и подстерегая другъ друга, двинуться черезъ Сицилію, гдѣ снова застряли на шесть мѣсяцевъ, занимаясь судьбой тамошняго наслѣдства и доведя до возстанія мѣстное насе-

леніе. А между тѣмъ сѣверные флоты уже собрались подъ Акрой, и Барбаросса давно былъ на пути въ Палестину съ 100-тысячною арміею. Все, казалось, обѣщало ей успѣхъ: хорошая организація, выдающіяся качества и авторитетъ вождя. Однако, путь выбранъ былъ неудачно, и Фридриху пришлось расплатиться за смѣлую рѣшимость помѣряться своимъ авторитетомъ съ Византіею. Интриги Исаака Ангела, нескрываемаго вражда православнаго населенія, за полтора вѣка „раздѣленія церквей“ и столкновеній съ крестоносцами вырастившаго ненависть къ „собакамъ-латинянамъ“—такъ называлъ ихъ самъ патріархъ—затрудняли движеніе западнаго войска. Лишь черезъ 10 мѣсяцевъ оно добралось до Малой Азіи, достигло границъ Арменіи, гдѣ, наконецъ, нашло друзей и обезпеченіе провіантомъ. Новое, совершенно неожиданное бѣдствіе отняло у него вождя. Императоръ, на глазахъ своего войска, въѣхавъ въ бронѣ въ рѣку Селефъ, исчезъ вмѣстѣ съ конемъ и былъ вытащенъ уже мертвымъ. Этотъ несчастный случай совершенно уронилъ духъ войска и разбилъ его единство. Часть дезертировала домой, часть пробралась въ Антиохію, и только часть присоединилась къ крестоносцамъ, собравшимся у Акры.

Акра считалась ключомъ Іерусалима. Съ іюня 1189 г. здѣсь стоялъ лагерь послѣдній іерусалимскій король Гюи Лузиньянскій. Сюда вскорѣ прибыли сѣверные флоты, шампанцы и итальянцы, Конрадъ Монферратскій и ландграфъ Тюрингенскій. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ явились остатки арміи Барбароссы, и только къ веснѣ 1191 года—Филиппъ, и затѣмъ Ричардъ, по пути еще занявшійся покореніемъ Кипра. Къ ихъ пріѣзду на мѣстѣ лагеря осаждающихъ выросъ цѣлый городъ, съ церквами, рынками и площадями, пріютившій 600-тысячную армію. Но эта армія, послѣ двухъ-трехъ попытокъ схватки съ Саладиномъ, находилась въ бездѣйствіи и,

уничтожая свои запасы (въ концѣ концовъ она съѣла лучшихъ скакуновъ) не двигала осаду. Зимой начались болѣзни. Медленно и вяло дѣйствовали осадныя машины. Только съ прїѣздомъ французскаго и англійскаго короля военныя дѣйствія оживились. Ричардъ изумлялъ соратниковъ своимъ мужествомъ. „Точно игольная подушка, утыканный стрѣлами“, возвращался онъ изъ битвъ, и самъ превращалъ въ такія же подушки неприятелей, показывавшихся на башняхъ. Возбужденная вновь энергія осаждавшихъ, наконецъ, увѣнчалась успѣхомъ, и Акра сдалась. Христіане торжественно вступили въ нее: Ричардъ занялъ королевскій дворецъ, а Филиппъ домъ тамплиеровъ. Христіане освятили мечети, подѣлили добычу, а черезъ нѣкоторое время, когда Саладинъ не выполнилъ условій сдачи, перебили заложниковъ. Взятіе Акры было только первымъ важнымъ шагомъ. Впереди былъ Іерусалимъ.

На этотъ подвигъ не хватило уже растроченныхъ силъ и остывшаго энтузіазма крестоносцевъ. Передъ ними стоялъ противникъ, непохожій на разваливавшуюся турецкую державу I Крестоваго Похода. Западному рыцарству нечего было противопоставить замѣчательной выдержкѣ Саладина. Соперничество генуэзцевъ и пизанцевъ, соперничество двухъ кандидатовъ на недобытый іерусалимскій престолъ, Гюи Лузиньянскаго и Конрада Монферратскаго, вражда ихъ покровителей Ричарда и Филиппа разлагающе дѣйствовали на войско. Самъ Филиппъ, не имѣвшій никакихъ внутреннихъ стимуловъ въ экспедиціи, быстро къ ней охладѣлъ и уѣхалъ почти внезапно, передавъ герцогу Бургундскому работу веденія подкоповъ подъ Ричарда Львиное Сердце и жалуясь всюду по дорогѣ, будто Ричардъ хотѣлъ его отравить и вызвалъ болѣзнь, отъ которой „Августъ“ оплѣшивѣлъ. Ричардъ остался хозяиномъ крестоноснаго дѣла на Востокѣ. Его личное

мужество, изумительные подвиги его неукротимаго сердца, которому его эпоха дала имя Львинаго—о нихъ вѣка еще твердила западная, какъ и восточная сказка, ими турецкія матери пугали своихъ дѣтей—не могли вознаградить его огромныхъ недостатковъ, какъ стратега, полного въ немъ отсутствія выдержки и политическаго такта. Единственный результатъ, котораго ему удалось добиться послѣ многомѣсячнаго пребыванія въ Палестинѣ, было трехлѣтнее перемиріе, въ теченіе котораго англійскіе паломники получали свободу являться къ Гробу Господню. Христіане удержались въ Акрѣ, но должны были своими руками разрушить завоеванный и вновь отданный Аскалонъ. Своеобразной чертой этой войны было чередованіе военныхъ дѣйствій и куртуазно-рыцарскихъ отношеній крестоносцевъ съ турками, Ричарда съ Саладиномъ. Они обмѣнивались посольствами, визитами, подарками. Ричардъ возвелъ въ рыцарское званіе брата Саладина и подумывалъ о бракѣ своей сестры съ его племянникомъ. Но Мелекъ эль-Адиль не согласился принять христіанство; и вообще, казалось, крестоносцы склонны были обнаруживать бѣольшую уступчивость въ отношеніи мусульманъ, нежели турки въ отношеніи латинянъ. Историки любили изображать III Крестовый Походъ, возглавляемый съ одной стороны тремя великими западными государями, а съ другой Саладиномъ, какъ величественный поединокъ Ислама и христіанства. Для Саладина вся его дѣятельность, дѣйствительно, была священной войной, которой онъ вдохновилъ и спаялъ свою державу. Западный міръ не представлялъ ни того единства, ни того одушевленія. Духъ авантюризма, куртуазныхъ дѣяній, романическихъ приключеній, интриги палестинскихъ принцессъ, ихъ креатуръ и жениховъ придають очень своеобразный колоритъ III Крестовому Походу. Имъ не руководилъ никакой духовный вождь, онъ не испрашивалъ указаній

у папства, въ немъ не даетъ знать о себѣ глубокая душа массы. Это—дѣло бароновъ, знавшихъ, чего они хотятъ, имѣвшихъ и силу, и дарованія, чтобы добиться въ отдѣльныхъ случаяхъ желаемого, но не обладавшихъ умѣньемъ организовать, ни безкорыстной готовностью пожертвовать личнымъ интересомъ ради высшей цѣли. Въ III Крестовомъ Походѣ они поняли, между прочимъ, что Византія опредѣленно непріязненна крестоносцамъ, далѣе, что главный враждебный бастионъ Ислама находится въ Египтѣ—туда, по слѣдамъ Амори, пытался дѣлать вылазки Ричардъ. Наконецъ, болѣе трезвые и менѣе требовательные сдѣлали наблюдение, что главнаго, что нужно было христіанамъ въ Іерусалимѣ, можно было добиться отъ его просвѣщеннаго правительства путемъ добровольнаго сговора. Пизанцы же, генуэзцы и венеціанцы нуждались въ колоніяхъ приморскихъ городовъ, а не въ Іерусалимѣ. Первое изъ этихъ соображеній опредѣлило поворотъ на Константинополь IV Крестоваго Похода; второе указало пути V и VII, какъ и VIII; третье намѣтило тактику Фридриха II въ VI Походѣ.

Въ концѣ XII вѣка идеологія Имперіи вычерчиваетъ особенно блестящія кольца на средневѣковомъ небѣ міровыхъ идей. Въ ея „священномъ“, какъ и „римскомъ“ обликѣ она находитъ сторонниковъ и энтузіастовъ, которые опредѣляютъ ея притязанія съ небывалою полнотою. Фридрихъ Барбаросса пытался сдѣлать ихъ дѣйствительностью на ронкальскомъ собраніи; онъ хотѣлъ бороться за нихъ на Востокѣ. „Въ мірѣ одна власть, и это—власть Цезаря“, такъ въ лицѣ легистовъ отвѣчалъ конецъ XII вѣка на то, что высказано было сто лѣтъ тому назадъ въ письмѣ князей-крестоносцевъ къ папѣ Урбану II: „Двери небеснаго и земнаго Іерусалима должны быть открыты ключомъ князя апостоловъ, и весь міръ будетъ ему повиноваться“.

Жаръ имперской грезы въ ея всемірномъ пониманіи, который охладили въ огненномъ сердцѣ Барбароссы тяжелыя волны Селефа, былъ завѣщанъ имъ сыну Генриху. Если Фридрихъ не смогъ выполнить своихъ властныхъ замысловъ въ Ломбардіи, зато онъ сумѣлъ наложить руку на Сицилію; и бракъ Генриха VI съ норманнской наслѣдницей Констанціей отчасти вознаграждалъ Гогенштауфеновъ за то, что они потеряли при Леньяно. Сѣверная имперская традиція смыкалась съ норманнской, принимая наслѣдство ея восточныхъ проектовъ и ея византійской вражды. Со времени похода Барбароссы и тѣ, и другая выросли въ самой Имперіи. И новый германо-норманнскій союзъ могъ стать тѣмъ болѣе серьезной угрозой Востоку, какъ мусульманскому, такъ и „схизматическому“, что въ 1195 году революція въ Константинополѣ поколебала тронъ Ангеловъ, ослабила силу сопротивленія Византіи и дала основаніе Гогенштауфенамъ (братъ Барбароссы, Филиппъ Швабскій, былъ женатъ на дочери низверженнаго Исаака Ангела) выступить защитниками Константинопольскаго престола. Таково было положеніе Византіи. Что касается Сиріи, то въ ней въ 1193 году умеръ Саладинъ, и семнадцать его сыновей спорили за наслѣдство. Въ такихъ условіяхъ германскій Крестовый Походъ имѣлъ всѣ шансы успѣха. Уже государи Палестины, чувствуя новую силу, обращались за утвержденіемъ своихъ правъ къ Имперіи. Въ 1195 году королемъ Кипра, а потомъ „Іерусалима“ сталъ угодный Имперіи кандидатъ, Амори Лузиньянскій. Надъ нимъ совершилъ помазаніе нѣмецкій епископъ, Конрадъ Майнцкій. Въ эти годы получилъ свою организацію первый нѣмецкій, „Тевтонскій“ Орденъ. Германскіе флоты одинъ за другимъ направлялись къ Акрѣ. Эти планы вновь разрушила внезапная смерть императора. Инициативу IV Крестоваго Похода опять взяло на себя папство.

Оно удержало ее ненадолго, хотя въ 1198 году оно было представлено замѣчательной личностью Иннокентія III, а слабость и сомнительность кандидатовъ на германскій престолъ лишала Имперію авторитета. Въ Сициліи наслѣдникомъ Генриха былъ ребенокъ, Рожеръ-Фридрихъ. Братъ умершаго императора, Филиппъ Швабскій, не получилъ единодушнаго признанія среди германскихъ князей, и Иннокентій съ успѣхомъ поддерживалъ противъ него кандидатуру Оттона Брауншвейгскаго. Онъ сумѣлъ ослабить германское вліяніе и устранить представителей императорской власти въ итальянскихъ городахъ, а также завязать связь съ церковными и свѣтскими силами Палестины. Но вопросъ о Константинополѣ сохранялъ свою остроту и представлялся, быть можетъ, особенно трудно разрѣшимымъ для папы. Слишкомъ глубокая борозда раздѣлила за минувшій вѣкъ восточную и западную Церкви. Неутолимая горечь, накопившаяся въ душѣ латинскаго воинства, не давала надежды, что оно согласится использовать свое оружіе въ интересахъ „благосостоянія святыхъ божіихъ Церквей и соединенія всѣхъ“, не давала возможности вернуться къ великодушной политикѣ Урбана II. И тѣмъ не менѣе Иннокентій попытался вернуться къ ней, въ значительно, правда, измѣненномъ видѣ. Онъ поставитъ задачей проповѣдь всеобщаго крестоваго похода съ обезпеченіемъ интересовъ Восточной Имперіи, но цѣною церковной уніи. Подчиненіе Востока духовному примату Св. Петра, а за то поддержка западнаго оружія Имперіи и совмѣстное отвоеваніе Палестины, такова была его программа, къ которой, однако, не присоединился ни Западъ, ни Востокъ, хотя отъ императора-узурпатора, убійцы Ангела, и исходили опредѣленные предложенія въ этомъ смыслѣ.

И все же внушительна и величественна картина усилій Куріи наканунѣ IV Похода. По энергіи напря-

женія и по единству одушевлявшей ихъ воли, они напоминаютъ то, что происходило въ Европѣ вѣкъ тому назадъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ новое—не похоже на прежнее, какъ самая личность Иннокентія, младшаго и энергичнѣйшаго изъ кардиналовъ, канониста по образованію, священника-государя по идеаламъ, не похожа на ключнѣйшаго монаха-мистика, незабвенный голосъ Клермонской равнины. IV, какъ и I Крестовый Походъ, имѣлъ своего народнаго проповѣдника, но имъ былъ не пустынный и не цистерціанскій монахъ, но приходскій настоятель, Фулькъ изъ Нельи, творившій чудеса и давшій крестъ болѣе чѣмъ 200 тысячамъ крестonosцевъ. Онъ явился на турнирѣ „въ Шампани, въ замкѣ Арси и, по милости Божіей, приняли крестъ Тибо, графъ Шампанскій, Людовикъ, графъ Блуа... И знайте, что Тибо былъ совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, которому было не болѣе 22 лѣтъ...“ Хроникеръ Вилльярдуэнъ, котораго мы цитируемъ, перечисляетъ намъ поименно до 100 бароновъ, среди которыхъ выдѣляются Симонъ, графъ Монфорскій и Балдвинъ, герцогъ Фландрскій. „Именъ остальныхъ, говоритъ Вилльярдуэнъ—я не знаю“. Какъ сто лѣтъ назадъ, весь французскій сѣверъ собирался идти на отвоеваніе утеряннаго Іерусалима. Созданъ былъ спеціальныи источникъ денежныхъ средствъ Похода,—Саладинова десятина и рядъ экстренныхъ поборовъ съ духовенства. Самъ Иннокентій, показавшій примѣръ, увлекъ къ вольнымъ или невольнымъ жертвамъ подчиненную ему іерархію. Въ свѣтскомъ обществѣ ему слѣдовали съ меньшимъ увлеченіемъ. Саладинова десятина уплачивалась неаккуратно; ее приходилось выколачивать угрозой отлученій. Съ другой стороны, если феодальный міръ съ одушевленіемъ шелъ еще разъ совершить блестящій подвигъ на Востокъ, то главныя силы мірскаго общества, короли и императоры, не сдвинулись съ мѣста. Филиппъ Швабскій занятъ былъ укрѣ-

плениемъ своей колеблющейся власти въ борьбѣ съ Оттономъ. Ричардъ Львиное Сердце былъ мертвъ, а Юаннь Безземельный думалъ о томъ, какое мѣсто ему придется занять въ интригахъ французскаго короля. Филиппъ Августъ, очень довольный удалениемъ на Востокъ своихъ постоянно фрондировавшихъ вассаловъ и не обращая вниманія на поразившее его отлученіе, собирался воспользоваться ихъ отсутствиемъ, чтобы тверже основаться во Франціи.

IV Крестовый Походъ не ставилъ завоеванія Сиріи своей непосредственной задачей. Съ силами Ислама рѣшено было сразиться въ ихъ главномъ сѣдалищѣ—Египтѣ. Поэтому прямою цѣлью движенія былъ походъ въ „Вавилонію“ (Каирь). „Дунайская дорога“ оставалась въ сторонѣ; оставленъ былъ на этотъ разъ путь сговора съ флотами отдѣльныхъ французскихъ и итальянскихъ гаваней, и весь расчетъ руководителей основывался на венеціанскихъ эскадрахъ. Этотъ способъ переправы, наиболѣе концентрированный, удобный и быстрый, былъ, однако, и самымъ дорогимъ. Венеціанцы предъявили счетъ, уплата котораго могла быть произведена только за счетъ будущихъ завоеваній. Этотъ способъ ставилъ походъ въ исключительную зависимость отъ Адриатической республики. За два вѣка восточныхъ сношеній она развила огромную инициативу въ восточной политикѣ, и грузъ ея интересовъ и рѣшеній все сильнѣе давилъ на направленіе крестоноснаго дѣла. Уже въ первоначальномъ договорѣ Венеціей заявлены были притязанія на половину всѣхъ земель, завоеванныхъ на Востокѣ. Эти тяжелыя условія, возможно, встрѣтили бы болѣе рѣшительныя возраженія со стороны французскихъ бароновъ, но въ дни, когда они обсуждались, внезапно скончался намѣченный вождь похода, его душа и энтузіазмъ, Тибо Шампанскій; и смущеніе, и разстройство наступили въ группѣ вождей. Никто не хотѣлъ принять его наслѣдство. Шампанскій маршалъ—будущій

хроникеръ похода, Жоффруа Вилльярдуэнъ ставить себѣ въ заслугу, что въ этотъ критическій моментъ ему удалось выдвинуть и отстоять кандидатуру Бонифація Монферратскаго, брата убитаго „іерусалимскаго короля“, близкаго родича Филиппа Швабскаго (см. выше стр. 81), и такъ же, какъ и онъ, связаннаго родственными отношеніями съ устраненной отъ власти византійской императорской семьей. Съ его водительствою разомъ выдвигалась новая группа людей, новая связка чувствъ, мотивовъ, цѣлей. Византія опять вступала въ поле зрѣнія новыхъ руководителей похода, и сознание возможной опасности поворота вождельній въ эту сторону звучитъ въ условіяхъ, которыя ставитъ Походу папа Иннокентій III: принять, въ качествѣ духовнаго руководителя, папскаго легата и „не наносить по пути обидъ никакому народу христіанскому“.

Предостереженіе, оказавшееся дальновиднымъ, но совершенно тщетнымъ. Въсь новыхъ вліяній, вступившихъ въ IV Походъ: монферратцевъ, гибеллиновъ, венеціанцевъ, роковымъ образомъ поворачивалъ походъ по его, давно намѣченному германо-норманнской программой, пути. Уже первымъ отклоненіемъ было, предпринятое по требованію венеціанцевъ, отвоеваніе Зары отъ венгерскаго (христіанскаго!) короля. То была часть уплаты долга крестоносцевъ. Дальнѣйшее опредѣлили обстоятельства. Съ весны 1201 года по Европѣ странствовалъ царевичъ Алексѣй, сынъ заточеннаго Ангела, добиваясь вмѣшательства,—въ пользу своей семьи противъ царствовавшаго узурпатора, Алексѣя III—западной арміи въ дѣла Византіи. Папа, котораго онъ старался соблазнить обѣщаніями уніи, оставался непоколебимъ, но тѣмъ большій успѣхъ имѣлъ онъ въ лагерѣ гибеллиновъ и родственниковъ своихъ, Филиппа и Бонифація, а также венеціанцевъ, въ лицѣ своего дожа,—ослѣпленнаго нѣкогда въ Константинополѣ,—хранив-

шихъ живую память объ обидахъ Византіи. Симонъ Монфорскій, наряду съ немногочисленными идеалистами крестоносцаго дѣла, высказался рѣзко противъ новаго плана. Но тутъ же въ лагерѣ Зары вопросъ былъ рѣшенъ. Не дождавшись отвѣта папы на посланное ему требованіе снять отлученіе съ „крестоносцевъ, которые вступили бы врагами на христіанскую землю“,—собравшаяся въ Зарѣ армія двинулась къ Константинополю.

Когда читаешь знаменитый, многократно переписывавшійся отрывокъ хроники Вилльярдуэна, онъ гдѣ описываетъ ощущенія крестоносцевъ при видѣ столицы Востока, не можешь отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что онъ могъ быть навѣянъ записью хроникера I Похода, сдѣланной нѣкогда передъ стѣнами Святого Города. Аналогіи и, на ихъ фонѣ, можетъ быть, еще большія несходства кидаются въ глаза, символически начертывая путь, который прошло чувство западнаго воинства отъ Іерусалима до Константинополя, отъ Латинской Сиріи до Латинской Имперіи. И здѣсь, и тамъ „дрожить сердце“ достигшихъ своей цѣли странниковъ. И здѣсь, и тамъ доходить до энтузіазма преклоненіе передъ мощью, блескомъ подвига, который совершило ихъ мужество. Радость открытія новаго міра, духъ захватывающая гордость и восторгъ! „Знайте, что многіе глядѣли на Константинополь изъ тѣхъ, кто его не видѣлъ. Не могли они повѣрить, что есть на свѣтѣ такой богатый городъ... Вдаль и вширь разстился онъ передъ ихъ взглядомъ, владычица всѣхъ городовъ. И знайте, что не было того смѣлаго, чье сердце не дрогнуло бы“... Быть можетъ, отъ сознанія великаго дерзновенія. Не святыня Христова,—передъ ними все же была великая христіанская и историческая святыня; но не свѣтлое чувство освободителей, а темное вождельніе захватчиковъ привело ихъ сюда. Это сознаніе звучитъ гдѣ-то въ глубинѣ повѣствованія Вилльярдуэна. На первомъ

планъ—воинственное вдохновеніе, трубные звуки, цѣлая палитра эпическихъ красокъ, особенно яркихъ въ описаніи второй осады (когда, не добившись отъ своего кліента, Алексѣя IV, обѣщанной расплаты, крестоносцы рѣшаются сами себя вознаградить въ Константинополѣ). Висячіе мосты, брошенные къ стѣнамъ Константинополя, потоки греческаго огня, великаны-варяги съ ихъ двуострыми огромными сѣкирами, латинскіе воины, безстрашно карабкающіеся на башни, тонущіе въ волнахъ Босфора, серебряная цѣпь, перегородившая заливъ и перерѣзанная стальными ножницами венеціанской галеры, византійскія дамы, слѣдящія за битвой изъ оконъ дворцовъ, которыя выходятъ на взморье, наконецъ, знамя св. Марка, водруженное на городской башнѣ рукою слѣпого Дандоло... „Никогда, съ тѣхъ поръ, что стоитъ міръ, не было совершено такого великаго дѣла“. Въ этой „священной войнѣ“ отмѣчены ея хроникерами подвиги благочестія, рядомъ съ дѣлами великаго кощунства. Латинскіе воины исповѣдываются и причащаются передъ битвой. Они похищаютъ чудотворную икону Богоматери, написанную, по преданію, св. Лукой, и водружаютъ ее на мачтѣ передовой галеры, чтобы защититься отъ ударовъ. Ворвавшись наконецъ въ городъ, они не щадятъ ничего. Тысячи произведеній античнаго искусства исчезли съ чудесныхъ площадей Константинополя въ день, когда вошли туда западные воины. Храмы были немилосердно разграблены. Богатая мебель, ювелирныя сокровища, алтари, убранные золотомъ и эмалью, драгоценныя рукописи, ткани:—все было вытащено, содрано, изломано, снесено въ кучи въ мѣста, назначенныя для склада добычи. Духовныя лица предпринимаютъ охоту за реликвіями, растаскиваютъ славныя мощи императорской капеллы и чудотворныя сокровища другихъ церквей. При дѣлежѣ бароны выковыривали драгоценныя камни изъ серебряныхъ гнѣздъ, металлъ оставляли вои-

намъ низшаго ранга. „Дворцы захватили кому какой было угодно, и ихъ еще довольно осталось“. Бонифацій заявилъ право на святую Софію, дворець Буколеонъ и патріаршій дворець. Генрихъ Фландрскій завладѣлъ Влахернскимъ дворцомъ. Дѣло разрушенія совършено было съ упоеніемъ. На очереди стояло устроение и творчество. Изъ пышной, золотой византійской державы надлежало сковать стальную Латинскую Имперію.

Еще однажды западный міръ долженъ былъ показать свою живучесть и приспособляемость. То, что трудно было на землѣ Сириі, гдѣ отъ евреевъ, финикіянь, грековъ и римлянъ до персовъ, арабовъ и турокъ исторія нагромодила столько культурныхъ сокровищъ и культурныхъ развалинъ,—было еще болѣе труднымъ тамъ, гдѣ, хотя и волнуемая внутренними бурями, все же болѣе тысячелѣтія прожила непрерывною жизнью гордая власть Имперіи, гдѣ глубоко укоренилась традиція „православнаго“ населенія. Венеціанская олигархія и французское баронство были здѣсь почти равноправными конкурентами на власть и добычу, и она подѣлена была между ними съ своеобразной справедливостью. Шесть французовъ и шесть венеціанцевъ составили совѣтъ, который, устранивъ, въ угоду Венеціи, слишкомъ сильнаго Бонифація, избралъ „императоромъ Романіи“ француза, Балдвина Фландрскаго, а патріархомъ—венеціанца, Томазо Морозини. Блестящій титулъ, о которомъ столько вѣковъ грезилъ сѣверный императоръ и сицилійскій герцогъ, честь принять вѣнецъ передъ алтаремъ св. Софіи, облечься въ хламиду, шитую орлами, въ жемчужную красу бармъ Мануила Комнена, взойти на Константиновъ тронъ—должны были вознаградить фландрскаго герцога за незначительные размѣры его императорскаго домена, начинавшагося отъ Филиппополя и останавливавшагося у Никеи, гдѣ сосредоточилась большая часть бѣглецовъ изъ Констан-

тинополя съ императоромъ Θεодоромъ Ласкаремъ во главѣ, и куда быстро начали стягиваться силы свѣтской и церковной оппозиціи. Значительная, сравнительно, территорія досталась первому вассалу Имперіи, „ѳессалоникійскому королю“, Бонифацію. Дандоло, получившій титуль „деспота“, всталъ во главѣ длиннаго ряда венеціанскихъ территорій, соприкасавшихся или переплетавшихся съ французскими, захватившихъ почти всѣ порты имперскихъ морей. Ниже шли „герцогства“ Аѳинское, Архипелага, княжество Морейское (или Ахейское), графство Кефалонійское и т. д. Французское вліяніе, переборовъ внутри себя силы разрушенія, оказалось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достаточно мощнымъ, чтобы уравновѣшивать и даже одолѣвать, закрывать своими красками мѣстную богатую культуру. Подобно триполисской и кипрской, французская аристократія южныхъ сеньерій „Романіи“ славилась чистотою своей французской крови. „Морейскіе князья берутъ женъ изъ лучшихъ французскихъ домовъ. Такъ же поступаютъ ихъ вассалы, бароны и рыцари, которые женятся только на женщинахъ французскихъ рыцарскихъ родовъ. Потому-то французское морейское рыцарство считается самымъ чистымъ и благороднымъ въ мірѣ. Тамъ говорятъ по-французски не хуже, чѣмъ въ Парижѣ“. На древней почвѣ Ахейи выросли донжоны французскихъ замковъ, въ ея классическое небо врѣзались стрѣлы и кружева готическихъ храмовъ. Площади городовъ огласили *chansons de geste*, а громаду святой Софіи—латинская молитва.

Передъ такими перспективами, открывавшимися Западной Церкви, могъ ли устоять въ своемъ отрицаніи Иннокентій III? Развѣ не оживала для нея надежда, что „императорскій городъ, давній грозный противникъ Святой Римской Церкви, какъ и Святой Земли, нынѣ посвятить (такъ писалъ папѣ Бонифацій) свои силы на сокрушеніе ихъ враговъ?“ Папа не только склоняется

передъ фактомъ. Онъ готовъ утверждать, что „если бы до потери Восточной Земли держава Византійская принадлежала латинскимъ народамъ,—христіанскому міру не пришлось бы оплакивать утрату Іерусалима“. Съ новымъ одушевленіемъ влагааетъ папа свою энергію въ дѣло Латинскаго Востока въ его неожиданномъ расцвѣтѣ, зоветъ силы и средства на помощь новому насажденію, „для совѣта и поддержки возлюбленнаго сына нашего, Балдина“.

Но Латинская Имперія страдала въ еще большей степени, и отъ тѣхъ же грѣховъ, что и Латинская Сирія. Какъ и тамъ, и еще въ большей степени, чѣмъ тамъ, вмѣсто централизованнаго, сильнаго государства, западные бароны создали легко разсыпающуюся мозаику леновъ, покрытыхъ, но не связанныхъ именемъ Имперіи. Попытка осуществить ея власть въ отношеніи вассаловъ всякій разъ кончалась неудачей и была лишней демонстраціей слабости. Номинальная власть надъ Малой Азіей представлялась насмѣшкой, въ виду вѣчной угрозы Трапезундской и Никейской Имперій, гдѣ утвердились претенденты изгнанныхъ династій. На самомъ полуостровѣ безопасности Романіи грозили куманы и очень агрессивное въ эту эпоху царство Болгарское. Внутри она разрывалась церковными несогласіями французовъ съ венеціанцами, стремившимися захватить всѣ кандидатуры и посты мѣстной Латинской Церкви въ исключительное распоряженіе венеціанцевъ; она потрясалась глухой, но упорной враждой греческаго духовенства и греческаго населенія. „Унія“ осуществлялась только отчасти и неискренно. Она стала утрачивать своихъ немногочисленныхъ сторонниковъ, когда, въ лицѣ легата Пелагія, Латинская Церковь начала проявляться навязчивостью и насиліями. Въ Никею и Трапезундъ стало протягиваться все больше нитей, и недовѣріе къ Константинопольскому предпріятію должно было вернуться въ душу папы.

„Я хочу еще разъ отпраздновать съ вами Пасху, прежде чѣмъ пострадать“. Такими словами Христа открылъ въ 1215 году Иннокентій III Латеранскій соборъ, намекая на возможность близкой своей смерти и на желанный Исходъ (Пасха) въ Святую Землю. Хотя и отвлекаемое иными заботами, папство не могло позабыть, что Іерусалимъ—въ плѣну, въ рукахъ невѣрныхъ. Немало виновное (см. ниже стр. 101) въ затемненіи идеи движенія, оно попрежнему зоветъ Западъ на священный путь. На этомъ пути его не дано было больше увидѣть Иннокентію. Бродившее еще въ Европѣ крестоносное возбужденіе, которое подогрѣвалось изъ Рима, въ его понтификатъ вызвало къ жизни только два похода дѣтей, двинувшихся въ 1212 г., вмѣстѣ съ беспорядочными толпами присоединившихся къ нимъ взрослыхъ бродягъ изъ Франціи за пастушкомъ Этьеномъ и изъ Германіи за кельнскимъ десятилѣтнимъ визионеромъ, Николаемъ. Тщетно удерживали ихъ отъ этого предпріятія высшія свѣтскія и духовныя власти, видя въ немъ какой-то надрывъ, вырожденіе идеи священной войны. Судьба обоихъ походовъ была печальна. Одна толпа, посаженная въ Марсели на корабли, потерпѣла крушеніе и затѣмъ была распродана въ рабство на египетскихъ рынкахъ; другая, потерявъ по пути множество участниковъ, погибшихъ отъ голода и чумы, и едва добравшись до итальянскихъ гаваней, вернулась домой. Тотъ настоящій Походъ, который усиленно налаживалъ въ послѣдніе годы своей жизни Иннокентій III, и къ которому ему удалось склонить венгерскаго короля, австрійскаго и баварскаго герцоговъ, скандинавскихъ и брабантскихъ князей, гдѣ приняли энергичное участіе короли Кипра и Іерусалима и рыцарскіе Ордена,—осуществился только послѣ его смерти. Въ немъ доминируетъ германскій элементъ. Въ его планѣ—колебанія между Сиріей и Египтомъ, между

Акрой и „Вавилономъ“ (Каиромъ). Послѣ нѣкоторыхъ невѣрныхъ и неудачныхъ шаговъ въ Сиріи, отъѣзда венгерскаго короля и смерти Кипрскаго, рѣшено было, подѣ влияніемъ Іоанна Бриеннскаго, сосредоточиться въ Египтѣ. Сюда прибыла французская подмога, сюда явился „духовный вождь“ похода, сыгравшій въ немъ такую роковую роль, легатъ Пелагій. Силы, стянувшіяся въ Нильской дельтѣ, были достаточно импозантны. Безъ большихъ проволочекъ—главная заслуга въ этомъ подвигѣ принадлежитъ мужеству и боевой дисциплинѣ тамплиеровъ,—крестоносцы добились власти надъ Дамьеттой, стали угрозой у Эль-Мансура. Султанъ дважды предлагалъ имъ уступку Палестины и Іерусалима, послѣ того, какъ онъ перестроить его стѣны. Но крестоносцы—вторично по настоянію Пелагія,—упустили благоприятный моментъ для мира и, рассчитывая на большее, продвигались въ глубь страны. Здѣсь ихъ ждалъ неожиданный поворотъ военнаго счастья. Отрѣзанные отъ своей базы и окруженные наводненіемъ Нила, они потеряли результаты трехлѣтнихъ усилій, и Іоанну Бриеннскому, путемъ отказа отъ завоеваній въ Египтѣ и перспективъ въ Сиріи, удалось благополучно вывести армію изъ Африки.

V Походъ тщетно ждалъ себѣ на помощь Фридриха II Гогенштауфена. Когда-то, въ порывѣ мистическаго одушевленія, онъ принялъ обѣтъ крестоносца передъ гробницей Карла Великаго. Но ни Иннокентій III,—бывшій его воспитатель, ни Гонорій III, бывшій его доброжелатель, дававшій ему неоднократныя отсрочки, не дождались его выступленія. Понадобились громы отлученій Григорія IX, чтобы двинуть его въ путь. Выѣхавъ, наконецъ, въ сентябрѣ 1227 года, онъ еще разъ вернулся, и лишь въ іюнѣ слѣдующаго года мы видимъ его опредѣленно на дорогѣ въ Палестину. Но этотъ путь былъ столь же мало божьимъ путемъ, какъ сго вождь,—ученикъ и поклонникъ арабской мудрости,

былъ божьимъ воиномъ. Его тяга въ Святую Землю, поскольку она была реальной и побуждала его къ извѣстнымъ усиліямъ, покоилась на чисто мірской основѣ. То была, почти освобожденная отъ ея священнаго ореола, идея имперіалистовъ эпохи Барбароссы: весь міръ принадлежитъ Цезарю,—во всякомъ случаѣ, ему принадлежитъ, во всемъ ея объемѣ, территория прежней Имперіи. Отсюда для „Фридриха-Рожера“, сына Генриха VI и норманнской принцессы, вытекала власть надъ Іерусалимомъ и Антиохіей, какъ Константинополемъ и Кипромъ. И если свои спеціальныя притязанія на Іерусалимъ онъ подкрѣпилъ бракомъ съ наслѣдницей іерусалимской короны, Изабеллой Бріеннской, то это былъ только лишній доводъ, облегчавшій его политику на Востокѣ,—борьбу съ другими претендентами: Кипрскимъ королемъ, Генрихомъ, его опекуномъ Филиппомъ Ибленскимъ и матерью, Алисой Шампанской. Вѣрный своему терпимому отношенію къ Исламу, онъ началъ свой „крестовый походъ“ съ переговоровъ съ египетскимъ султаномъ, предлагая ему прекращеніе навсегда крестоносной войны и союзъ противъ грозившаго движенія турокъ Центральной Азіи—такъ называемыхъ „харизмійцевъ“. За это онъ требовалъ Палестину. Въ такомъ смыслѣ и состоялся договоръ между султаномъ и императоромъ еще до выѣзда послѣдняго въ путь.

Но если Малекъ-эль-Адилъ давалъ свои обѣщанія сгоряча—при первомъ ослабленіи харизмійской опасности онъ взялъ ихъ обратно и предлагалъ только Іерусалимъ, Виѳлеемъ и Назаретъ, съ правомъ свободнаго въ немъ пребыванія мусульманъ и безъ разрѣшенія христіанамъ укрѣплять его стѣны,—то Фридрихъ распорядился безъ хозяина. Изъ военныхъ силъ, сосредоточенныхъ въ Палестинѣ, только Тевтонскій Орденъ, съ Германомъ фонъ Зальца во главѣ, поддерживалъ его политику. Госпитальеры и тамплиеры, согласно

повелѣнію папы, отказывались выполнять пунктъ о „прекращеніи крестоносной войны“. Ордена францисканцевъ и доминиканцевъ открыто проповѣдывали на площадяхъ противъ безбожнаго императора, вступившаго въ союзъ съ невѣрными. Папа подвергъ отлученію соглашателя и интердикту Святую Землю, гдѣ тотъ утвердился. Патріархъ отказывался войти въ Іерусалимъ. Вступленіе и даже вѣнчаніе самого Фридриха обставлено было атрибутами больше свѣтскаго торжества, чѣмъ церковнаго таинства. Императоръ самъ возложилъ на себя корону въ храмѣ Св. Гроба, окружилъ Гробъ свѣтскими рыцарями, вмѣсто канониковъ. На коронаціонный пиръ онъ пригласилъ мусульманскихъ вождей... Торжество гибеллинской политики на Востокѣ одѣвалось въ формы, которыя давали Церкви поводъ говорить о наступавшемъ царствѣ Антихриста.

Сверхъ всего императоръ оскорбилъ всѣ силы сирійскаго феодализма. Въ нарушеніе его традицій онъ совершенно игнорировалъ въ важнѣйшихъ вопросахъ восточной политики волю Haute Cour, помимо ея сужденія и утвержденія распоряжался въ Акрѣ и на Кипрѣ. Оставленный имъ здѣсь намѣстникъ правилъ безъ ея участія. Въ лицѣмогущественнаго и вліятельнаго Жана Ибленскаго онъ посягнулъ на неприкосновенность феодальнаго владѣнія.

Всѣ вліятельные элементы Латинскаго Востока восстановлены были противъ императорскаго правительства. Примиреніе Фридриха съ папой, происшедшее въ 1230 году, не произвело впечатлѣнія на Палестину. Здѣсь, откуда императора въ 1229 году проводили, бросивъ ему стервятину вслѣдъ,—ждали только повода отдѣлаться отъ его намѣстника. Столкновение съ Жаномъ Ибленскимъ привело къ изгнанію имперіалистовъ въ 1232 году съ Кипра. Новая экспедиція, двинувшаяся въ Палестину въ 1239 году изъ Франціи, съ Тибо Шампанскимъ во главѣ, отвергла руководство императора

и игнорировала его союзъ. Въ 1243 году съ совершеннолѣтіемъ Конрада, сына Изабеллы Бріеннской и Фридриха, Курія провозгласила юношу королемъ Іерусалима, но устранила его отца отъ регентства, которое передано Кипрскому королю, Генриху Лузиньянскому.

Такъ же систематически бывали устраняемы всѣ попытки Фридриха вмѣшаться въ дѣла Латинской Византіи и его притязанія осуществить въ ней власть. Ея судьбы должны были завершить свой роковой кругъ безъ участія римскаго императора. Въ лицѣ первыхъ своихъ государей: Балдуина, черезъ годъ пропавшаго безъ вѣсти въ схваткѣ съ валахами, и Генриха, продержавшагося 11 лѣтъ, Латинская Византія имѣла дѣятельныхъ и энергичныхъ государей. Но ихъ жизнь ушла на борьбу съ враждебными и центробѣжными силами въ Имперіи и на ея границахъ. Жизнь Имперіи металась, какъ непрерывно задуваемое вѣтрами пламя. Далекая отъ того, чтобы быть опорой Латинской Сирии, она, напротивъ, оттягивала къ себѣ силы и ополченія Европы. Короткія царствованія Петра Куртенэ, внука Людовика Толстаго, его жены Іоланты, его сына, Роберта отмѣчены бесплодными усиліями укрѣпить власть, рѣдкими подвигами мужества, частыми попытками сговоровъ и родственныхъ союзовъ то съ греками, то съ болгарамъ. Лишь семь лѣтъ правленія Іоанна Бріеннскаго, „іерусалимскаго короля“ и опекуна малолѣтняго Балдуина II, были годами достойной и славной жизни Имперіи. Многолѣтнее царствованіе Балдуина (1237—1261) было долгой и безславной ея агоніей. Вѣчно нуждавшійся въ деньгахъ и въ военной силѣ, императоръ провелъ большую часть своей жизни въ странствіяхъ по европейскимъ дворамъ, распродавая дѣйствительныя и мнимыя святыни своей Имперіи, ея сенъеріи и титулы и даже, какъ гласитъ, преданіе, заложивъ венеціанцамъ собственнаго сына. Въ 1261 году Михаилу VII

Палеологу не стоило большого труда вернуть Константинополь греческой власти; и западное господство удержалось только въ Ахейѣ, Эпирѣ и на островахъ. И тѣмъ не менѣе оно, главнымъ образомъ, во французской своей стихіи, оставило долгій слѣдъ въ южной, преимущественно, Греціи. Распроданное же и раздаренное—хотя бы фиктивно—ея наслѣдство: терновый вѣнецъ Спасителя, доставшійся Людовику Святому, Эпиръ съ Ахеей, переданные его брату, Карлу Анжуйскому, сѣяли на Западѣ сѣмена новыхъ походовъ и новыхъ оккупационныхъ плановъ, носителями которыхъ, съ различными мотивами и различнымъ одушевленіемъ стали съ середины XIII вѣка члены французской королевской семьи.

Французскій принцъ-крестоносецъ XIII в
(съ печати Филиппа, сына Людовика IX).

VI.

Паденіе крестоноснаго энтузіазма.

Многія причины мѣшали въ этомъ вѣкѣ концентраціи западныхъ силъ для борьбы съ Исламомъ. Меньше другихъ бросалась въ глаза современникамъ та, которая была главной: Міръ сталъ инымъ, — какъ тотъ, который собирався подъ знаменемъ Креста, такъ и тотъ, что жилъ подъ знакомъ полумѣсяца. Здѣсь невозможно воспроизводить образъ всѣхъ тѣхъ измѣненій, которыя произошли въ соціальной и личной психикѣ, и въ которыхъ изсякали источники крестоноснаго одушевленія. Между I и IV походами прошло въ Европѣ могучее коммунальное движеніе. Несомнѣнно, оно отчасти вызвано къ жизни крестоноснымъ. Есть тенденція представить дѣло такъ, что это послѣднее, явившееся отвѣтомъ на смутно сознаванную потребность „измѣненія“ (*mutatio*. См. стр. 68) было ея абераціей. Полая вода народнаго возбужденія, высоко поднявшаяся въ весну крестоноснаго движенія, широко разлилась и завертѣла на своихъ путяхъ много новыхъ колесъ, которыя затѣмъ и увели эту воду на свою работу. Изъ-за мечты найти свою долю за синими волнами Средиземнаго моря, у подножія Ливанскихъ горъ, выросло рѣшеніе ковать ее дома, въ повседневномъ трудѣ и борьбѣ за переустройство жизни.

Самыя выгоды восточной торговли не были утрачены

съ потерей Іерусалима. Въ первую минуту казалось, что все рушилось въ Латинской Сиріи. Но когда утихли первые вопли отчаянія, вызванные паденіемъ Іерусалима, когда улеглась пыль, поднятая катастрофой, то обнаружилось, что кое-что сохранилось. Почти ни одинъ изъ торговыхъ кварталовъ не былъ уничтоженъ. Временно Средиземное море опустѣло. Но проходитъ немного времени, и караваны вновь начинаютъ совершать свои рейсы. Огромная держава, объединенная рукою Саладина, гдѣ теперь Сирія и Египетъ подчинены одной власти, радушно открыла свои рынки старымъ знакомцамъ. Въ единствѣ власти было извѣстное удобство для коммерческихъ сношеній. Обороты не пали, а возросли, и въ Левантской торговлѣ наступилъ новый расцвѣтъ. До I Похода только Италия и отчасти французскій югъ были участниками движенія. Теперь подъ его вліяніемъ оживаютъ пути, ведущіе въ глубину Европы. Возбужденіе,—охватившее Рейнъ, Рону съ Соной, пути ведущіе по этой водной артеріи къ Сенъ и дальше, къ Фландріи, морю и Англій, — связано отчасти прямо, отчасти косвенно съ крестоноснымъ движеніемъ, но не ликвидировано съ его замираніемъ. Конецъ XII вѣка видѣлъ утрату Іерусалима, но онъ оставитъ Европу въ живомъ, полномъ надеждъ движеніи. Внимательнѣе присматривается къ прежнему своему непріятелю христіанскій гость Сиріи,—какъ впрочемъ давно уже присматривался онъ къ нему въ Испаніи и Сициліи (см. выше стр. 18). Не только хлопокъ и сахаръ Палестины, перецъ и черное дерево Египта, самоцвѣтные камни и пряности Индіи ищетъ и цѣнитъ онъ у своего иновѣрнаго сосѣда. Онъ начинаетъ разбираться въ томъ культурномъ наслѣдствѣ великаго античнаго Востока, котораго хранителемъ и передатчикомъ сталъ сарацынъ. Открывающійся міръ не могъ не ослѣпить своими красками, не подчинить своему обаянію мысль, пробужденную къ

воспріятію необычайными потрясеніями совершившагося. Это обаяніе неизбѣжно должно было постепенно смягчать остроту столкновенія двухъ культуръ. Оно мирило вчерашнихъ враговъ. И если уже суровый Ричардъ Львиное Сердце обмѣнивался любезностями съ Саладиномъ, этимъ истиннымъ джентльменомъ Ислама,— тѣмъ естественнѣе, что въ 1228 году Фридрихъ II Гогенштауфенъ, ученикъ сицилійскихъ арабовъ, вовсе не можетъ понять непримиримую позицію Григорія IX. Все шире становится въ западномъ обществѣ спросъ на арабскія географическія карты, учебники алгебры и астрономіи, глубже пониманіе красоты арабскаго зодчества, очарованія арабской сказки и смысла „арабскаго“ Аристотеля.

Но конечно, утрата Іерусалима не могла быть пережита религіознымъ сознаниемъ иначе, какъ страшная катастрофа. Было ли челоуѣчество, передъ которымъ открывались такія широкія перспективы жизни, единодушно въ этомъ сознаниі, въ такой же мѣрѣ, какъ это было въ моментъ перваго взятія Іерусалима турками въ 1095 году? Или даже, какимъ оно было передъ паденіемъ его въ 1187 году? Слѣдъ этой второй катастрофы остался въ легендѣ о нѣкоемъ Іоахимѣ, основателѣ монастыря на суровыхъ высотахъ калабрійскихъ горъ. Тотъ загадочный челоуѣкъ, имѣвшій репутацію пророка, согласно преданію, нерѣдко покидалъ свой монастырь и появлялся въ городахъ Сициліи. Мимо этого острова ѣхаль, отправляясь въ III-ій Походъ, Ричардъ Львиное Сердце. Здѣсь видѣлся онъ съ Іоахимомъ, и тотъ сказалъ ему, что паденіе Іерусалима есть предвѣстіе близкаго конца міра, Саладинъ—предшественникъ Антихриста, который уже родился въ Римѣ, и что Иннокентій III не будетъ имѣть преемника. Всѣ признаки, всѣ ужасы переживаемой поры указываютъ на близящееся грозное испытаніе.

Міровоззрѣніе Іоахима носить трагическій, но не пессимистическій цвѣтъ. Онъ предвѣщаетъ бурю, смятеніе — *tribulatio*, но онъ вѣритъ, что какъ и природа въ грозѣ, міръ въ немъ обновится. Надеждой обновленія проникнуто все міровоззрѣніе Іоахима, вѣрой въ то, что царство Сына Божія уступитъ мѣсто высшей формѣ міровой жизни — царству Духа Святого, когда въ лоно Церкви войдутъ отвергнутые ея члены: греки и іудеи, и властная Церковь Петра превратится въ радостную Церковь свободной любви—Церковь Іоаннову.

Здѣсь звучитъ опредѣленное осужденіе и во всякомъ случаѣ, преодолѣніе Церкви Петровой. Латинское чело-вѣчество недаромъ совершило свой трудный путь въ Сиріи. Начавъ съ ненависти къ чужому міру, чужому религіозному сознанію, оно кончило сближеніемъ и примиреніемъ съ нимъ. Оно открыло въ немъ не только новыя сокровища внѣшней культуры, оно открыло невѣдомый ему богатый міръ научнаго и философскаго познанія и съ жадностью полными пригоршнями будетъ черпать въ немъ. Два вѣка тому назадъ оно шло сюда съ мечтой утвердить здѣсь Церковь Петрову. Оно не только разочаровалось въ ея осуществленіи, но и— въ значительной степени, въ самой Церкви Петровой. Критика неподвижной догмы, исканіе новой высшей формы религіознаго сознанія, болѣе чистой и свободной, болѣе святой, ересь, а затѣмъ, новая жизнь внутри обновленной Церкви — наслѣдіе этого просвѣтленнаго сознанія. Земной Іерусалимъ былъ утраченъ. Съ тѣмъ большимъ напряженіемъ пойдетъ новое движеніе внутренняго Крестоваго Похода, завоеванія духовнаго Іерусалима.

Въ феодально-рыцарскихъ слояхъ европейскаго общества, гдѣ измѣнились мотивы восточныхъ экспедицій, но не угасъ ихъ жаръ, сила порыва ослаблялась его раздвоеніемъ. Еще хуже было то, что она распылялась

въ самой Церкви. Воинственная энергія Куріи также направлялась теперь не на одну Палестину. И она отвлечена была новыми заданіями, въ которыхъ разбивался и замутился ясный, простой и строгій образъ Крестосной войны.

„Мы одолѣли турокъ и язычниковъ, но не можемъ одолѣть еретиковъ и схизматиковъ“, писалъ когда-то Богемундъ Урбану II, пытаясь зажечь его къ внутрихристіанской войнѣ. На этотъ призывъ не откликнулся Урбанъ, но онъ сталъ фактической программой вѣка Иннокентія III. „Схизма и ересь“ — таковъ былъ нынѣ объектъ войны, который закрывалъ въ глазахъ Куріи прежній. Новая концепція церковнаго врага была тѣмъ опаснѣе, что давала просторъ для весьма гибкихъ и растяжимыхъ толкованій и незамѣтными путями сплеталась съ сложной домашней политикой, съ личной и политической интригой, вызывала на чувства подозрительной настороженности по отношенію къ первымъ порывамъ свободной мысли, къ самымъ тонкимъ и благороднымъ, едва начинавшимъ звучать тонамъ духовной жизни. „Крестовый Походъ“ проповѣдывался всюду: не только въ Пруссіи противъ язычниковъ: славянъ и латышей, въ Испаніи противъ Альмогадовъ, но и въ Константинополь противъ грековъ, въ Англии противъ Іоанна Безземельнаго. Самымъ разрушительнымъ для европейской мирной культуры былъ проповѣданный въ 1209 г. походъ противъ еретиковъ-альбигойцевъ Лангедока и Прованса. Цвѣтущая страна купцовъ и трубадуровъ отдана была на опустошеніе „православнымъ“ людямъ французскаго сѣвера. Въ результатъ альбигойскихъ войнъ былъ, правда, сдѣланъ важный шагъ въ объединеніи Франціи, но навсегда убиты сила и цвѣтъ южной культуры.

Въ вѣкѣ Иннокентія IV постановка вопроса о священной войнѣ еще дальше отъ нея первоначальнаго смысла.

Не схизма и ересь вообще, но болѣе всего Германская Имперія, какъ ея воплощеніе, Гогенштауфенъ, какъ главный врагъ, указаны Иннокентіемъ главною цѣлью крестоноснаго движенія. Эта цѣль поставлена не только рядомъ съ Палестиной, но впереди нея. А между тѣмъ, надъ Палестиной собрались тучи. Изъ глубины Азіи близилоь татарское нашествіе, которое выдвинуло въ 1244 г. отряды, угрожавшіе сѣверной Сиріи. Съ другой стороны, подъ давленіемъ монголовъ, оживало движеніе турокъ - харизмійцевъ. Въ 1244 г. они вступили на службу египетскаго султана и завладѣли Іерусалимомъ. И въ это время Курія созывала соборъ въ Ліонѣ, болѣе всего для проповѣди войны съ Фридрихомъ, всѣми средствами старалась повернуть на Имперію задуманный Людовикомъ IV походъ, „ставила западни“, по выраженію хроникера, англійскимъ баронамъ, шедшимъ въ Святую Землю; словомъ, дѣлала все, чтобы заставить уже немногочисленную въ Европѣ группу вѣрныхъ и неизмѣнныхъ крестоносцевъ нарушить ихъ обѣтъ. Во главѣ этихъ вѣрныхъ и неизмѣнныхъ былъ французскій король Людовикъ Святой. Въ немъ, признанномъ арбитрѣ Европы, справедливомъ судѣ своего народа и прославленномъ при жизни святомъ, сосредоточивался еще глубокой жаръ былого одушевленія. Въ немъ была надежда Палестины и воплощеніе старой крестоносной чести, „опог“, Франціи.

„Въ то время король одержимъ былъ такимъ тяжелымъ недугомъ, что однажды дама, ходившая за нимъ, подумала, что онъ умеръ и уже стала накрывать простынею его лицо. Другая, однако, удерживала ее, замѣчая, что душа еще въ тѣлѣ. И услышавъ споръ этихъ дамъ, Господь далъ королю силъ настолько, что онъ смогъ двинуться. Когда же онъ былъ въ силахъ говорить, то потребовалъ, чтобы ему дали крестъ, что и было сдѣлано... Рада была королева - мать, услышавъ,

что рѣчь вернулась къ нему. Но когда она узнала, что онъ принялъ крестъ, о чемъ онъ самъ сказалъ ей, она впала въ такую печаль, точно онъ умеръ“.

Вмѣстѣ съ королемъ приняли крестъ его братья и нѣкоторые бароны Франціи и Фландріи. Французская эскадра выѣхала изъ Эгъ - Мортъ въ концѣ лѣта 1248 г., но не ранѣе, какъ черезъ годъ бросила якорь въ виду Дамьетты. По пути король нѣсколько мѣсяцевъ задержался на Кипрѣ, поджидая братьевъ, собирая провіантъ. И здѣсь, на Востокѣ, предшествовала ему репутація, которая стала собирать на Кипрѣ посольства изъ ближнихъ и дальнихъ мѣсть: христіане изъ Константинополя, Арменіи и Сиріи являлись съ подарками и просьбами. Отъ „великаго царя татаръ“ пришли послы предлагать союзъ противъ Египта и свидѣтельствовать объ интересѣ царя къ христіанамъ. Союзъ обѣщаль совершенно неожиданныя и очень выгодныя комбинаціи для европейской политики на Востокѣ. Но передъ святымъ королемъ, отвѣтившимъ на татарскую миссію посылкой монаховъ - проповѣдниковъ въ глубину Азіи, открывались перспективы, своимъ величіемъ превосходившія всѣ восточныя проекты норманнскихъ князей, имперскіе планы Гогенштауфеновъ, даже теократическія мечтанія папства. Невѣдомый, безграничный Востокъ открывался не власти, но миссіи христіанъ. И спрашивалъ себя король, „не можетъ ли онъ привлечь въ нашу вѣру“ новые огромные народы. И послалъ онъ ихъ царю палатку - часовню, на полотнищахъ которой „изображено Благовѣщеніе и другія положенія вѣры“.

Только лѣтомъ слѣдующаго года осуществленъ былъ походъ въ Египетъ. Король открылъ его, вступивъ въ волны Дельты, съ крикомъ „Montjoie Saint Denis!“ Всѣ подвиги и всѣ ошибки V Похода были воспроизведены въ VII. Послѣ взятія Дамьетты, подъ потоками греческаго огня, постоянно пересаживаясь на корабли и вы-

ступая на берегъ, наводя дамбы въ мѣстахъ, которымъ грозилъ Нилъ, крестоносцы повторили роковой путь до Эль-Мансура. Онъ предательски открылъ ворота первому отряду, ведомому молодымъ братомъ короля. Отрядъ погибъ до послѣдняго человѣка. Къ вечеру того же дня извѣстили о томъ короля. „Да будетъ прославленъ Господь за то, что онъ совершилъ для него, отвѣтилъ король; и крупныя слезы катились изъ его глазъ“... „Одно я знаю, что онъ въ раю“, сказалъ онъ тѣмъ, кто пришелъ спросить у него про брата“. Но и самъ король, какъ и большая часть арміи были недалеко отъ судьбы принца Роберта. Убийственный огонь сарацынъ, а вскорѣ загадочная болѣзнь, проявленіями своими напоминавшая цыngu, губили тысячи крестоносцевъ. Больной Жуанвиль однажды долженъ былъ встать съ постели, чтобы поддержать своего духовника, который, совершая таинство, упалъ въ обморокъ. „Онъ допѣлъ мессу до конца, но никогда больше уже не пѣлъ“... Больной король несъ всѣ испытанія вмѣстѣ со своимъ войскомъ, отвергая всѣ предложенія укрыться въ покойное и безопасное мѣсто. „Онъ былъ такъ слабъ, что его должны были внести въ хижину, и онъ прилегъ на колѣни одной горожанки Парижа“. Вскорѣ армія оказалась въ плѣну. Жизнь короля и его свиты была въ опасности съ того момента, какъ они очутились въ рукахъ гвардіи мамелюковъ, умертвившихъ своего султана и требовавшихъ награды у короля. „Но король молчалъ“... „Ихъ было тридцать въ нашей галерѣ, съ обнаженными мечами и датскими топорами. Я спросилъ Балдвина Ибленскаго, который понималъ по-сарацынски, что они говорятъ. И онъ сказалъ, что они собираются отрѣзать намъ головы... Вокругъ тѣснились люди, слѣшившіе исповѣдаться у брата-тринитарія... Но я не могъ вспомнить ни одного грѣха“.

Конечно, крестоносцамъ пришлось вернуть всѣ свои

завоеванія, уплатить огромный выкупъ за жизнь и свободу. Королю давали пропускъ, но большинство было задержано до уплаты контрибуціи, и Людовикъ не пожелалъ воспользоваться своей свободой. Пока тронутая жалостью Европа, пока бароны и королева Маргарита собирали деньги и драгоценности на выкупъ плѣнныхъ, король съ вѣрнымъ Жуанвилемъ оставался въ Палестинѣ. Ведя переговоры объ освобожденіи, укрѣпляя замки Акры, Кесаріи, Яффы и Сидона, онъ сдѣлалъ немало для облегченія участи плѣнныхъ и утвержденія французскаго вліянія на Востокѣ. Только смерть матери заставила его рѣшиться на возвращеніе. Но онъ смотрѣлъ на него, какъ на временное, и не считалъ себя свободнымъ отъ обѣта.

„Что скажетъ Франція, Шампань, что скажутъ люди?

.....

„Страдальцевъ за Христа и государя

„Предать на гибель былъ бы смертный грѣхъ.

Укоръ, которымъ въ свое время шампанскій сенешалъ поддержалъ рѣшеніе остаться въ Палестинѣ, глубже врѣзался въ память короля, чѣмъ самого Жуанвила. Передъ всѣми христіанами земли и всѣми христіанами Востока, а не только передъ тѣми, кого онъ въ 1248 г. привелъ къ Дамьеттѣ, лежалъ на его совѣсти долгъ. Онъ не могъ не почувствовать его тяжести въ 1267 г., когда новое наступленіе татаръ, искавшихъ опять союза съ сирійскими христіанами, вызвало жестокую реакцію среди мамелюковъ Египта, которые нашли энергичнаго руководителя въ Бибарсѣ. И отвѣтное движеніе приняло размѣры, небывало тяжкіе для христіанъ. Арсуфъ, Сафедъ, Кесарія, похороненные подъ развалинами своихъ разрушенныхъ стѣнъ, перешли въ руки Бибарса. Яффа покорилась послѣ двѣнадцатичасовой осады, Антиохія сдалась въ три дня. Кромѣ Триполиса, Акры и Сидона,

христиане не имѣли ничего на сирійскомъ побережьѣ. Курія сочла необходимымъ призывъ къ походу. Но трудно представить себѣ атмосферу, менѣе благоприятную для его осуществленія. Если въ концѣ 60 годовъ, со смертью Фридриха, норманнская и гибеллинская политика не находила яркихъ представителей въ семьѣ Гогенштауфеновъ, она всецѣло была воспринята ихъ наслѣдникомъ въ Сициліи — папство прочило его и въ императоры — Карломъ Анжуйскимъ, братомъ самого Людовика. Съ 1261 года, по договору съ Балдвиномъ II (см. стр. 95), на него возлагалась задача возстановленія Романіи, съ перспективами наслѣдства въ ней, а въ 1269 г. претендентка на іерусалимскую корону, Марія Антиохійская, передала ему свои права на Палестину. Путь, на который вступалъ Карлъ, былъ старый гибеллинскій путь сговора въ Сиріи и оккупации Византіи. Папство почти поддерживало его на этомъ пути.

Людовикъ Святой воспротивился ему всей силой своего авторитета. И этого авторитета еще оказалось достаточно, чтобы въ холодной или враждебной этой мысли Европѣ осуществить съ значительными силами еще одинъ „путь за море“. Печальнымъ свѣтомъ озаренъ послѣдній подвигъ крестоносной Франціи. Въ большинствѣ ея населенія призывъ встрѣтилъ равнодушіе или прямое возмущеніе. Самъ король отправился подъ зловѣщими ауспиціями. „Уснулъ я подь утро, рассказываетъ Жуанвиль, и увидѣлъ во снѣ короля на колѣняхъ передъ алтаремъ. Нѣсколько прелатовъ надѣвали на него алую сорочку изъ реймской саржи“. Духовникъ Жуанвиля разъяснилъ сонъ, какъ предсказаніе, „что завтра король приметъ крестъ“. Алый цвѣтъ сорочки намекалъ на кровь, бѣдный матеріаль на то, что походъ будетъ имѣть печальный исходъ (*de petit exploit*). „Все это вы увидите, если Богъ продлитъ вамъ вѣку“... „Думаю, продолжаетъ Жуанвиль, смертный

грѣхъ взяли на себя тѣ, кто совѣтоваль ему идти. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ ушелъ, положеніе королевства только ухудшалось“. Съ отчетливостью высказаль Жуанвиль мысль эпохи въ своемъ отвѣтѣ на призывъ присоединиться: „Я останусь дома, чтобы устраивать и защищать свой собственный народъ... Онъ бѣднѣеть и разоряется, пока мы странствуемъ за моремъ на службѣ у Бога и короля“.

Въ этомъ чувствѣ рѣзко разошлись два старыхъ друга, товарищи палестинскаго плѣна. Жуанвиль остался участвовать въ устроеніи новой Франціи. Людовикъ ушелъ на Востокъ, чтобы погибнуть за идею крестонснаго подвига, въ исполненіе молитвы, за которой однажды засталъ его Жуанвиль: „Господи, исполни желаніе моего сердца: утверди миръ между христіанами. Если же мнѣ суждено умереть, дай мнѣ умереть у великаго подвига, въ служеніи Тебѣ“.

Желаніе сердца было исполнено во второй своей половинѣ. Въ 1270 г. Людовика, какъ и очень значительную часть его арміи, унесла чума, разыгравшаяся на Тунисскомъ побережьѣ, куда двинулся VIII Крестовый Походъ. Карлъ Анжуйскій немедленно вывелъ остатки войска въ Европу. Походъ былъ, согласно предсказанію духовника, *de petit exploit*.

Некому было больше зажигать остывавшій жаръ Европы, и Сирія должна была покориться своей судьбѣ. Въ 1291 году послѣдній оплотъ христіанъ, Акра, была взята мусульманами. Ея защита была послѣдней славной страницей въ исторіи военныхъ организацій, охранявшихъ Палестину.

VII.

Эпилогъ Крестовыхъ Походовъ.

Заглавіе данныхъ очерковъ обѣщало ихъ читателю исторію эпохи Крестовыхъ Походовъ. И это заглавіе, и это обѣщаніе могли вызвать вопросъ, возможна ли такая исторія. Никто не сомнѣвается, что можно говорить объ исторіи папства, городовъ, монархіи. Тамъ дѣло идетъ о явленіяхъ, которыя жили жизнью непрерывною. Ихъ смѣняющіяся состоянія, возникающіе изъ ихъ глубины факты мы соотносимъ къ чему-то одному непрерывно длащемуся, у чего мѣняются,—если возможно такое сближеніе,—сказуемыя, опредѣленія, обстоятельства мѣста и времени, но остается одно подлежащее.

Такъ ли обстоитъ дѣло съ Крестовыми Походами? Отъ 1096 года, когда божьи воины впервые спустились въ Дунайскую долину, чтобы искать пути въ Обѣтованную Землю, до 1270 года, когда корабли французскаго короля Людовика Святого покинули Эгъ Мортъ и поставили паруса на Тунисъ, прошло почти два вѣка. Въ эти два вѣка нѣсколько разъ большія массы приходили въ движеніе, покидали почву Европы, чтобы, зачастую въ большинствѣ, не дойти до Іерусалима: погибнуть или вернуться; либо достигнувъ его, принести затѣмъ домой славу или разочарованіе и засѣсть въ своихъ шампанскихъ и лотарингскихъ углахъ съ рассказами о своемъ

iter transmarinus, „пути за море“,—до новаго поколѣнія, которое, не обогащаясь ошибками отцовъ и достигнувъ его лѣтъ, пойдетъ по его слѣдамъ.

Осязаемые результаты движенія незначительны. Уже „первый крестовый походъ“, замѣчаетъ французскій историкъ Люшеръ, „который взбудоражилъ всю Европу и заставилъ трепетать Азію, привелъ къ основанію нѣсколькихъ латинскихъ колоній на сирійскомъ побережьѣ, результатъ ничтожный, если сопоставить его съ огромностью усилій. Да и его-то достигли для того, чтобы вслѣдъ затѣмъ немедленно потерять. Прежде, чѣмъ Иннокентій III сталъ папою, двѣ мусульманскія державы, Дамасская и Каирская, послѣ долгой и фатальной для Ислама вражды, слились и вновь отвоевали Іерусалимъ. Все надо было начинать сначала“.

Въ самыхъ перебояхъ движенія нѣтъ опредѣленнаго закона. Установился обычай насчитывать восемь походовъ въ два столѣтія крестоносной эпохи. Въ этомъ счетѣ не приняты во вниманіе болѣе мелкія промежуточныя экспедиціи, ни предпріятія, которыя еще нѣкоторое время высылала Европа послѣ вѣка Людовика Святого. Можетъ быть, этотъ рядъ въ восемь большихъ движеній соотвѣтствуетъ чередованію поколѣній? Это предположеніе оправдывается очень отдаленно. Отъ перваго похода, отправная точка котораго—въ 1095 году съ его продолженіемъ—походомъ 1101 года, проходитъ до втораго (1147 г.) почти полвѣка. Второй отъ третьяго (1189 г. и сл.) отдѣляетъ сорокъ лѣтъ. Затѣмъ, однако, не проходитъ и 15 лѣтъ, какъ папству удастся вызвать новое выступленіе. Однако, IV Крестовый Походъ (1204 г.) съ первыхъ же шаговъ отклонился отъ „священнаго пути“ въ Палестину къ завоеванію Константинополя. Его составъ, исключительно почти рыцарскій и патриціанскій, его настроенія, ни въ чемъ уже не напоминавшія восторговъ крестоносной весны, показы-

вають, что „время пошло на склонъ“. XIII вѣкъ полонъ частыхъ попытокъ, либо несчастливыхъ, какъ походы дѣтей, либо такихъ, гдѣ на блѣдномъ фонѣ угасшаго энтузіазма массъ тѣмъ назойливѣе бросаются въ глаза честолюбія свѣтскихъ и церковныхъ интригановъ, и тѣмъ неприятнѣе поражаетъ холодная дипломатія удачливыхъ политиковъ (последнія стадіи похода 1217 и походъ 1228 г.). Средневѣковой міръ присутствуетъ при невиданномъ зрѣлищѣ, когда одинъ вселенскій глава его, императоръ Священной Имперіи, почти безъ крови и усилий, путемъ сговора съ „невѣрными“, добываетъ такъ безнадежно потерянный и такъ нѣкогда страстно желанный Іерусалимъ, а другой глава, римскій папа, за это самое подвергаетъ его анаѣмѣ; когда страна, гдѣ совершилось призваніе апостола Петра, находится подъ интердиктомъ его намѣстника.

Въ дальнѣйшемъ же, среди того сплошнаго несчастья, какимъ были VII и VIII походы, одна только фигура привлекаетъ къ себѣ вниманіе зрителя, сочувственное, но скорѣе исполненное высокомѣрной жалости, какъ и всякое явленіе, которое пришлось не ко времени,—это фигура святого короля Франціи, кого иные особенно трезвые его современники называли жалкимъ ханжой, королемъ-святошей и братцемъ Людовикомъ. На этомъ лицѣ, но, кажется, только на немъ одномъ, еще сіяетъ запоздалый свѣтъ того одушевленія, которое двигало крестоносцевъ на Востокъ.

На самомъ крестоносномъ движеніи историки обычно ставятъ точку въ 1291 году. Подобныя „даты“ никогда не бываютъ точными. Крестоносное движеніе породило множество учрежденій, организовало многія силы, которыя не могли исчезнуть немедленно съ послѣдней потерей Іерусалима. Въ Ахейѣ и на островахъ еще сохранились владѣнія „Новой Франціи“. На Кипрѣ, въ Никозіи болѣе двухъ вѣковъ (до 1489 г.—захвата венеціанцами,

у которыхъ въ 1571 г. отняли островъ турки) доживалъ царственный дворъ Іерусалима, съ королями Лузиньянской династіи во главѣ, съ окружившей ихъ вѣрной группой нашихъ знакомцевъ, заморскихъ бароновъ. Кажется, маятникъ времени остановился на Кипрѣ. Среди измѣнившагося міра живые обломки прошлаго, *seigneurs d'Oultre Mer* собирали и хранили текстъ и душу іерусалимскихъ ассизъ, свято берегли традиціи *Haute Cour*, являя міру удивительный образецъ аристократической идилліи, который, точно музейную рѣдкость, пощадила исторія.

Долго держались въ разныхъ углахъ Европы и другія переживанія крестоноснаго движенія. Существовали вызванные имъ къ жизни рыцарскіе ордена; существовали въ Римѣ канцеляріи, вѣдавшія дѣла Святой Земли. Жили еще честолюбивыя притязанія церковныхъ политиковъ и грезы церковныхъ мечтателей. Какова была судьба всѣхъ этихъ остатковъ, побѣговъ погибшаго основного ствола?—Они будутъ присасываться къ новой почвѣ или тоже погибать, одни естественною смертію, другіе насильственно. Изъ такихъ присосавшихся къ новой почвѣ и на ней огрубѣвшихъ эпигоновъ священной войны приходится особенно указать на сѣверные ордена меченосцевъ и тевтоновъ. Прикрывшись плащомъ и крестомъ Божія воина, они пронесли къ Балтійскому морю инстинкты и аппетиты, весьма уже непохожіе на мотивы первыхъ ея героевъ. Эти выжили и расцвѣли для новой жизни.

Что касается погибшихъ насильственной смертію, особенно тяжелое впечатлѣніе оставляетъ публичная казнь тамплиеровъ. Предлогомъ для этой публичной казни выставляютъ разныя преступленія и провинности Ордена, „ересь“ и „магію“. Но въ тонѣ ораторовъ, которые будутъ витійствовать въ подставныхъ судахъ, чувствуется, что они сами не вѣрятъ тому, что говорятъ.

Орденъ тамплиеровъ, самый, можетъ быть, воинственный и энергичный изъ орденовъ Палестины, былъ упраздненъ, потому что онъ не былъ нуженъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ своею силою и богатствомъ онъ вызывалъ разнообразныя вождельнія, между прочимъ и со стороны французскаго короля Филиппа IV. По его волѣ издана въ 1312 г. папой Климентомъ V булла, полагавшая конецъ существованію Ордена, и сожжены на кострахъ главные дѣятели его, съ магистромъ, Жакомъ Моле во главѣ.

Есть и медленно умирающіе. Это въ особенности приходится сказать объ орденѣ іоаннитовъ (госпитальеровъ). Менѣе непріятный для сильныхъ міра, проявившій себя больше благотворительной дѣятельностью, нежели властными притязаніями, онъ вызывалъ къ себѣ болѣе терпимое отношеніе. Но и его бросали изъ страны въ страну, изъ Палестины въ Кипръ, изъ Кипра на Мальту, его территорія все больше суживалась, пока онъ не умеръ отъ старческаго безсилія, и его корона, поднесенная императору сѣверной далекой державы, Павлу I, не очутилась въ Московской Оружейной Палатѣ.

Таковы чахнушіе въ медленной агоніи. Въ началѣ XIV вѣка ясно, что самая сердцевина крестоноснаго ствола вывѣтрилась, его стягъ, переданный въ руки германскаго воинства, утратилъ свой девизъ, и романское рыцарство больше не возьметъ его. Но и здѣсь, на романскомъ Западѣ, не перестанутъ вести рѣчи о Крестовыхъ Походахъ. Вьенскій соборъ 1311 года очень внимательно обсуждаетъ поставленный въ его программѣ вопросъ „О пути въ Іерусалимъ“. Всюду еще являются прожектёры, которые придумываютъ разныя „удобныя средства“ вернуть Іерусалимъ и обуздать турокъ. Проекты подаются папѣ, французскому королю, тому самому Филиппу IV, который загубилъ тамплиеровъ. Его легистъ, Пьеръ Дюбуа, составляетъ

обстоятельный планъ „Возвращенія Святой Земли“. Гильомъ ле-Меръ, епископъ Анжерскій сочиняетъ докладную записку „О дѣлѣ Святой Земли“. Въ XV вѣкѣ еще нѣкій венеціанецъ, Марко Санудо, тоже подаетъ соотвѣтствующій мемуаръ въ Курію. Въ прожектахъ не было недостатка. Прожектеры и тѣ коронованныя и тонсурованныя особы, которымъ они подавались, читали ихъ, размышляли, писали циркуляры, пока громъ пушекъ на Коссовомъ полѣ не извѣстилъ Европу, что турки не дождались крестоносныхъ гостей и сами пожаловали въ Европу. Семьдесятъ лѣтъ спустя они были уже у стѣнъ Константинополя.

Такъ идетъ по спадающей кривой исторія романскаго Запада въ крестоносномъ движеніи. Сперва оно увлекаетъ всѣхъ: сервовъ и горожанъ, трезвыхъ и восторженныхъ, добрыхъ людей и преступниковъ. Дальше въ его фарватерѣ остаются преимущественно разсчетливыя арміи воиновъ и купцовъ. На вершинѣ одного изъ послѣднихъ его всплесковъ—святой король Франціи и, въ заключеніе, ворохъ бумажныхъ проектовъ. Однако, отдѣльныя волны движенія, повидимому, разбиты большими интервалами, и то общество, которое черезъ каждыя сорокъ лѣтъ, а потомъ, чаще выкидывало на берега Сири и Африки большія волны, въ промежуткахъ жило не одними интересами священной войны, и самые эти интересы и порывы часто рождались изъ другихъ, въ нихъ возвращались и съ ними сливались. Въ этомъ смыслѣ, собственно, кажется, нѣтъ исторіи Крестовыхъ Походовъ, а есть исторія Западной, а также и Восточной Европы со всею полнотою ея огромнаго жизненнаго содержанія, которое ее наполняетъ, иногда переливаясь въ эту сторону — на „священный путь“. Разъяснить глубоко и до конца явленіе крестоноснаго движенія, казалось бы, значитъ дать полную исторію средневѣковой жизни.

Однако, если несправедливо видѣть въ крестоносномъ движеніи прерывную величину, гдѣ отдѣльныя точки, вѣхи, моменты предлагаются одинъ за другимъ безъ связующей ихъ ткани, то съ другой стороны, наврядъ ли можно сказать, что эта связующая ткань отождествляется, покрывается со всѣмъ содержаніемъ средневѣковой жизни. Она имѣетъ свое собственное, хотя и тѣсно съ нею переплетающееся. Крестоносное движеніе, среди общества, въ цѣломъ взволнованнаго призывомъ на священный путь, имѣетъ и свою спеціальную среду, своихъ носителей и дѣятелей во всѣхъ его слояхъ. Въ немъ средневѣковой міръ является въ особомъ аспектѣ, общество — въ своеобразномъ движеніи, города — въ колонизаціонной работѣ, феодализмъ — быстро кристаллизующимся, оформляющимъ свои принципы съ отчетливостью и систематичностью, какихъ онъ не зналъ на старой родинѣ. Мы видимъ папство вождемъ импозантныхъ военныхъ силъ, рѣшающимъ задачи, какихъ ему не ставилъ прежній міръ. Дѣло идетъ не только объ утвержденіи римской египетской кафедры, но и о включеніи въ кругъ непосредственной египетской власти великихъ восточныхъ кафедръ Антиохіи и Иерусалима; можетъ быть,—такая надежда блеснула ненадолго Александріи; и наконецъ,—эта надежда осуществлялась болѣе полувѣка,—самого Константинополя.

Отъ похода до похода въ нѣкоторыхъ слояхъ общества совершается интенсивный трудъ переработки итоговъ совершившагося движенія и подготовки новаго. Эта работа—одна изъ самыхъ видимыхъ и слышимыхъ въ жизни средневѣковой Европы. Она отразилась на торговыхъ книгахъ городовъ, на законодательныхъ сборникахъ сенъерій, на хроникахъ и мемуарахъ, на сказаніяхъ и пѣсняхъ. Не нужно особенной анализирующей силы, чтобы выдѣлить въ средневѣковой жизни и утверждать связный, замкнутый въ себѣ, хотя и

сплетающійся съ другими, процессъ крестоноснаго движенія. Его разсматриваютъ, какъ производную отъ экономическаго и соціальнаго развитія Средневѣковья, отъ политической его эволюціи. Онъ есть все это, но и нѣчто иное и большее, имѣющее свою резонирующую среду, своихъ носителей, свои формы и краски. Во всякомъ случаѣ онъ создалъ свою особенную литературу, рѣзко выдѣляющуюся въ мірѣ средневѣковаго лѣтописанія. *Iter transmarinus*—„Путь за море“, *Via Sacra*—„Священная дорога“, *Gesta Dei*—„Божій подвигъ“, такіе титулы обычно давали крестоноснымъ хроникамъ ихъ авторы. Мірѣ—въ движеніи къ высшей цѣли, радостная жертва, въ которой сіяніемъ высшаго идеала озарена самая смерть,—такова была ихъ концепція совершавшагося. Этотъ моментъ идеалистическаго напряженія, какой они улавливали въ происшедшемъ, черезъ всѣ неприглядныя стороны, которыя они сами такъ часто подмѣтили и изобразили,—этотъ моментъ давалъ въ ихъ представленіи единство совершавшемуся. Онъ помогалъ выдѣлять его въ одну сплошную хронику, которая теперь лежитъ передъ нами въ многочисленныхъ томахъ „*Gesta Dei per Francos*“, изъ которой брызжетъ яркая радуга красокъ и переживаній, и чувствуется трепеть стремящейся ввысь человѣческой души.

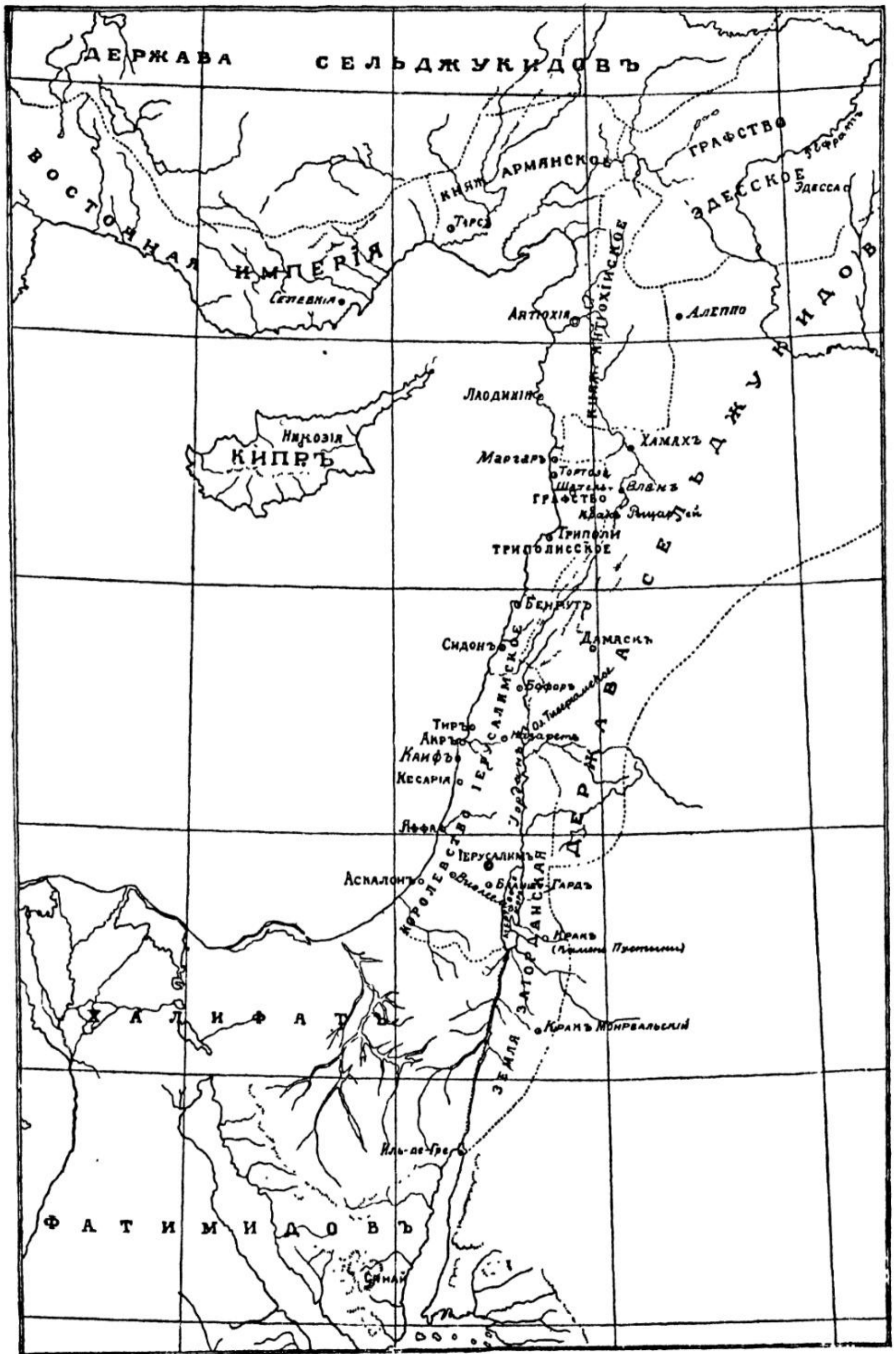
Потому что въ глубокихъ его основахъ, какъ и въ его вершинахъ, обнаруживается идеальный смыслъ движенія: единеніе, ради великаго подвига, всего христіанскаго братства, въ которомъ разсыпанные члены соединялись въ одно тѣло, и старѣющему міру явилась надежда обновленія.

Въ симфоніи исторической жизни,— а этою симфоніею, хотя бы и отзвучавшею, питается душа народовъ,—крестоносное движеніе прошло, какъ высокій призывный голосъ, и по его тону еще вѣка спустя не разъ настраивалась музыка воспріятія и дѣйствія европейскаго За-

пада, болѣе всего, Запада французскаго. Подобно инструменту, наигранному искусствомъ благороднаго мастера, коллективное сознание его народовъ не разъ давало звукъ согласный, мужественный и прекрасный, подъ прикосновеніемъ новыхъ урагановъ исторіи. И теперь, когда слышишь вновь патетическую симфонію романскаго міра, думаешь, что передъ нимъ не напрасно прошелъ нѣкогда въ маревѣ пустыни его таинственный вождь, Рыцарь Бѣдный, молчаливый и простой...

Съ нимъ, чистымъ своимъ воплощеніемъ, душа Западнаго человѣчества обняла видѣнье, непостижное уму,

„И глубоко впечатлѣнье
Въ сердце врѣзалось ему“...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТР.

- I. Составляющія крестоноснаго движенія.—Раннія паломничества на Востокъ. — Завоеваніе Палестины арабами. — Новое оживленіе странничествъ. — Почему Европа приходитъ въ движеніе въ XI вѣкѣ?— Какую роль въ подготовкѣ I-го Крестоваго Похода играли голодовки и „небесныя знаменія“.— Условія паломничествъ, ихъ растушій темпъ.— „Странствіе Карла Великаго“. — Организованныя силы, взявшія руководство движеніемъ.—Норманнскіе кланы.—Роль Клюни.— Турки-сельджуки въ Сиріи и у воротъ Имперіи. 1—22
- II. I-й Крестовый Походъ. — Возбужденіе клермонскихъ дней.—Легенда Петра Пустынника.—Движеніе массы.— Еврейскіе погромы. — Хроникеры I-го Похода.— Норманнская программа.—Бароны въ Константинополь и на малоазійскомъ берегу. — Византія предъ лицомъ крестоносцевъ.—Антіохійскій эпизодъ.—Паденіе Іерусалима.— Легенда о Годфридѣ Бульонскомъ 23—38
- III. Значеніе въ крестоносномъ движеніи торговыхъ флотовъ итальянскихъ республикъ.—Итальянскія колоніи на Сирійскомъ берегу. — Движеніе на Средиземномъ морѣ 39—50
- IV. Латинское общество на чужой землѣ. — Типы заморскихъ бароновъ. — Военная оборона Палестины. — Образъ божія воина-монаха. — Карта латинской Сиріи.—Паденіе Эдессы.—II-й Походъ 51—70
- V. Тяжелыя десятилѣтія въ жизни Латинской Сиріи. — Саладинъ и потеря Іерусалима.—III-й Походъ. Имперская программа Гогенштауфеновъ.—Походъ 1197 г.— Поворотъ IV-го Похода. — Латинская Имперія и западная культура. — „Папскій“ (V) и „императорскій“ (VI) походы.—Конецъ Латинской Имперіи 71— 96
- VI. Причины паденія крестоноснаго энтузіазма въ Европѣ. — Измѣненіе цѣлей походовъ въ мысли самого папства.—Послѣдніе „вѣрные“ крестоносцы Европы.— Походы Людовика Святого.—Конецъ Латинской Сиріи. 97—107
- VII. Эпилогъ крестоноснаго движенія.—Смыслъ общей его линіи.—Проекты новыхъ походовъ.—Судьба эпигоновъ движенія: учрежденій и организацій, созданныхъ нуждами Палестины. — Можно ли говорить объ исторіи крестоноснаго движенія?—Его внутреннее единство . 108—116

ИЛЛЮСТРАЦІИ.

- Рыцари на ночной стражѣ (съ евангелія Sainte Chapelle) 61
- Развалины замка Маргатъ 64
- Французскій принцъ-крестоносецъ XIII вѣка (съ печати Филиппа, сына Людовика IX) 96

КАРТА.

- Латинская Сирія въ XII в. 117